Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій". Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ". На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ".

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать" съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія".

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи". Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело") были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело") и анархисты(!!)". Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ" приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному національзму, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму" — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія" разногласія „государственниковъ" и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ пропагандой *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться" въ „единую" партію съ принципіальными противниками соціальдемократіи не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей" принципіальной почвы: такіе поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", были приняты за „систематическую обструкцію", за желаніе „разстроить" конференцію, и эта „обструкція" вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ". Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное" знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго націонализма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи" съ своей спеціальной „теоріей" соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи".

Что такое „свободныя націи"? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго" антагонизма, къ „вооруженному миру" съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты" партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная" эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества"; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство" явится результатомъ „братскаго единенія" между „свободными націями", т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство", т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемаго „демократическаго" національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ" вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью", а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами".

Если подъ „экономическимъ равенствомъ" слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей", какъ необходимой *предпосылкѣ* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.[1] Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать" для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго государства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ националистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа", подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-матеріалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества", совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только съ существующимъ въ Россіи самодержавіемъ, но и съ возможной въ ней централистической республикой, которая можетъ стать препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и національнаго освобожденія грузинскаго народа". Демократическая республика является препятствіемъ для соціальнаго освобожденія рабочаго класса постольку, поскольку политическая власть въ ней представляетъ собой выраженіе классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не „*борьба съ республикой*", а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ *за* политическую демократію и борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи *въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика") — значитъ чрезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую" политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа".

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической" партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ" новой „партіи". Опредѣливъ *свою* политическую задачу, внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу" (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи", мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ", конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какіе-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно другому; что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ условіяхъ [illegible] признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны, проникнута шовинизмомъ, а съ другой совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата".

„Запахъ" этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію", въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки", или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній" (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы" для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты" додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ") „не является лучшимъ залогомъ" культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націи", а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные" интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціальдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу" угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?"

„Рев. Россія" считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая" резолюція анархисто-націоналистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры". Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, соціальдемократія „надѣлала себѣ не мало вреда". Вамъ то нечего, казалось бы, печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ", причиненномъ „Искрой" нашей партіи, „Рев. Россія" констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas"; 3) съ „Бундомъ" — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа... Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами".

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу" нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ"? Пессимизмъ „Револ. Россіи" ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. Равнымъ образомъ, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами-революціонерами" въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ" заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими", національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи". Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ" (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ" федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи" („Р. Р.", № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ...

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и националистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ нея, какъ представительницы „шовинизма", руссификаторства etc. Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго національзма, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ" партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность про-

---

[1] Это, конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся достигнуть полной демократизаціи пролетаріатъ не сможетъ овладѣть политической властью. Отсутствіе или неполное развитіе демократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій переворо [illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій". Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ". На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ".

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать" съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія".

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи". Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело") были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело") и анархисты(!!)". Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ" приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному націонализму, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму" — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія" разногласія „государственниковъ" и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ пропагандой *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться" въ „единую" партію съ принципіальными противниками соціальдемократіи не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей" принципіальной почвы: такія поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", были приняты за „систематическую обструкцію", за желаніе „разстроить" конференцію, и эта „обструкція" вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ". Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное" знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго націонализма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи" съ своей спеціальной „теоріей" соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи".

Что такое „свободныя націи"? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго" антагонизма, къ „вооруженному миру" съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты" партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная" эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества"; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство" явится результатомъ „братскаго единенія" между „свободными націями", т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство", т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемаго „демократическаго" національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ" вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью", а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами".

Если подъ „экономическимъ равенствомъ" слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей", какъ необходимой *предпосылкѣ* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.[1] Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать" для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго государства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ націоналистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа", подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-матеріалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества", совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только [illegible] господствующимъ въ Россіи самодержавіемъ, но и съ во[illegible] централистической республикой, которая мо[illegible] препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и на[illegible] освобожденія грузинскаго народа". Демократическая [illegible] является препятствіемъ для соціальнаго освобожд[illegible] постольку, поскольку политическая власть [illegible] представляетъ собой [illegible] классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не *„борьба съ республикой"*, а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ за политическую демократію и борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи *въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика") — значитъ чрезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую" политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго національнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа".

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической" партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ" новой „партіи". Опредѣливъ *свою* политическую задачу внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу" (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи", мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ", конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какія-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно друг[illegible] что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ усло[illegible] — признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны проникнута шовинизмомъ, а съ друг[illegible] совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата".

„Запахъ" этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію", въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки", или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній" (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы" для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты" додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ") „не является лучшимъ залогомъ" культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націй", а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные" интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціальдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу" угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?"

„Рев. Россія" считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая" резолюція анархисто-націоналистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры". Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, соціальдемократія „натворила себѣ не мало вреда". Намъ то [illegible] печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ", причиненномъ „Искрой" нашей партіи, „Рев. Россія" констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas"; 3) съ „Бундомъ" — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа... Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами".

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу" нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ"? Пессимизмъ „Револ. Россіи" ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. Равнымъ образомъ, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами революціонерами" въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ" заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими", національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи". Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ" (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ" федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи" („Р. Р.", № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ...

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и националистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ нея, какъ представительницы „шовинизма", *руссификаторства etc.* Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго націонализма, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ" партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность про-

---

[1] Это, конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся достигнуть полной демократизаціи, пролетаріатъ не сможетъ овладѣть политической властью. Отсутствіе или неполное развитіе демократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій переворо[illegible]

ИСКРА

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

„Изъ искры возгорится пламя!“…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.“, въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій“. Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ“. На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ“.

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать“ съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія“.

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи“. Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи (созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело“) были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело“) и анархисты(!!)“. Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ“ приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному націонализму, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму“ — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія“ разногласія „государственниковъ“ и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ пропагандой *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться“ въ „единую“ партію съ принципіальными противниками соціальдемократіи не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей“ принципіальной почвы: такіе поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.“, были приняты за „систематическую обструкцію“, за желаніе „разстроить“ конференцію, и эта „обструкція“ вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ“. Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное“ знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго націонализма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи“ съ своей спеціальной „теоріей“ соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи“.

Что такое „свободныя націи“? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго“ антагонизма, къ „вооруженному миру“ съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты“ партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная“ эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества“; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство“ явится результатомъ „братскаго единенія“ между „свободными націями“, т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство“, т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемаго „демократическаго“ національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ“ вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью“, а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами“.

Если подъ „экономическимъ равенствомъ“ слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей“, какъ необходимой *предпосылкѣ* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.[1] Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать“ для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго государства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ націоналистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа“, подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-материалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества“, совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только съ существующимъ въ Россіи самодержавіемъ, но и съ возможной въ ней централистической республикой, которая можетъ стать препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и національнаго освобожденія грузинскаго народа“. Демократическая республика является препятствіемъ для соціальнаго освобожденія рабочаго класса постольку, поскольку политическая власть въ ней представляетъ собой выраженіе классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не *„борьба съ республикой“*, а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ *за* политическую демократію и борьбу съ классовымъ господствомъ *буржуазіи въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика“) — значитъ чрезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую“ политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа“.

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической“ партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ“ новой „партіи“. Опредѣливъ *свою* политическую задачу, внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу“ (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи“, мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ“, конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какіе-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно другому; что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ усло[illegible] признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны, проникнута шовинизмомъ, а съ друг[illegible] совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата“.

„Запахъ“ этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію“, въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки“, или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній“ (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы“ для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты“ додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ“) „не является лучшимъ залогомъ“ культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націи“, а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные“ интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціальдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу“ угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?“

„Рев. Россія“ считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая“ резолюція анархисто-націоналистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры“. Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, соціальдемократія „надѣлала себѣ не мало вреда“. Вамъ то нечего, казалось бы, печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ“, причиненномъ „Искрой“ нашей партіи, „Рев. Россія“ констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas“; 3) съ „Бундомъ“ — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа… Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами“.

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу“ нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ“? Пессимизмъ „Револ. Россіи“ ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. *Равнымъ образомъ*, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами-революціонерами“ въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ“ заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими“, національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи“. Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ“ (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ“ федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи“ („Р. Р.“, № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ…

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и националистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ нея, какъ представительницы „шовинизма“, руссификаторства etc. Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго національнаго, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ“ партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность пролетарскаго движенія на той самой конкретной исторической почвѣ, которая породила всѣ эти „народовыя демократіи", „P. P. S.", армянскихъ и грузинскихъ „соціалистовъ-федералистовъ", еврейскихъ „пейелэ-ціонъ" (рабочихъ-сіонистовъ) и пр., и пр. Нужна, слѣдовательно, достаточно автономная организація, обладающая политической иниціативой и умѣющая приспособлять общепартійную программу и тактику къ спеціальнымъ условіямъ среды. Но для того, чтобы такія автономныя организаціи обладали достаточной силой въ борьбѣ съ націоналистическими соперниками за вліяніе на народныя массы, чтобы всегда неизбѣжное политическое взаимодѣйствіе между организаціей и средой, въ которой она работаетъ, не направлялось, — при тѣхъ специфически благопріятныхъ для націонализма условіяхъ, которыя даются національнымъ гнетомъ, — въ сторону стихійнаго подчиненія организаціи интересамъ чистаго націонализма, — для этого необходимо, чтобы автономныя пролетарскія организаціи отдѣльныхъ націй или окраинъ не номинально, а реально являлись частями обще-партійной пролетарской организаціи, политика которой выражаетъ въ чистомъ видѣ классовые интересы пролетарскаго движенія въ его цѣломъ. Давленіе централизованной партійной организаціи на ея отдѣльныя составныя части сплошь и рядомъ воспринимается болѣзненно этими послѣдними (особенно при переходѣ отъ полной „самостоятельности" къ координированной работѣ въ рядахъ большой партіи), и можетъ казаться, что это давленіе приводитъ только къ стѣсненію свободы приспособленія данной части къ спеціальнымъ условіямъ ея политической работы. Это не такъ: давленіе всей партіи на ея отдѣльныя части является, прежде всего, важной гарантіей того, что это приспособленіе не будетъ носить *оппортюнистическій* характеръ. (Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, дѣйствительную централизацію партійной работы, а не ту, чисто-бумажную „централизацію", которая фактически узаконяетъ приходскую обособленность и примитивность работы отдѣльныхъ организацій, восполняя ее бюрократической регламентаціей внѣшнихъ проявленій партійной жизни). А такое давленіе всей партіи невозможно фактически при той слабой связи между частями, какую даетъ организаціонная федерація. Мелкобуржуазнымъ національнымъ „партіямъ" такая федерація безусловно необходима, поскольку ихъ соединеніе для общаго дѣйствія, навязанное имъ *извнѣ* политикой царизма, только и возможно на почвѣ *полной самобытности* политической физіономіи каждой изъ федерирующихся группъ. Только закрывая глаза на идеологическій уборъ своего „союзника", можетъ буржуазный революціонеръ-націоналистъ одной народности протянуть руку своему классовому собрату другой народности. Политическій союзъ для борьбы съ самодержавіемъ является для обоихъ прелюдіей къ отчаянной дракѣ, которая въ той или другой формѣ „національной борьбы" возгорится между ними на другой день послѣ сверженія царизма. Напротивъ, объединеніе пролетарскихъ организацій диктуется послѣднимъ безусловной и полной общностью *классовыхъ* интересовъ пролетаріевъ разныхъ націй, болѣе глубокихъ и основныхъ, чѣмъ преходящіе интересы сегодняшней борьбы съ опредѣленной политической формой. Эта общность основныхъ интересовъ такъ абсолютна, что только навязанныя пролетаріату *извнѣ* государственныя учрежденія могутъ воспрепятствовать выраженію этой общности въ единой политической организаціи.

---

[1] Это, конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся достигнуть полной демократизаціи пролетаріатъ не сможетъ овладѣть политической властью. Отсутствіе или неполное развитіе демократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій перевор[illegible]

ГОЛЛАБРУНЪ И КА-ЛЬЕНЪ-ТЗЕ.

Таково заглавіе одной изъ статей г. Бернэ, который печатаетъ въ „Le Temps" свои „Propos Militaires" и который, какъ говорятъ, принадлежитъ (Бернэ — псевдонимъ) къ числу самыхъ крупныхъ военныхъ авторитетовъ Франціи. Эта статья написана имъ по поводу того, что какой-то русскій военный писатель сравнилъ недавнее Тюренченское сраженіе (французы назвали его сраженіемъ при Ка-льенъ-тзе отъ имени главнаго пункта русской позиціи) съ битвой при Голлабрунѣ (часто называющейся у насъ Шёнграбенской битвой), во время которой Багратіонъ съ семи-тысячнымъ отрядомъ мужественно отражалъ въ ноябрѣ 1805 года нападеніе трехъ французскихъ дивизій и отступилъ только въ одиннадцать часовъ вечера, потерявъ половину своихъ людей. Русскому военному писателю, какъ видно, пріятно было вспомнить объ этой битвѣ, чтобы лестнымъ сравненіемъ съ нею выставить въ возможно болѣе благопріятномъ свѣтѣ храбрость русскихъ войскъ, такъ стойко сопротивлявшихся на рѣкѣ Ялу превосходнымъ силамъ непріятеля. Г. Бернэ находитъ, однако, это сравненіе не совсѣмъ удачнымъ: сраженіе при Голлабрунѣ *было необходимо* для того, чтобы прикрыть отступленіе арміи Кутузова, которому угрожала участь генерала Мака, принужденнаго сдаться на капитуляцію при Ульмѣ; на рѣкѣ же Ялу „Засуличъ не прикрывалъ ничего и онъ, можетъ быть, совершилъ ошибку, позволивъ вовлечь себя, — за 150 верстъ отъ главныхъ силъ арміи, — въ серьезное столкновеніе, въ которомъ онъ могъ все потерять и отъ котораго армія не могла получить никакой пользы". Слова: „можетъ быть" стоятъ здѣсь лишь для того, чтобы удовлетворить строгимъ требованіямъ французской вѣжливости. На самомъ дѣлѣ г. Бернэ, — какъ это показываетъ вся его статья, — очень твердо убѣжденъ, что сраженіе при Тюренченѣ было ровно никому не нужно и что генералъ Засуличъ только даромъ погубилъ тысячи человѣческихъ жизней и тѣмъ потратилъ много драгоцѣнныхъ силъ, которыя очень и очень могли бы пригодиться русской арміи въ другомъ мѣстѣ[1]). Но именно это совершенно нерасчетливое отношеніе къ силамъ своей собственной арміи и составляетъ, по мнѣнію г. Бернэ, отличительную черту психологіи русскихъ военачальниковъ. Французскій военный авторитетъ вспоминаетъ, какъ описана голлабрунская битва въ „*Войнѣ и Мирѣ*" Толстого, и не безъ наивности называетъ героя этой битвы *грузина* Багратіона „чисто русской фигурой". Эта „чисто русская фигура" особенно сильно поражаетъ г. Бернэ *вялостью своихъ движеній, отсутствіемъ всякаго почина и равнодушіемъ къ участи солдата.* Г. Бернэ приводитъ то мѣсто въ романѣ Л. Толстого, гдѣ изображено, какъ Багратіонъ, увидѣвъ, что французское ядро убило казака, „равнодушно отвернулся, какъ будто говоря: стоитъ ли глупостями заниматься!". Толстой умышленно подчеркиваетъ это отсутствіе почина и это равнодушіе, какъ доводъ въ пользу того своего мнѣнія, что роль начальника на войнѣ равна нулю, а все зависитъ отъ настроенія войска. „Какъ знать, — говоритъ г. Бернэ, — не доказываетъ ли примѣръ Ка-льенъ-тзе, подобно Голлабруну, что мнѣніе великаго писателя справедливо? Начальство не обнаружило тамъ, насколько извѣстно, ни особенной проницательности, ни большой дѣятельности, между тѣмъ какъ войско, наоборотъ, выказало ту непобѣдимую стойкость и ту безграничную преданность, которыя всегда являлись главными свойствами русскаго солдата". Далѣе, г. Бернэ приводитъ цифры потерь, понесенныхъ нами на р. Ялу и, указавъ на то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ отряда ген. Засулича онѣ достигали до 25⁰/₀ наличнаго состава, говоритъ: „эта огромная пропорція достигалась нами, французами, только въ самые кровавые дни нашей военной исторіи: при Маренго, при Ваграмѣ или при Ватерлоо; она превосходитъ всѣ пропорціи, отмѣченныя къ чести нашихъ солдатъ во время войны 1870 года. Даже въ сраженіи при Виссембургѣ, которое похоже на битву при Ка-льенъ-тзе какъ по упорной энергіи войска, такъ и — увы! — по слабости командованія, цифра нашихъ потерь была сравнительно невелика; въ „Révue d'Histoire" мы читаемъ, что первый стрѣлковый полкъ, пострадавшій болѣе всѣхъ остальныхъ, потерялъ въ этомъ сраженіи лишь 518 человѣкъ изъ 2270 своего наличнаго состава". Эти слова заключаютъ въ себѣ горькую, хотя и позолоченную, пилюлю. Уже одно напоминаніе о сраженіи при Виссембургѣ, — которое останется въ военной исторіи печальнымъ памятникомъ не только „слабости", какъ выражается вѣжливый галлъ, а полной неспособности французскихъ военачальниковъ 1870-71 гг., — является весьма чувствительнымъ уколомъ самолюбію нашихъ „архистратиговъ". Далѣе г. Бернэ колетъ еще больнѣе. Онъ противопоставляетъ японцевъ, одержавшихъ побѣду на р. Ялу, русскимъ, потерпѣвшимъ пораженіе: между тѣмъ, какъ побѣдители стараются утаить истинную цифру людей, выбывшихъ у нихъ изъ строя, побѣжденные громко кричатъ о своихъ великихъ и безплодныхъ потеряхъ. Это обстоятельство кажется г. Бернэ очень характернымъ для всей нашей системы. „Въ русскую систему не входитъ умолчаніе о томъ, что безъ всякой нужды (pour rien) вытерпѣли ихъ войска; русскіе гордятся своими потерями, какъ подвигомъ, невозможнымъ для солдатъ другихъ странъ, и какъ главной чертой, которая ихъ отличаетъ, которая, въ концѣ концовъ, является главнымъ ихъ козыремъ въ теперешней игрѣ и которая позволяетъ имъ не опасаться за будущее". Русскимъ хочется показать, что на рѣку Ялу русскій солдатъ пришелъ такимъ же, какимъ онъ былъ при Голлабрунѣ, и что онъ не разучился умирать. „Русское начальство тоже не измѣнилось, — ѣдко прибавляетъ военно-литературный представитель нашихъ союзниковъ, — подобно тому, какъ Багратіонъ равнодушно отворачивался отъ убитаго казака, оно до сихъ поръ охотно выказываетъ полное равнодушіе къ смерти солдата".

Каждый изъ насъ прекрасно знаетъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Наше военное начальство, совсѣмъ не полагаясь на свои собственныя знанія и таланты, уповаетъ только на мужество того самаго солдата, котораго оно безсовѣстно обкрадываетъ во всякое время, со всѣхъ сторонъ и подъ всевозможными предлогами, котораго оно бьетъ по лицу, наказываетъ (въ разрядѣ штрафованныхъ) розгамя и награждаетъ лишь никому и ничего не стоющимъ „царскимъ спасибо" да цинически насмѣшливымъ титуломъ „святой скотины". Оно и прежде ни мало не дорожило жизнью нижнихъ чиновъ, не дорожитъ ею и теперь. Въ этомъ отношеніи, — равно, какъ и въ смыслѣ полнаго отсутствія всякаго сознанія своей нравственной отвѣтственности передъ своей страною, — оно совершенно неисправимо и какъ двѣ капли воды похоже на тѣхъ восточныхъ рабовъ-сановниковъ, — евнуховъ и царедворцевъ, — которые нѣкогда предводительствовали полчищами персидскихъ царей и другихъ азіатскихъ деспотовъ. Г. Бернэ очень хорошо подмѣтилъ эту отличительную черту нашихъ „отцовъ-командировъ" и очень не дурно сдѣлалъ, поднеся имъ свою горькую пилюлю. Онъ былъ совершенно правъ, когда ставилъ имъ на видъ, что со времени голлабрунской битвы, — т. е., въ теченіе ста лѣтъ, ознаменовавшихся невѣроятно быстрыми успѣхами военной науки, — они не только ничему не научились, но даже многое позабыли. И этотъ упрекъ, раздавшійся изъ Франціи, свидѣтельствуетъ о томъ, что наши союзники, такъ долго имѣвшіе нелѣпо-преувеличенное мнѣніе о нашей военной силѣ, начинаютъ замѣчать свою ошибку. Правда, они до сихъ поръ еще не видятъ всей громадности этой ошибки. Даже скептическій г. Бернэ, повидимому, искренно вѣритъ въ то, что, благодаря стойкости нашего солдата, наши предержащія власти могутъ и „не опасаться за будущее". Но это не такъ. Чѣмъ больше развиваются производительныя силы современнаго общества, тѣмъ болѣе совершенствуется военная наука; а чѣмъ болѣе она совершенствуется, тѣмъ труднѣе становится воевать, не имѣя въ рукахъ другихъ „козырей", кромѣ стойкости. Это чрезвычайно убѣдительно показываетъ нынѣшняя русско-японская война, въ теченіе которой на долю Россіи не досталось ни одного успѣха. Да и сама стойкость, производящая такое выгодное впечатлѣніе на французскаго военнаго писателя, врядъ ли составляетъ такое неоспоримое свойство русскаго солдата, какимъ она кажется г. Бернэ и какимъ она несомнѣнно была въ прежнее время. Франсуа Кенэ говорилъ когда-то: „pauvres paysans — pauvre royaume" (бѣдны крестьяне — бѣдно королевство). Мы можемъ, нѣсколько измѣняя смыслъ его словъ, сказать безъ всякаго риска ошибиться: *изнурены голодомъ крестьяне — плохи солдаты.* А мало-ли у насъ теперь такихъ мѣстностей, въ которыхъ голодъ сталъ хроническимъ явленіемъ и въ которыхъ выросло цѣлое поколѣніе, — и именно поколѣніе, находящееся теперь подъ россійскими знаменами, — рѣдко наѣдавшееся до сыта и страдающее тѣмъ, что врачи называютъ *физіологической нищетою? Солдаты, происходящіе изъ этихъ несчастныхъ мѣстностей, если бы даже они имѣли самую искреннюю готовность „лечь костьми", органически не могутъ быть выносливыми, а слѣдовательно и стойкими.* И по мѣрѣ того, какъ къ участію въ кампаніи будутъ привлекаться солдаты, происходящіе изъ голодающихъ мѣстностей, стойкость русскихъ войскъ будетъ падать въ быстро возрастающей прогрессіи.

Это несомнѣнно; но это еще дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго. Сейчасъ россійскій солдатъ, происходящій, главнымъ образомъ, изъ мѣстностей, еще не испытавшихъ ужасовъ хроническаго голоданія, пока еще продолжаетъ сохранять за собой славу изумительной стойкости. Новое наше пораженіе ни мало не уменьшаетъ этой его славы: кровавое и такъ страшно неудачное для насъ дѣло тринадцатаго мая лишній разъ выставило нашего солдата въ очень лестномъ для него свѣтѣ. Но то же неудачное дѣло опять обнаружило полную неспособность нашихъ полководцевъ: достаточно сказать, что мы потеряли почти всю артиллерію, — фактъ, отъ котораго врядъ-ли удастся отолгаться нашимъ, столь искуснымъ во лжи, „отцамъ-командирамъ". Подъ впечатлѣніемъ этой новой неудачи, г. Бернэ и его читатели сдѣлаютъ, вѣроятно, новый шагъ въ своемъ разочарованіи и врядъ ли уже будутъ вѣрить, что въ войнѣ съ Японіей Россія можетъ „не опасаться за будущее".

Правительство Николая второго чувствуетъ, что для всѣхъ очевидная неспособность его полководцевъ можетъ окончательно подорвать вѣру въ его военное могущество и, вообще, въ его состоятельность, и вотъ оно заставляетъ генерала Куропаткина

---

[1]) Просимъ замѣтить, что мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли ген. Засуличъ по собственному усмотрѣнію, или же по приказанію свыше. Это послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Но подтвердится оно, — если подтвердится, — развѣ лишь въ отдаленномъ будущемъ, какъ выражается Щедринъ, лѣтъ черезъ тридцать въ „Русской Старинѣ".

Каутскій о нашихъ партійныхъ разногласіяхъ.

Отъ редакціи. Печатаемое ниже письмо К. Каутскаго къ одному члену нашей партіи обратитъ на себя, вѣроятно, вниманіе всѣхъ интересующихся нашими партійными дѣлами и, надо надѣяться, будетъ способствовать болѣе хладнокровному и серьезному отношенію массы членовъ партіи къ тѣмъ конфликтамъ, начало которымъ положено вторымъ съѣздомъ Партіи. Происхожденіе письма таково: одинъ изъ товарищей, являющійся активнымъ представителемъ т. н. „большинства" Партіи, прислалъ Каутскому для „Neue Zeit" статью, въ которой старался познакомить нѣмецкихъ читателей съ сущностью нашихъ конфликтовъ. Какъ легко замѣтитъ читатель изъ отвѣта Каутскаго, центральная идея этой статьи заключалась въ сведеніи нынѣшняго конфликта къ антагонизму между „пролетарской дисциплиной" и „интеллигентскимъ индивидуализмомъ" (подробное развитіе этой идеи см. въ новой брошюрѣ Н. Ленина: „Шагъ впередъ, два шага назадъ."). Каутскій не счелъ удобнымъ выносить на судъ европейской публики этотъ конфликтъ, на разрѣшеніе котораго еще имъ не потеряна надежда, но не отказался сообщить автору статьи свое мнѣніе о данномъ вопросѣ, поскольку онъ могъ себѣ его составить, главнымъ образомъ, по этой статьѣ товарища изъ „большинства". Тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ можемъ мы констатировать, что „великій инквизиторъ" ортодоксіи (какъ его любятъ ругать оппортунисты), даже въ предѣлахъ той узкой постановки вопроса, какую ему даютъ товарищи изъ „большинства", во всѣхъ существенныхъ пунктахъ высказался противъ позиціи, занятой авторомъ статьи, а, вмѣстѣ съ нимъ, и всѣмъ „большинствомъ". Теперь надо опасаться, что Каутскаго объявитъ оппортунистомъ![1])

Копію съ своего письма К. Каутскій отослалъ одному изъ редакторовъ „Искры", предоставивъ ему воспользоваться ею для печати на случай, еслибъ о мнѣніи редактора „Neue Zeit" возникли въ нашей Партіи „превратныя толкованія". Появленіе упомянутой выше книги тов. Ленина, въ которой этотъ лидеръ „большинства" прикрываетъ свою позицію авторитетомъ Каутскаго, побудило насъ немедленно обратиться къ послѣднему за разрѣшеніемъ ознакомить русскихъ товарищей съ его дѣйствительнымъ мнѣніемъ. Такое разрѣшеніе не замедлило послѣдовать. Мы печатаемъ письмо, устранивъ изъ него первыя строки, въ которыхъ Каутскій объясняетъ упомянутыя выше причины непомѣщенія статьи.

Дорогой товарищъ!

...Вы просите меня высказать мое мнѣніе по интересующему васъ вопросу. Я не считаю себя въ немъ особенно компетентнымъ. Онъ касается организаціонной области, — а я никогда не работалъ, какъ практикъ-организаторъ. Для того, чтобы рѣшить его, необходимо также болѣе глубокое знаніе русскихъ условій, чѣмъ то, которымъ я обладаю. Но само собою разумѣется, что я имѣю всетаки и свое мнѣніе, и если вы желаете знать его, — то у меня нѣтъ никакихъ основаній скрывать его отъ васъ. Опытъ, пріобрѣтенный мною во время господства исключительнаго закона въ Германіи, возмѣститъ, быть можетъ, мое недостаточное знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи.

Всѣ дошедшія до меня свѣдѣнія сходятся въ томъ, что исходнымъ пунктомъ раздоровъ внутри Партіи были разногласія по поводу организаціоннаго устава — по вопросу о томъ, кто долженъ считаться членомъ партіи, — тотъ, кто принадлежитъ къ какой-нибудь партійной организаціи — или тотъ, кто поддерживаетъ партію, признавая ея программу и ея контроль надъ своею дѣятельностью?

Еслибы вопросъ этотъ былъ поставленъ въ Англіи, Франціи или Швейцаріи, то я, не колеблясь, высказался бы за первую формулировку. Тамъ, гдѣ соц.-демократія можетъ открыто организовать свои силы, членомъ партіи долженъ считаться только тотъ, кто участвуетъ въ какой-нибудь партійной организаціи.

Не такъ, однако, обстоитъ дѣло въ Россіи. Партійная организація можетъ существовать тамъ лишь въ видѣ *тайнаго общества* (Geheimbund), и вопросъ долженъ быть формулированъ для Россіи такъ: Слѣдуетъ ли заставлять каждаго члена партіи вступать въ тайную организацію? Или, другими словами, слѣдуетъ-ли ограничивать партію рамками тайнаго общества?

Этотъ вопросъ стоялъ передъ нѣмецкою соц.-демократіей во время господства исключительныхъ законовъ, и она отвѣтила на него *отрицательно*. Не въ интересахъ нашего дѣла считать членами нашей партіи только тѣхъ, кто можетъ вступить въ нашу тайную организацію. Но не въ интересахъ нашего дѣла также вводить всѣхъ, преданныхъ этому дѣлу, людей въ нашу тайную организацію. Такая организація не должна переходить извѣстныхъ минимальныхъ границъ, если только она хочетъ остаться дѣеспособной и предохранить себя отъ проваловъ. Намъ совершенно не зачѣмъ раздвигать ее въ какой-нибудь мѣстности за границы, которыя опредѣляются каждый разъ практическими соображеніями. Распространенію же нашей партіи мы, наоборотъ, не должны ставить никакихъ границъ.

Уже изъ этого ясна вся разница между партіей и тайной организаціей.

Во время законовъ противъ соціалистовъ, мы старались вводить въ наши организаціи тѣхъ только, въ комъ онѣ нуждались, кто работалъ надъ изданіемъ, транспортомъ и распространеніемъ литературы, кто занимался добываніемъ и расходованіемъ денежныхъ средствъ, устройствомъ демонстрацій и т. п. Нецѣлесообразно было, наоборотъ, принимать въ организацію людей, которые не должны были регулярно работать въ ней, которые лишь, по мѣрѣ надобности, поддерживали партію денежными средствами, личными услугами или участіемъ въ демонстраціяхъ. Конечно, мы старались, по возможности, сорганизовать и эти элементы — въ профессіональные союзы, въ пѣвческіе ферейны и т. п. Въ Россіи это все, конечно, невозможно. Но и у насъ въ дѣйствительную тайную партійную организацію эти сравнительно-широкія организаціи не входили.

Однимъ изъ пережитковъ (Nachwirkungen) исключительнаго закона противъ соціалистовъ, а также и того обстоятельства, что законы многихъ нѣмецкихъ государствъ не допускали устройства организацій, является тотъ пунктъ нашего устава, въ которомъ говорится, что членомъ партіи считается всякій, принимающій ея программу и регулярно поддерживающій ее денежными взносами. Принадлежности къ партійной организаціи этотъ пунктъ не требуетъ.

Вы говорите, затѣмъ, что противоположность взглядовъ, проявляющаяся въ этомъ организаціонномъ вопросѣ, есть та же самая, которая занимаетъ теперь насъ въ Германіи: что это то же столкновеніе пролетарской дисциплинированности и организованности съ интеллигентскимъ стремленіемъ къ автономіи. Дѣло, однако, обстоитъ совсѣмъ не такъ. Въ основѣ того русскаго спора, о которомъ идетъ рѣчь, лежитъ противоположность между условіями существованія открытой организаціи, съ одной стороны, и тайной — съ другой. И только случайно этотъ споръ имѣетъ внѣшнее сходство съ нашимъ столкновеніемъ между пролетарской дисциплинированностью и интеллигентскимъ индивидуализмомъ. При открытой организаціи каждое пролетарское движеніе должно стремиться къ проведенію самой строгой дисциплины и самой тѣсной сплоченности; при тайной организаціи приходится, наоборотъ, отказаться отъ этихъ стремленій. Здѣсь нужно предоставить каждой отдѣльной организаціи очень широкую автономію. Здѣсь всякая *формальная*[1] централизація только уменьшаетъ дѣеспособность организаціи и увеличиваетъ опасность и опустошительность проваловъ. Во время исключительнаго закона въ Германіи каждая мѣстная часть партіи (Localität) была автономна также и въ отношеніи того способа организаціи, который она для себя вырабатывала, примѣняясь повсюду къ мѣстнымъ условіямъ.

Эту автономію не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ руководящаго центра.

На *каждой части* партійнаго цѣлаго лежало тогда больше отвѣтственности, но каждая имѣла и больше правъ, должна была дѣйствовать съ большей самостоятельностью, — и все это относится не къ низшимъ только, но также и къ высшимъ звеньямъ организаціонной цѣпи. Самостоятельнѣе были въ то время и редакціи партійныхъ органовъ, не исключая центральнаго, гораздо большей иниціативой, чѣмъ въ настоящее время, пользовался также и партійный центръ — Parteivorstand.

Но связующей силой, объединявшей всѣ эти самостоятельные элементы, было взаимное *довѣріе* — не формальная централизація, а прежде всего довѣріе къ вождямъ, къ ихъ честности, уму, вѣрности своимъ убѣжденіямъ и энергіи. Безъ престижа такихъ личностей какъ Бебель, Либкнехтъ, Зингеръ, Ауэр телеграфировать царю, что взятіе японцами Кинъ-чеу было имъ предвидѣно и ничего въ его планахъ не измѣняетъ.[1] Выходитъ, что и это наше пораженіе составляетъ лишь часть „строго обдуманнаго плана“ нашихъ военныхъ дѣйствій. Это поистинѣ изумительный планъ: онъ такъ „строго обдуманъ“, что позволяетъ „предвидѣть“ окончательное пораженіе россійской арміи. Теперь со дня на день можно ожидать извѣстія о томъ, что японцы на голову разбили самого автора этого остроумнаго плана, генерала Куропаткина. Но если россійскому войску придется испытать эту новую неудачу, то она, конечно, не смутитъ предводительствующаго имъ хитраго Улисса. Даже находясь въ плѣну у японцивъ, онъ сумѣетъ послать въ Петербургъ успокоительную телеграмму, въ которой повѣдаетъ удивленному міру, что онъ очень хорошо предвидѣлъ свое пораженіе. Жалкіе люди! Смѣшные шарлатаны! Они не теряютъ надежды „благоудивить“ своими „благоглупостями“ весь цивилизованный міръ, между тѣмъ какъ весь цивилизованный міръ начинаетъ проникаться вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ и къ нимъ самимъ, и ко всей ихъ „системѣ“...

---

[1]) Разумѣется, если бы Каутскаму были извѣстны остроумныя попытки „углубить" позицію „большинства", сдѣланныя уральскими и нѣкоторыми иными „представителями" и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, онъ еще менѣе нашелъ бы въ себѣ солидарности съ этимъ „большинствомъ".

[1]) Курсивъ нашъ.

* * *

Статья эта была уже набрана, когда въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что генералъ Куроки разбилъ Куропаткина недалеко отъ Ляо-Янга. Англійская пресса утверждаетъ, что русское войско покинуло свою позицію, оставивъ свою артиллерію въ рукахъ непріятеля. Мы еще пока не знаемъ, что это: газетная ли утка, или же новый рѣшительный шагъ къ осуществленію „строго обдуманнаго“ плана нашего дальновиднаго главнокомандующаго. Этотъ вопросъ, конечно, очень скоро разрѣшится въ томъ или другомъ смыслѣ. Но уже и теперь несомнѣнно, что Куропаткинъ находится въ критическомъ положеніи. Это видятъ всѣ, кромѣ Николая II, который, ничего не „предвидя“, охотно вѣритъ всему тому, въ чемъ увѣряетъ его придворная клика. Римляне не даромъ говорили: кого Юпитеръ захочетъ погубить, у того онъ отниметъ разумъ. Правда, что у Николая II и отнимать-то было нечего.

ПУТЕШЕСТВІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Говорятъ, что не бываетъ такой завалящей ветоши, которая рано или поздно не пригодилась бы „въ хозяйствѣ“. Отъ дѣйствія этого правила не изъятъ и ничтожный россійскій самодержецъ, въ обычное время годный лишь на то, чтобы „храниться“ въ какомъ нибудь закоулкѣ Зимняго или иного дворца, ничѣмъ не проявляя своей „личности“. Время отъ времени, однако, и жалкая самодержавная ветошь оказывалась „нужной“. Такъ, уже два раза, по требованію парижскихъ лавочниковъ и рантьеровъ, вкладывающихъ свои „сбереженія“ въ русскія бумаги, „могущественнѣйшій монархъ“ послушно являлся на парижскіе бульвары, лобызался съ президентомъ республики, жалъ руки республиканскимъ министрамъ и депутатамъ, раскланивался, мило улыбаясь, съ парижской толпой на той самой площади, гдѣ пала голова Людовика XVI, оживлялъ парижскую торговлю, привлекая массу иногороднихъ любопытнымъ зрѣлищемъ самодержца, являющагося въ качествѣ комми-вояжера въ гости къ „безбожнымъ“ республиканцамъ, словомъ, продѣлывая все, чего требовали отъ него французскіе буржуа, а затѣмъ скромно сходилъ со сцены, и въ мѣшки, услужливо подставляемые русскимъ министерствомъ финансовъ, начинало обильной струей литься французское золото. А „скорбный главою“ самодержецъ снова запирался въ своемъ дворцѣ-тюрьмѣ, гадалъ на кофейной гущѣ съ „отцомъ“ Филиппомъ, прозрѣвалъ погоду съ Демчинскимъ, велъ „политическія“ бесѣды съ княземъ Мещерскимъ, и лишь изрѣдка давалъ знать о себѣ міру краткими литературными упражненіями: „быть по сему“, „искренно благодарю“, „прочелъ съ удовольствіемъ“. И такъ вплоть до тѣхъ поръ, пока въ карманахъ снова оказывалось пусто, и парижскіе лавочники опять начинали требовать „оживленія“ торговли. И снова отправлялся царь въ путешествіе, снова изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы „faire marcher la commerce“, снова кланялся и улыбался, улыбался и кланялся и т. д. до вожделѣннаго конца въ видѣ золотого потока.

И богъ вѣсть, сколько-бы длилось такое времяпрепровожденіе, сколько бы разъ еще ѣздилъ Николай II „показывать себя“ парижанамъ и слышалъ грозное „вонъ!“ итальянскаго пролетаріата при попыткѣ „показаться“ и римлянамъ, если бы могучія волны историческаго потока, долго и упорно, съ неодолимою силою стихійности, подмывавшаго основаніе трона самодержца, не начали вздыматься такъ бурно, такъ грозно, что отъ холодныхъ брызгъ ихъ сжалось сердце самодержавной клики. Отдѣльныя стачки, студенческія волненія, земская оппозиція, ростъ политическаго броженія среди „третьяго элемента“, демонстраціи съ ихъ громкимъ „долой самодержавіе“, разносившимся изъ конца въ конецъ русской земли, крестьянскіе „бунты“, всеобщія стачки всколыхнувшія сотни тысячъ обывателей, обнаружившія огромное наростаніе ищущаго исхода недовольства и гнѣва въ низинахъ народа, и неустанная, все растущая, все глубже проникающая, все шире разливающаяся революціонная пропаганда — все это тяжелымъ кошмаромъ, неумолимымъ рокомъ надвигалось на самодержавіе, заставляло его судорожно метаться, искать спасенія передъ надвигающимся грознымъ призракомъ небытія. Тѣ дикія преслѣдованія всякихъ проблесковъ свободной мысли и свободнаго слова, которыя мы видѣли за послѣдніе годы, оргіи опричины, кровавыя „усмиренія“, нагайки и висѣлицы — все это ни на минуту не можетъ закрыть отъ внимательнаго взора ту утрату вѣры въ свою долговѣчность, въ прочность своего царствованія, которая такъ характерна для времени упадка самодержавія.

И чѣмъ больше росло народное недовольство и возмущеніе, чѣмъ выше вздымались революціонныя волны, чѣмъ яснѣе становилась безнадежность, шаткость позиціи самодержавія, тѣмъ больше и больше — наряду съ безшабашнымъ разгуломъ полицейскаго сыска и кулака — ощущали слуги самодержавія потребность въ гашишѣ, который далъ бы возможность забыться, не видѣть грядущей гибели, обмануть не только другихъ, но и самихъ себя. Дѣйствительность дарила лишь горькими сюрпризами, несчастіями, которыя казались необъяснимыми, непонятными. Только чудо, казалось, могло еще спасти гибнущій корабль самодержавія. Нужно было обратиться къ міру призраковъ, нужно было извлечь тѣ обрывки романтическаго хлама, которые еще хранились въ архивахъ трезвенно-прозаическаго россійскаго самодержавія, нужно было подновить ихъ, прикрыть ими жалкую фигуру самодержца, своимъ убожествомъ какъ бы нарочно свидѣтельствующаго о вырожденіи самодержавія.

И самодержецъ снова понадобился въ собственной своей персонѣ. При звонѣ колоколовъ, посреди густой цѣпи солдатъ, окруженный цѣлой сворой сыщиковъ и полицейскихъ, отправился самодержавный царь въ новое путешествіе, на поиски за чудомъ. И чудо было обрѣтено. Серафимъ Саровскій явится святымъ, взявшимъ на себя спеціальную миссію борьбы съ крамолой; онъ окружитъ ореоломъ святости самодержца; онъ благословитъ и освятитъ всѣ насилія, всѣ жестокости, весь произволъ деспотизма, борющагося за свое сушестованіе; онъ спасетъ самодержавіе... Что-то болѣзненное, почти истерическое чудилось въ этой жадной погонѣ разлагающагося режима за призрачнымъ чудомъ, въ этихъ романтическихъ поискахъ волшебнаго эликсира, который далъ бы забвеніе и покой...

Двадцатый вѣкъ, обстановка развивающагося капиталистическаго общества, неудержимо рвущаго сковывающія его цѣпи азіатскаго деспотизма и толкающаго на историческую сцену къ сознательной жизни массы трудящагося народа, жгучая реальная боль отъ впившихся въ народное тѣло когтей самодержавнаго орла — все это мало благопріятствовало подвигамъ новоявленнаго охранителя-чудотворца, и вся съ такимъ трудомъ и съ такою надеждою инсценированная феерія ни къ чему не повела. Серафимъ былъ забытъ и заброшенъ такъ же быстро, какъ былъ „обрѣтенъ“, и только жиръ, нагулянный саровскими „отшельниками“, напоминаетъ о мимолетной славѣ „святого“.

Романтическая феерія оказалась плоскимъ фарсомъ, и на первый дебютъ новоявленнаго „чудотворца“ россійская дѣйствительность дала немедленно грозный отвѣтъ въ видѣ всеобщей забастовки на югѣ. Снова потянулись для самодержавія обычные будни съ ставшими уже „будничными“ тревогами и пораженіями. Самодержецъ былъ, за ненадобностью снова, сданъ въ архивъ и снова приступилъ къ безобидному надписыванію краткихъ изрѣченій на бумажкахъ, услужливо подносимыхъ царствующими именемъ самодержавія министрами. „Монархъ“ снова былъ спрятанъ въ кладовую до слѣдующаго „случая“. Какого — этого никто не зналъ. Понадобится ли Николай II снова парижскимъ лавочникамъ, или придется его заставлять говорить крестьянамъ затверженныя наизусть слова „незабвеннаго родителя“, или, наконецъ, опять нужно будетъ устраивать какую-нибудь мистически-монархическую комедію? Все могло быть.

Историческія судьбы распорядились, однако, такъ, что царь понадобился раньше, чѣмъ можно было думать. Хищническое по самой природѣ своей, хищническое въ своей внутренней и внѣшней политикѣ самодержавіе слѣпо шло на встрѣчу войнѣ, шло тогда, когда ему во что бы то ни стало нужно было сохранять миръ; ибо всякій рѣшительный актъ, всякій острый кризисъ, всякое рѣзкое напряженіе силъ не могло не обнаружить сразу всей гнилости, всей шаткости давно отжившаго свое время режима. Но самодержавіе, которое психологически не могло не закрывать глазъ на будущее — какъ все не живущее, а только прозябающее — давно разучилось разсчитывать послѣдствія своихъ собственныхъ шаговъ, давно питалось само и морочило другихъ лишь иллюзіей безвозвратно отлетѣвшей отъ него мощи, силы и крѣпости.

Война съ Японіей была для царизма неожиданностью. Не въ томъ, конечно, смыслѣ, какъ старается толковать лакействующая печать, что Россія и не думала „готовиться“ къ войнѣ; въ этомъ отношеніи все, что могъ и какъ могъ сдѣлать гнилой самодержавный режимъ, было сдѣлано, и если сдѣланное изъ рукъ вонъ плохо, то это обнаруживаетъ только лишній разъ полнѣйшую неспособность самодержавной бюрократіи организовать сколько нибудь серьезное предпріятіе, подчеркиваетъ ея паразитскую и дезорганизаторскую роль. Нѣтъ, неожиданна война была лишь въ томъ смыслѣ, что самодержавіе было поражено „дерзостью“ японцевъ, осмѣлившихся не повѣрить въ то призрачное „могущество“, кредитомъ котораго до сихъ поръ держалась царская политика. „Будетъ-ли война? Какой безсмысленный вопросъ послѣ того, какъ царь сказалъ, что онъ войны не хочетъ!“ И эти хвастливыя фразы писались тогда, когда японскій флотъ, поразившій „Ретвизана“ и „Цесаревича“, уже отплывалъ отъ береговъ Японіи! И даже послѣ того, какъ японцы на русскихъ броненосцахъ показали, какъ мало значитъ то, что „царь сказалъ“, самоувѣренный, задорный тонъ еще не исчезъ со страницъ „патріотической“ печати. „Макаки“, „невѣжественные азіаты“, „зазнавшіеся дикари“ и пр. и пр.—такими отборными перлами выражало царское правительство, устами всегда готовой къ услугамъ прессы, свое презрѣніе къ врагу и въ то же время свое полное непониманіе настоящаго положенія дѣлъ. Пораженіе на морѣ — это случайность, это плодъ японскаго „коварства“ и россійскаго благородства. Но дайте срокъ. Первая же встрѣча на сушѣ покажетъ японцамъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, дастъ имъ такой „страшный“ урокъ, котораго они долго не забудутъ. И опьяненное воображеніе рисовало уже картину высадки русскихъ войскъ въ Японію и заключенія блистательнаго мира въ Токіо, непремѣнно въ самомъ Токіо. И царскіе дипломаты спѣшили даже возвѣстить urbi et orbi, что никакого вмѣшательства со стороны какой нибудь третьей державы они при заключеніи мира не допустятъ.

И вотъ, состоялась эта первая „встрѣча“ на сушѣ, и поля Тюренченя, заваленныя грудою русскихъ тѣлъ, тысячи убитыхъ и раненыхъ, сотни попавшихъ въ плѣнъ, десятки пушекъ, оставленныхъ непріятелю, поспѣшное отступленіе, чуть не бѣгство, осажденный Портъ-Артуръ—громко свидѣтельствуютъ о начинающемся крушеніи самодержавія. Этого удара ничѣмъ не поправишь, и даже будущими „успѣхами“, если бы таковые оказались. И чѣмъ болѣе восхваляютъ „патріоты“ геройство русскихъ солдатъ, дравшихся съ безпримѣрной храбростью, тѣмъ болѣе суровый обвинительный актъ составляется русскому самодержавію! Всѣмъ ясно и очевидно, что ни той организованности и планомѣрности, ни той разсчетливости и осторожности, ни той сообразительности и умѣнья пользоваться обстоятельствами, ни технической подготовленности и полной координированности всѣхъ отдѣльныхъ движеній, какую обнаружили японцы, не съумѣло показать россійское самодержавіе. Въ лицѣ азіатовъ-японцевъ Европа, съ ея техническимъ прогрессомъ, съ ея цивилизаціей, съ ея просвѣщеніемъ, съ ея, хотя бы и ограниченной, политической и гражданской свободой, наносила жестокій, непоправимый ударъ европейской Азіи, русскому царизму. Впечатлѣніе этого удара было ошеломляющее. Жалкій лепетъ о „заранѣе обдуманномъ планѣ“ долженъ былъ замолкнуть въ виду такого неопровержимаго факта, какъ 50 русскихъ пушекъ въ рукахъ японцевъ. Хвастливый задоръ смѣнился трусливыми попытками увѣрить себя и другихъ, будто прежнія кичливыя фразы никогда не говорились и не писались. Игрушечная война съ „макаками“ стала вдругъ „ужасной войной, опасность которой для Россіи, къ сожалѣнію, недостаточно сознается, вслѣдствіе легкомысленнаго и неосновательнаго отношенія къ Японіи“, какъ будто не тѣ же „Московскія Вѣдомости“, не то же „Новое Время“ больше всѣхъ проявляли это „легкомысліе“.

Передъ лицомъ этого новаго удара самодержавію, удара „внѣшняго“ послѣ того, какъ на него не перестаютъ градомъ сыпаться удары „внутренніе“, передъ этимъ новымъ „memento mori“ еще сильнѣе вспыхнула жажда самоопьяненія и забвенія, мистическія чаянія, ожиданія новыхъ „чудесъ“. Ибо что, кромѣ чуда, можетъ еще спасти этотъ режимъ, такъ наглядно показав

---

[1] См. „La Suisse“ отъ 30 мая (новаго стиля).

безъ обаянія имени Энгельса, стоявшаго за спиной Бернштейна и постепенно создававшаго ему вліяніе въ партіи, — нѣмецкая соц.-демократія не справилась бы такъ легко съ исключительнымъ закономъ.

Такая организація не можетъ считаться, конечно, идеальной; она страдала большими недостатками, — эти недостатки выступаютъ теперь наружу, такъ какъ пережитки былой автономіи еще сохранились, по традиціи, въ нашей организаціи. Задачей нѣмецкой соціальдемократіи является устраненіе такой автономіи, которая теперь служитъ только убѣжищемъ для неорганизованныхъ (desorganisierte) интеллигентовъ. Тамъ, гдѣ возможна открытая организація, — пролетаріатъ долженъ стремиться къ централизаціи, онъ долженъ принципіально предпочитать ее. Разговоры о демократическомъ принципѣ, будто бы требующемъ автономіи, просто смѣшны. Но наши автономныя организаціи были созданы не интеллигентами, а самыми дисциплинированными элементами нѣмецкаго пролетаріата, когда — при исключительномъ законѣ — открытая организація стала невозможной.

Мы хорошо знаемъ всѣ отрицательныя стороны этого типа организаціи,-но всѣ эти отрицательныя стороны необходимо присущи всякой тайной организаціи.

Поэтому, еслибы на вашемъ съѣздѣ мнѣ пришлось выбирать между Мартовымъ и Ленинымъ, то, на основаніи всего опыта нашей дѣятельности въ Германіи, — я рѣшительно высказался бы за Мартова.

Не менѣе ошибочнымъ представляется мнѣ также и слѣдующій шагъ Ленина — исключеніе Аксельрода, Старовѣра и Засуличъ изъ редакціи „Искры“. Я долженъ указать на то, что говорилъ уже выше о роли довѣрія и престижа въ тайной, широко развѣтвленной и потому крайне слабо объединенной организаціи. Эти невѣсомыя величины въ высшей степени важны и никогда не могутъ быть замѣнены какими бы то ни было организаціонными формами (въ подлинникѣ: formale Organisation).

Для тайной оргнизаціи, поэтому, въ высшей степени важно, чтобы ея вожди, выступая публично, всегда держались солидарно и отстаивали другъ друга, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существу, держатся разныхъ мнѣній. Частыя и очень значительныя разногласія Бебеля съ Либкнехтомъ имѣли бы при исключительномъ законѣ роковыя послѣдствія для партіи, еслибы наши вожди рѣшали ихъ открытой борьбой въ формѣ пользованія большинствомъ для вытѣсненія противника съ поля его дѣятельности, — или еслибы Либкнехтъ, часто бывавшій недоволенъ „Соціаль демократомъ“ — открыто выступилъ противъ него, т. е. противъ Энгельса и Бернштейна.

Могутъ быть, конечно, моменты, когда благо партіи требуетъ такого выступленія. Но только крайняя необходимость можетъ оправдать его. Мнѣ же не привели до сихъ поръ ни одной причины, почему нужно было удалить трехъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ.

Вы говорите, положимъ, что новая редакція должна была, рядомъ съ вопросами теоріи, рѣшать также вопросы практики, а трое удаленныхъ — теоретики, а не практики. Но еслибы это было такъ, если даже предположить, что Аксельродъ и др., дѣйствительно, такъ ужъ непрактичны, то и въ этомъ случаѣ не было бы никакихъ основаній удалять ихъ изъ редакціи. Когда *рядомъ* съ теоріей хотятъ заниматься практикой, то *рядомъ* съ теоретиками выбираютъ также и практиковъ, но не выбрасываютъ первыхъ вонъ. Фактически „Искра“ и ея направленіе (die Partei der Iskra) выросли, благодаря работѣ тѣхъ шести лицъ, которые ее редактировали. Эти шесть именъ вмѣстѣ представляютъ цѣльность и единство Партіи гораздо лучше, чѣмъ это могла бы сдѣлать при русскихъ условіяхъ любая формальная организація. Разъ тремъ изъ нихъ была объявлена война, — это означало полное разстройство организаціи. Если Ленинъ не хотѣлъ раскола, если онъ хотѣлъ сохранить единство партіи, онъ долженъ былъ стараться ужиться съ прежними редакторами, которыя выростили gross gemacht „Искру“. Изъ-за разногласій въ организаціонныхъ вопросахъ нельзя ставить на карту единство партіи. Можетъ быть, для этого имѣются еще какія-нибудь другія основанія, но я о таковыхъ не знаю.

— Всѣ послѣдовавшія событія были необходимымъ слѣдствіемъ происшедшаго. Вы жалуетесь на непозволительные способы борьбы вашихъ противниковъ. То же самое говорятъ они противъ васъ. Я не принимаю этихъ жалобъ слишкомъ трагически. Онѣ всегда раздаются съ обѣихъ сторонъ въ каждой междуусобной борьбѣ и безпристрастному зрителю онѣ доказываютъ только, что идетъ горячая борьба, борьба острымъ оружіемъ, наносящимъ тяжелыя раны.

Вы утверждаете, далѣе, что Аксельродъ и его друзья склоняются къ экономизму и оппортунизму. Я не могу провѣрить этихъ обвиненій, такъ какъ я не въ состояніи слѣдить за вашей литературой. Но я не могу имъ повѣрить: для этого я слишкомъ давно знаю Аксельрода, Плеханова, Засуличъ, какъ ясные и послѣдовательно мыслящіе умы. И мнѣ вдругъ говорятъ, что они внезапно, за нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно перевернулись! Я долженъ предположить, что ожесточеніе борьбы заставляетъ васъ видѣть въ слишкомъ черномъ свѣтѣ.

Какъ ни сильно, однако, противорѣчатъ другъ другу увѣренія обѣихъ сторонъ, — въ одномъ они сходятся: въ признаніи того печальнаго факта, что разногласія внутри партіи совершенно ослабляютъ ее въ такой моментъ, когда положеніе дѣлъ требуетъ отъ нея настоятельнѣе чѣмъ когда либо, — мобилизовать всѣ ея силы, — въ моментъ, когда рѣшается судьба Россіи, судьба всего міра на многія десятилѣтія. Необходимо возможно скорѣе выйти изъ такого положенія. Но что дѣлать?

Одесскій Комитетъ требуетъ немедленнаго созыва съѣзда. Но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, съѣздъ можетъ только ухудшить положеніе, — и непремѣнно ухудшитъ его, если ему будетъ поставлена задача маіоризировать одно изъ направленій, безразлично — какое.

Къ характернымъ особенностямъ тайной организаціи относится также и то, что на съѣздахъ принадлежащихъ къ ней группъ, какъ и на международныхъ съѣздахъ, необходимо гораздо больше разсчитывать на соглашеніе, чѣмъ на маіоризированіе. Особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда два направленія приблизительно одинаково сильны, большинство не должно и пытаться навязывать меньшинству свои мнѣнія, если только возможенъ какой-нибудь иной выходъ для рѣшенія вопроса. И это потому, что въ конспиративной организаціи случай играетъ такую большую роль, контроль же надъ силами различныхъ организацій такъ труденъ, — что легко можетъ случиться, что при приблизительномъ равенствѣ въ силахъ обѣихъ сторонъ, меньшинство въ партіи на съѣздѣ окажется сильнѣе представленнымъ, чѣмъ большинство. Рѣшенія, принятыя незначительнымъ большинствомъ голосовъ, имѣютъ, при такихъ обстоятельствахъ, нравственную силу только тогда, когда меньшинство видитъ необходимость признать ихъ.

Объ этомъ должно прежде всего столковаться еще до съѣзда. Обѣ стороны должны проникнуться убѣжденіемъ, что всякое рѣшеніе организаціоннаго вопроса, если даже оно будетъ принято большинствомъ одного голоса и при томъ сомнительнаго, все же лучше теперешняго положенія.

Не нужно преувеличивать значеніе организаціонныхъ вопросовъ, въ томъ видѣ, какъ они поставлены теперь передъ русскими соціальдемократами. Я не вижу здѣсь принципіальнаго противорѣчія ни между пролетарскими и интеллигентскими стремленіями, ни между „*демократизмомъ*“ и „*диктатурой*“, а простой вопросъ цѣлесообразности; вопросъ о томъ, какая форма организаціи, при настоящихъ русскихъ условіяхъ, наилучше обезпечиваетъ необходимую комбинацію подвижности и приспособляемости къ измѣнчивымъ условіямъ борьбы съ единствомъ и планомѣрностью дѣйствія.

Но если это лишь вопросъ цѣлесообразности, — то не слѣдуетъ преувеличивать значенія возможныхъ слѣдствій побѣды того или другого направленія. Невѣрное рѣшеніе можетъ, конечно, привести къ ошибкамъ и лишней тратѣ силъ, но нужно же помнить, что не машины будутъ проводить въ жизнь это рѣшеніе, а мыслящіе люди, которые уже сами позаботятся о приспособленіи его къ обстоятельствамъ. При идейномъ единствѣ партіи, при признаніи всѣми ея членами одной и той же программы, практика исправитъ, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ложныхъ шаговъ, всѣ ошибки теоріи. Какъ бы велики, однако, ни были потери силъ и средствъ, вслѣдствіе этого невѣрнаго рѣшенія организаціоннаго вопроса, — онѣ, всетаки, не были бы такъ велики, какъ тѣ потери, которыя несетъ съ собой теперешнее положеніе дѣлъ, — потери въ силѣ партіи и ея вліяніи. Аксельродъ и его друзья могутъ быть увѣрены, что если даже пройдетъ на съѣздѣ проектъ Ленина, но за то возстановится прежнее партійное единство, — партія меньше пострадаетъ отъ проведенія въ жизнь этого проекта, чѣмъ она страдаетъ теперь отъ раздирающихъ ее междоусобицъ. Все это относится и къ Ленину на тотъ случай, если новый съѣздъ станетъ на сторону Мартова.

И прежде, чѣмъ созвать съѣздъ, необходимо, по моему мнѣнію, чтобы съ обѣихъ сторонъ имѣлась добрая воля пойти на возможно большія уступки другъ другу и въ то же время безусловно подчиниться какому бы то ни было рѣшенію съѣзда, — рѣшенію, къ которому меньшинство этого съѣзда должно будетъ отнестись, какъ къ меньшему изъ двухъ золъ, въ сравненіи съ этой злополучной междоусобицей.

Если же обѣ стороны явятся на съѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ подавить и унизить противника, въ увѣренности, что шій свою неспособность и непригодность ни для какого дѣла? Покаянное настроеніе, молитвенныя стенанія, какой-то бредъ о „священной миссіи“, о „терновыхъ вѣнцахъ“, какое-то полушарлатанское, полуистерическое бормотанье заполняетъ столбцы реакціонной печати, показываетъ предсмертную тоску гибнущаго деспотизма.

Для войны, казавшейся сначала лишь „эпизодомъ на Дальнемъ Востокѣ“, нужны все новыя и новыя войска. И приходится мобилизовать все новыя и новыя губерніи, не потому, чтобы имѣющійся на лицо запасъ войска былъ уже дѣйствительно исчерпанъ, а потому, что царское правительство не можетъ отправлять противъ японцевъ войскъ, нужныхъ ему противъ своихъ собственныхъ „подданныхъ“. Ради этого, при все разростающемся народномъ недовольствѣ, приходится созывать запасныхъ, давая новую пищу ненависти къ самодержавному режиму, углубляя пропасть передъ своими ногами. Но уже одного росчерка „быть по сему“ недостаточно; нужна какая нибудь особенная умилостивительная жертва недовольному народу, нужно какъ нибудь задобрить его, подогрѣть „патріотическія“ чувства. И царская „персона“ снова понадобилась. Царя послали самолично въ тѣ губерніи, гдѣ производилась мобилизація.

И онъ ѣдетъ жалкій, растерянный, умѣющій только вездѣ — и въ Полтавѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Курскѣ и въ другихъ городахъ — пролепетать одну и ту же нескладную фразу о своихъ надеждахъ на доблесть войскъ и „божію помощь“. Вездѣ одна и та же мистическая церемонія „благословенія“ полка иконою, которую офицеры принимаютъ, стоя на колѣняхъ. Вездѣ одна и та же посылка съ ближайшей станціи телеграммы, въ которой „монархъ“ самымъ наивнымъ образомъ благодаритъ „населеніе“ за „соблюденіе порядка“, какъ бы нарочно подчеркивая, какъ напряженно, какъ нервно ждетъ онъ всюду „безпорядковъ“.

Чѣмъ то глубоко меланхоличнымъ, чѣмъ то отживающимъ вѣетъ отъ этого смѣшнаго объѣзда царя. Эти „благословенія“ эти иконы, эти колѣнопреклоненные офицеры — не вызываютъ ли въ памяти тѣ сцены посѣщенія гвардейскихъ офицеровъ Людовикомъ XVI, послѣднимъ французскимъ самодержцемъ, такимъ же ничтожнымъ, такимъ же жалкимъ, какъ послѣдній самодержецъ всероссійскій? И тогда призывалось „имя божіе“, и тогда офицеры склоняли колѣни передъ лицомъ „обожаемаго монарха“, и тогда меланхоліей и грустью вѣяло отъ этого „предсмертнаго“ прощанія монарха съ тѣми немногими „подданными“, которые еше оставались ему „вѣрны“; и тогда мистическіе порывы, надежды на „чудеса“, погоня за призраками начинали овладѣвать развратнымъ, жестокимъ, преступнымъ версальскимъ дворомъ.

И когда мы видимъ, что всѣ надежды царизма все больше и больше возносятся къ небу, это значитъ, что всѣ земныя силы слишкомъ явно возстаютъ противъ него; это значитъ, что ближе и ближе надвигается смерть самодержавія, что оно само все быстрѣе и быстрѣе приближается къ царству призраковъ; это значитъ, что уже загорается заря освобожденія русскаго народа отъ ига деспотизма.

КАКЪ ПОДГОТОВЛЯЛИСЬ ПОРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Русскія войска и флотъ терпятъ одно пораженіе за другимъ. И взволнованный обыватель ищетъ всюду причины этихъ неудачъ; — прежде всего видитъ онъ ее въ неспособности полководцевъ. И вотъ даже консервативные круги начинаютъ шушукаться о необходимости отвѣтственности Куропаткина[1]), объ „отвѣтственности“ министровъ (передъ кѣмъ? Передъ его величествомъ?! — Суду народа отвѣтятъ они за пролитую кровь. Но этотъ судъ — революція)

Безспорно, стратегическая несостоятельность нашихъ высокопоставленныхъ полководцевъ была одной изъ важныхъ ближайшихъ причинъ всѣхъ этихъ ужасныхъ пораженій. Раздѣлить и безъ того незначительный флотъ на двѣ эскадры, каждая изъ которыхъ не въ состояніи ни къ наступательной, ни даже къ оборонительной[2]) борьбѣ! Поставить армію въ такое положеніе, что въ случаѣ, если Китай присоединится къ Японіи[1]), наши войска очутятся между двухъ огней! Сдѣлать рѣку Ялу оборонительной базой, — и не загородить ея устье минами! — Какъ обдуманно была составлена диспозиція войскъ въ Златоустѣ, когда рабочихъ разстрѣливали съ двухъ сторонъ! Какъ адски-хитро былъ задуманъ (неудавшійся, однако) стратегическій планъ западни для бакинскихъ демонстрантовъ! И какъ жалки оказались эти стратеги въ борьбѣ не съ разрозненными волненіями недовольнаго люда, но съ обученной, дисциплинированной арміей! Убійцы златоустовскихъ, батумскихъ и сотенъ другихъ рабочихъ явились жалкими, неспособными стратегами; обращенные въ слѣпыя, неразсуждающія орудія, русскіе солдаты оказались неспособными противостоять умѣющимъ самостоятельно дѣйствовать японцамъ.

Но, наряду съ этимъ, какъ одну изъ ближайшихъ причинъ пораженій необходимо отмѣтить, что русская артиллерія оказалась несравнено хуже японской, не говоря уже о томъ, что японская гораздо многочисленнѣе.

И здѣсь уже становится ясной неизбѣжность всѣхъ этихъ кровавыхъ пораженій. Неизмѣримо больше японскаго растратило русское правительство на военное дѣло — и неизмѣримо хуже оказалась у него артиллерія! Но не такія суммы затрачены въ дѣйствительности; — не только въ интендантствѣ крадутъ. Въ Россіи — этомъ царствѣ насилія и грабежа — крадетъ всякій, „облеченный царскимъ довѣріемъ“, крадетъ, гдѣ только можетъ и сколько лишь сможетъ!

Артиллерія плоха. Но развѣ она можетъ быть хорошей, если сталь для пушекъ выдѣлываютъ на наихудшемъ углѣ, если пушки льютъ изъ плохого матеріала! На уральскихъ пушечныхъ заводахъ заводоуправленія всегда даютъ взятки пріемщикамъ. Заводоуправленіе *казеннаго* завода даетъ взятки пріемщику *отъ казны же* — и отъ этой воровской „игры въ четыре руки“ гремитъ музыка стоновъ гибнущихъ русскихъ солдатъ на рѣкѣ Ялу!

Снаряды никуда не годятся. Но развѣ они могутъ быть пригодны, если они признаны „годными“ при слѣдующихъ, напримѣръ, обстоятельствахъ. Рачинскій заводъ (на Уралѣ) по заказу морского вѣдомства выдѣлывалъ пушечные снаряды. Пріемщикомъ былъ капитанъ NN[2]). Штатнаго, „казеннаго“ жалованья получалъ онъ что-то около 120 руб. въ мѣсяцъ, „жалованье“ отъ заводоуправленія доходило до тысячи за тотъ же срокъ! Но въ 1903 году дѣла завода были плохи (насколько лишь они могутъ быть плохими при усиленномъ „использованіи“ казеннаго заказа), и управитель началъ экономить, да на свою голову вздумалъ распространить „экономію“ и на жалованье своего сотоварища по операціямъ, предлагая ему уменьшить это жалованье. Тотъ промолчалъ, но когда начался пріемъ, сталъ принимать, какъ это и слѣдуетъ, по инструкціямъ. Испытываются снаряды „на ударъ“, полновѣсными ударами по носку снаряда. И *подрядъ сотня снарядовъ оказалась негодной!* Каждый снарядъ стоитъ заводу изрядную сумму и заводчикъ поспѣшилъ предложить пріемщику „жалованье“, въ условленномъ раньше размѣрѣ. Тотъ — ни слова, молча продолжаетъ свою испытательную работу и отбиваетъ носки у снаряда за снарядомъ. Тогда заводчикъ повысилъ жалованье на нѣсколько сотъ рублей, — и *остальные снаряды оказались „годными“*[3]) *и были приняты казной!*

Артиллерія плоха. Фуражъ, продовольствіе и военные припасы въ огромномъ количествѣ раскрадены. Войскъ недостаточно. И всего этого привезти изъ Россіи въ количествѣ потребномъ для войны невозможно, потому что съѣвшая больше полумилліарда народныхъ денегъ Сибирско-Манчжурская „стратегическая“ желѣзная дорога „обладаетъ незначительной провозоспособностью“.

Видите ли, „рельсы легковѣсны и не могутъ выдержать усиленнаго движенія“. — Да, онѣ легковѣсны, потому что ихъ недовѣсъ украденъ казнокрадами! Да, онѣ легковѣсны, потому что, напримѣръ, на Богословскихъ заводахъ (Верхотурскаго уѣзда) пріемщикъ рельсъ при 2000 штатнаго жалованья, получаетъ въ годъ отъ заводоуправленія *двѣнадцать тысячъ рублей* взятки! И то же самое происходитъ на другихъ заводахъ, на Уралѣ и на югѣ Россіи.

Такъ исподволь подготовлялись теперешнія пораженія русскихъ войскъ! Такъ это есть, и такъ это будетъ, пока будетъ существовать въ Россіи царское самодержавіе, основанное на безгласности народа и на господствѣ бюрократіи. И никакія „поправки“ и коррективы, такъ любимыя корректными людьми изъ лагеря Освобожденія и Русскихъ Вѣдомостей, въ этомъ повальномъ грабежѣ ничего не могутъ устранить. Надзоръ? Но надзору у насъ и безъ того достаточно, слишкомъ достаточно! За указанными Уральскими заводами, напримѣръ, надзираютъ помощники окружныхъ инженеровъ, окружные инженеры, и главный начальникъ Уральскаго Горнаго Управленія. Они надзираютъ — надзираютъ, чтобы рабочіе не смѣли даже пытаться выпутаться изъ той кабальной паутины, которою ихъ окружили заводчики — и главный начальникъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ Златоустовской трагедіи. Они надзираютъ старательно, чтобы не произошло ни одного казнокрадства, ни одного хищенія... безъ того, чтобы имъ не была удѣлена извѣстная доля награбленнаго! И главный начальникъ, наряду съ восьмью тысячами рублей въ годъ штатныхъ, имѣетъ еще около пятидесяти тысячъ въ годъ „постороннихъ“ доходовъ. Постороннихъ... для народа?! Но гибели скольких русскихъ солдатъ стоитъ каждая изъ этихъ тысячъ? сколько же, сколько еще ужасныхъ, стоющихъ тысячъ человѣческихъ жизней, пораженій придется на каждый награбленный царскою челядью народный милліонъ?!

---

[1]) Въ день пораженія на Ялу Куропаткинъ распивалъ шампанское у мукденскаго дзянь-дзюня.

[2]) Портъ-Артурская эскадра защищается выстрѣлами крѣпостныхъ баттарей!

[1] Китайская армія генерала Ма стоитъ въ тылу арміи Куропаткина.

[2] Къ глубокому сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить его фамилію. Но это дѣло поправимо: пусть лишь морской министръ справится по спискамъ.

[3]) Будетъ ли отбитъ носокъ если снарядъ плохой, это зависитъ отъ силы удара и его направленія.
Не такими ли снарядами защищались русскія войска на рѣкѣ Ялу?!

рѣшеніе организаціоннаго вопроса не въ ихъ пользу, погубить русскую соціальдемократію, чему они будутъ, конечно, противиться всѣми средствами, — въ этомъ случаѣ съѣздъ обострить разногласія и увеличитъ хаосъ и разбродъ въ партіи.

Но гораздо болѣе труднымъ, кажется мнѣ, устранить въ данный моментъ личный элементъ въ разногласіяхъ, чѣмъ дѣловой. Междоусобная война всегда накопляетъ столько горечи, столько недовѣрія среди борющихся сторонъ, что эту борьбу едва ли возможно сразу превратить въ дружеское сотрудничество. Прежде чѣмъ собирать съѣздъ — нужно достигнуть *перемирія*, которое съ теченіемъ времени внесло бы успокоеніе. Было бы желательно, чтобы стороны на время, предшествующее созыву съѣзда, прекратили всякую полемику между собою — не только прямую, но также и скрытую, которая раздражаетъ еще сильнѣе. Не слѣдуетъ въ этотъ періодъ пытаться измѣнить status quo.

Будучи слишкомъ мало знакомъ съ русскими условіями, я не знаю, насколько можетъ быть жгучимъ вопросъ объ организаціи: является-ли организаціонный вопросъ на столько жгучимъ, чтобы требовать немедленнаго разрѣшенія. Если это не такъ, то лучше всего было бы отложить на время всякое его обсужденіе. Теперь гораздо важнѣе укрѣплять и возможно болѣе интенсивно пользоваться уже существующими организаціонными формами, чѣмъ экспериментировать надъ новыми.

Заключеніе перемирія по этому вопросу имѣло бы самыя благія послѣдствія для партіи. Она смогла бы тогда, въ ближайшіе же мѣсяцы, обратить всѣ свои объединенныя силы на использованіе настоящаго положенія, — и передъ нею встали бы такія задачи, которыя оттѣснили бы на задній планъ, — даже, быть можетъ, лишили бы всякаго содержанія, — разногласія по оранизаціоннымъ вопросамъ.

Если же не удастся установить такого перемирія, если междоусобная борьба продолжится, не ослабѣвая, до самаго съѣзда, если на него соберутся не съ тѣмъ, чтобы найти выходъ изъ лабиринта, а съ намѣреніемъ насильственно подавить противниковъ, то отъ такого съѣзда я не жду ничего хорошаго.

На русской соціальдемократіи лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ международнымъ пролетаріатомъ, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ-за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю. Такими, по крайней мѣрѣ, кажутся эти разногласія иностранному наблюдателю.

Но отвѣтственность за возникновеніе этой злополучной борьбы падетъ, въ такомъ случаѣ, на Ленина.

Если я могу чѣмъ-нибудь посодѣйствовать прекращенію раскола, — я готовъ сдѣлать все возможное.

Я готовъ даже измѣнить свои выводы, если мнѣ покажутъ, что мои предпосылки невѣрны.

Я пишу въ томъ же смыслѣ одному товарищу, держащемуся противоположнаго направленія, — или лучше я отправлю ему копію съ этого письма.

Съ товарищескимъ привѣтомъ, вашъ *К. Каутскій.*

КОНЕЦЪ Г. ШИПОВА.

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлаютъ робкіе зигзаги и безсмысленные выверты, „министръ борьбы“ неуклонно ведетъ свою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызваное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ Тверского и Новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія „мѣстныхъ людей“, мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что „фактъ необходимости, въ которую было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающійся дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской иниціативы“... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ „съ своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства, соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противудѣйствуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главаря московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи“. Такимъ образомъ, умерщевляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой „школы земской оппозиціи“. Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокого принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической „школы“, которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывшій предсѣдатель московкаго губ. земства занималъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и „школы“, и ея представителя. Г. Шиповъ никогда не чувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему населеніе. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Плеве въ „спасительную силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подножьи“, но ничего революціоннаго онъ въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Плеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрія къ демократіи. Во время нашумѣвшей агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его „школа“ вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ пріемомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проэктъ „экономическихъ попечительствъ“, въ которыхъ крестьянская самодѣятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ помѣщиковъ. Выступая за руководительство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о представленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ Шиповскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, они, однако, считали возможнымъ заключить съ нею договоръ самого сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ задушевнаго разговора съ Плеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основаніемъ отказа отъ первоначальной программы онъ выставлялъ [illegible] Плеве, будто бы эта программа, при ея очевидной неосуществимости, раздражаетъ „извѣстныя сферы“ и препятствуетъ министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестрахованіи, когда Плеве арестовалъ участвовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ псковскаго и московскаго за нежеланіе подавать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ коммиссіи, распоряженіе министра, чтобы „третій элементъ“ разъѣзжался немедленно по домамъ. „Освобожденіе“, въ мельчайшемъ примѣчаніи, „совершенно не могло понять“ тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполнѣ вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевладѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишенная, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая ясного представенія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользъ, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ что нибудь сохранить и даже что нибудь когда нибудь получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ „здравомыслящихъ“ обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта „школа земской оппозиціи“, таковы ея вожди и учители. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризуетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Одного онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступить: своей талантливости, своей работоспособности: ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумѣнію. Бюрократія не вынесла этого. Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности... Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо, — это его личное дѣло, но для его школы и, вообще, для русскаго либерализма „печальный фактъ необходимости“ неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лорисъ-Меликова, пассивная тактика — свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ „Освобожденія“. И та и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ. Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ „овецъ безъ стада“, россійскихъ интеллигентовъ — разночинцевъ. Въ результатѣ — то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: „зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?“ Н. Некоревъ.

ПЕРЕОЦѢНИВАЕМЪ ЛИ МЫ?

Со „свободной трибуны“, открытой редакціей „Освобожденія“ для „всѣхъ искреннихъ сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“ раздались ироническія слова „революціонера“ Дебагорія-Мокріевича: „Въ № 62 революціонной газеты „Искры“ — говоритъ онъ — неизвѣстный авторъ, нападая въ статьѣ на рекомендуемый Вами (П. Струве.) возгласъ: „да здравствуетъ армія“, просто на просто приравниваетъ его къ возгласу: „да здравствуетъ самодержавіе“. Переоцѣнивая силы своей россійской соц.-дем. рабочей партіи, онъ высказываетъ, между прочимъ, надежду на то, что русская соціальдемократія безъ ничьей помощи сама поишій свою неспособность и непригодность ни для какого дѣла? Покаянное настроеніе, молитвенныя стенанія, какой-то бредъ о „священной миссіи“, о „терновыхъ вѣнцахъ“, какое-то полушарлатанское, полуистерическое бормотанье заполняетъ столбцы реакціонной печати, показываетъ предсмертную тоску гибнущаго деспотизма.

Для войны, казавшейся сначала лишь „эпизодомъ на Дальнемъ Востокѣ“, нужны все новыя и новыя войска. И приходится мобилизовать все новыя и новыя губерніи, не потому, чтобы имѣющійся на лицо запасъ войска былъ уже дѣйствительно исчерпанъ, а потому, что царское правительство не можетъ отправлять противъ японцевъ войскъ, нужныхъ ему противъ своихъ собственныхъ „подданныхъ“. Ради этого, при все разростающемся народномъ недовольствѣ, приходится созывать запасныхъ, давая новую пищу ненависти къ самодержавному режиму, углубляя пропасть передъ своими ногами. Но уже одного росчерка „быть по сему“ недостаточно; нужна какая нибудь особенная умилостивительная жертва недовольному народу, нужно какъ нибудь задобрить его, подогрѣть „патріотическія“ чувства. И царская „персона“ снова понадобилась. Царя послали самолично въ тѣ губерніи, гдѣ производилась мобилизація.

И онъ ѣдетъ жалкій, растерянный, умѣющій только вездѣ — и въ Полтавѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Курскѣ и въ другихъ городахъ — пролепетать одну и ту же нескладную фразу о своихъ надеждахъ на доблесть войскъ и „божію помощь“. Вездѣ одна и та же мистическая церемонія „благословенія“ полка иконою, которую офицеры принимаютъ, стоя на колѣняхъ. Вездѣ одна и та же посылка съ ближайшей станціи телеграммы, въ которой „монархъ“ самымъ наивнымъ образомъ благодаритъ „населеніе“ за „соблюденіе порядка“, какъ бы нарочно подчеркивая, какъ напряженно, какъ нервно ждетъ онъ всюду „безпорядковъ“.

Чѣмъ то глубоко меланхоличнымъ, чѣмъ то отживающимъ вѣетъ отъ этого смѣшнаго объѣзда царя. Эти „благословенія“ эти иконы, эти колѣнопреклоненные офицеры — не вызываютъ ли въ памяти тѣ сцены посѣщенія гвардейскихъ офицеровъ Людовикомъ XVI, послѣднимъ французскимъ самодержцемъ, такимъ же ничтожнымъ, такимъ же жалкимъ, какъ послѣдній самодержецъ всероссійскій? И тогда призывалось „имя божіе“, и тогда офицеры склоняли колѣни передъ лицомъ „обожаемаго монарха“, и тогда меланхоліей и грустью вѣяло отъ этого „предсмертнаго“ прощанія монарха съ тѣми немногими „подданными“, которые еще оставались ему „вѣрны“; и тогда мистическіе порывы, надежды на „чудеса“, погоня за призраками начинали овладѣвать развратнымъ, жестокимъ, преступнымъ версальскимъ дворомъ.

И когда мы видимъ, что всѣ надежды царизма все больше и больше возносятся къ небу, это значитъ, что всѣ земныя силы слишкомъ явно возстаютъ противъ него; это значитъ, что ближе и ближе надвигается смерть самодержавія, что оно само все быстрѣе и быстрѣе приближается къ царству призраковъ; это значитъ, что уже загорается заря освобожденія русскаго народа отъ ига деспотизма.

КАКЪ ПОДГОТОВЛЯЛИСЬ ПОРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Русскія войска и флотъ терпятъ одно пораженіе за другимъ. И взволнованный обыватель ищетъ всюду причины этихъ неудачъ; — прежде всего видитъ онъ ее въ неспособности полководцевъ. И вотъ даже консервативные круги начинаютъ шушукаться о необходимости отвѣтственности Куропаткина[1]), объ „отвѣтственности“ министровъ (передъ кѣмъ? Передъ его величествомъ?! — Суду народа отвѣтятъ они за пролитую кровь. Но этотъ судъ — революція)

Безспорно, стратегическая несостоятельность нашихъ высокопоставленныхъ полководцевъ была одной изъ важныхъ ближайшихъ причинъ всѣхъ этихъ ужасныхъ пораженій. Раздѣлить и безъ того незначительный флотъ на двѣ эскадры, каждая изъ которыхъ не въ состояніи ни къ наступательной, ни даже къ оборонительной[2]) борьбѣ! Поставить армію въ такое положеніе, что въ случаѣ, если Китай присоединится къ Японіи[1]), наши войска очутятся между двухъ огней! Сдѣлать рѣку Ялу оборонительной базой, — и не загородить ея устье минами! — Какъ обдуманно была составлена диспозиція войскъ въ Златоустѣ, когда рабочихъ разстрѣливали съ двухъ сторонъ! Какъ адски-хитро былъ задуманъ (неудавшійся, однако) стратегическій планъ западни для бакинскихъ демонстрантовъ! И какъ жалки оказались эти стратеги въ борьбѣ не съ разрозненными волненіями недовольнаго люда, но съ обученной, дисциплинированной арміей! Убійцы златоустовскихъ, батумскихъ и сотенъ другихъ рабочихъ явились жалкими, неспособными стратегами; обращенные въ слѣпыя, неразсуждающія орудія, русскіе солдаты оказались неспособными противостоять умѣющимъ самостоятельно дѣйствовать японцамъ.

Но, наряду съ этимъ, какъ одну изъ ближайшихъ причинъ пораженій необходимо отмѣтить, что русская артиллерія оказалась несравнено хуже японской, не говоря уже о томъ, что японская гораздо многочисленнѣе.

И здѣсь уже становится ясной неизбѣжность всѣхъ этихъ кровавыхъ пораженій. Неизмѣримо больше японскаго растратило русское правительство на военное дѣло — и неизмѣримо хуже оказалась у него артиллерія! Но не такія суммы затрачены въ дѣйствительности; — не только въ интендантствѣ крадутъ. Въ Россіи — этомъ царствѣ насилія и грабежа — крадетъ всякій, „облеченный царскимъ довѣріемъ“, крадетъ, гдѣ только можетъ и сколько лишь сможетъ!

Артиллерія плоха. Но развѣ она можетъ быть хорошей, если сталь для пушекъ выдѣлываютъ на наихудшемъ углѣ, если пушки льютъ изъ плохого матеріала! На уральскихъ пушечныхъ заводахъ заводоуправленія всегда даютъ взятки пріемщикамъ. Заводоуправленіе *казеннаго* завода даетъ взятки пріемщику *отъ казны же* — и отъ этой воровской „игры въ четыре руки“ гремитъ музыка стоновъ гибнущихъ русскихъ солдатъ на рѣкѣ Ялу!

Снаряды никуда не годятся. Но развѣ они могутъ быть пригодны, если они признаны „годными“ при слѣдующихъ, напримѣръ, обстоятельствахъ. Рачинскій заводъ (на Уралѣ) по заказу морского вѣдомства выдѣлывалъ пушечные снаряды. Пріемщикомъ былъ капитанъ NN[2]). Штатнаго, „казеннаго“ жалованья получалъ онъ что-то около 120 руб. въ мѣсяцъ, „жалованье“ отъ заводоуправленія доходило до тысячи за тотъ же срокъ! Но въ 1903 году дѣла завода были плохи (насколько лишь они могутъ быть плохими при усиленномъ „использованіи“ казеннаго заказа), и управитель началъ экономить, да на свою голову вздумалъ распространить „экономію“ и на жалованье своего сотоварища по операціямъ, предлагая ему уменьшить это жалованье. Тотъ промолчалъ, но когда начался пріемъ, сталъ принимать, какъ это и слѣдуетъ, по инструкціямъ. Испытываются снаряды „на ударъ“, полновѣсными ударами по носку снаряда. *И подрядъ сотня снарядовъ оказалась негодной!* Каждый снарядъ стоитъ заводу изрядную сумму и заводчикъ поспѣшилъ предложить пріемщику „жалованье“, въ условленномъ раньше размѣрѣ. Тотъ — ни слова, молча продолжаетъ свою испытательную работу и отбиваетъ носки у снаряда за снарядомъ. Тогда заводчикъ повысилъ жалованье на нѣсколько сотъ рублей, — и *остальные снаряды оказались „годными“*[3]) *и были приняты казной!*

Артиллерія плоха. Фуражъ, продовольствіе и военные припасы въ огромномъ количествѣ раскрадены. Войскъ недостаточно. И всего этого привезти изъ Россіи въ количествѣ потребномъ для войны невозможно, потому что съѣвшая больше полумилліарда народныхъ денегъ Сибирско-Манчжурская „стратегическая“ желѣзная дорога „обладаетъ незначительной провозоспособностью“.

Видите ли, „рельсы легковѣсны и не могутъ выдержать усиленнаго движенія“. — Да, онѣ легковѣсны, потому что ихъ недовѣсъ украденъ казнокрадами! Да, онѣ легковѣсны, потому что, напримѣръ, на Богословскихъ заводахъ (Верхотурскаго уѣзда) пріемщикъ рельсъ при 2000 штатнаго жалованья, получаетъ въ годъ отъ заводоуправленія *двѣнадцать тысячъ рублей* взятки! И то же самое происходитъ на другихъ заводахъ, на Уралѣ и на югѣ Россіи.

Такъ исподволь подготовлялись теперешнія пораженія русскихъ войскъ! Такъ это есть, и такъ это будетъ, пока будетъ существовать въ Россіи царское самодержавіе, основанное на безгласности народа и на господствѣ бюрократіи. И никакія „поправки“ и коррективы, такъ любимыя корректными людьми изъ лагеря Освобожденія и Русскихъ Вѣдомостей, въ этомъ повальномъ грабежѣ ничего не могутъ устранить. Надзоръ? Но надзору у насъ и безъ того достаточно, слишкомъ достаточно! За указанными Уральскими заводами, напримѣръ, надзираютъ помощники окружныхъ инженеровъ, окружные инженеры, и главный начальникъ Уральскаго Горнаго Управленія. Они надзираютъ — надзираютъ, чтобы рабочіе не смѣли даже пытаться выпутаться изъ той кабальной паутины, которою ихъ окружили заводчики — и главный начальникъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ Златоустовской трагедіи. Они надзираютъ старательно, чтобы не произошло ни одного казнокрадства, ни одного хищенія... безъ того, чтобы имъ не была удѣлена извѣстная доля награбленнаго! И главный начальникъ, наряду съ восьмью тысячами рублей въ годъ штатныхъ, имѣетъ еще около пятидесяти тысячъ въ годъ „постороннихъ“ доходовъ. Постороннихъ... для народа?! Но гибели скольких русскихъ солдатъ стоитъ каждая изъ этихъ тысячъ? сколько же, сколько еще ужасныхъ, стоющихъ тысячъ человѣческихъ жизней, пораженій придется на каждый награбленный царскою челядью народный милліонъ?!

---

[1]) Въ день пораженія на Ялу Куропаткинъ распивалъ шампанское у мукденскаго дзянь-дзюня.

[2]) Портъ-Артурская эскадра защищается выстрѣлами крѣпостныхъ баттарей!

[1]) Китайская армія генерала Ма стоитъ въ тылу арміи Куропаткина.

[2]) Къ глубокому сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить его фамилію. Но это дѣло поправимо: пусть лишь морской министръ справится по спискамъ.

[3]) Будетъ ли отбитъ носокъ если снарядъ плохой, это зависитъ отъ силы удара и его направленія.
Не такими ли снарядами защищались русскія войска на рѣкѣ Ялу?!

рѣшеніе организаціоннаго вопроса не въ ихъ пользу, погубитъ русскую соціальдемократію, чему они будутъ, конечно, противиться всѣми средствами, — въ этомъ случаѣ съѣздъ обостритъ разногласія и увеличитъ хаосъ и разбродъ въ партіи.

Но гораздо болѣе труднымъ, кажется мнѣ, устранить въ данный моментъ личный элементъ въ разногласіяхъ, чѣмъ дѣловой. Междоусобная война всегда накопляетъ столько горечи, столько недовѣрія среди борющихся сторонъ, что эту борьбу едва ли возможно сразу превратить въ дружеское сотрудничество. Прежде чѣмъ собирать съѣздъ — нужно достигнуть *перемирія*, которое съ теченіемъ времени внесло бы успокоеніе. Было бы желательно, чтобы стороны на время, предшествующее созыву съѣзда, прекратили всякую полемику между собою — не только прямую, но также и скрытую, которая раздражаетъ еще сильнѣе. Не слѣдуетъ въ этотъ періодъ пытаться измѣнить status quo.

Будучи слишкомъ мало знакомъ съ русскими условіями, я не знаю, насколько можетъ быть жгучимъ вопросъ объ организаціи: является-ли организаціонный вопросъ на столько жгучимъ, чтобы требовать немедленнаго разрѣшенія. Если это не такъ, то лучше всего было бы отложить на время всякое его обсужденіе. Теперь гораздо важнѣе укрѣплять и возможно болѣе интенсивно пользоваться уже существующими организаціонными формами, чѣмъ экспериментировать надъ новыми.

Заключеніе перемирія по этому вопросу имѣло бы самыя благія послѣдствія для партіи. Она смогла бы тогда, въ ближайшіе же мѣсяцы, обратить всѣ свои объединенныя силы на использованіе настоящаго положенія, — и передъ нею встали бы такія задачи, которыя оттѣснили бы на задній планъ, — даже, быть можетъ, лишили бы всякаго содержанія, — разногласія по оранизаціоннымъ вопросамъ.

Если же не удастся установить такого перемирія, если междоусобная борьба продолжится, не ослабѣвая, до самаго съѣзда, если на него соберутся не съ тѣмъ, чтобы найти выходъ изъ лабиринта, а съ намѣреніемъ насильственно подавить противниковъ, то отъ такого съѣзда я не жду ничего хорошаго.

На русской соціальдемократіи лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ международнымъ пролетаріатомъ, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ-за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю. Такими, по крайней мѣрѣ, кажутся эти разногласія иностранному наблюдателю.

Но отвѣтственность за возникновеніе этой злополучной борьбы падетъ, въ такомъ случаѣ, на Ленина.

Если я могу чѣмъ-нибудь посодѣйствовать прекращенію раскола, — я готовъ сдѣлать все возможное.

Я готовъ даже измѣнить свои выводы, если мнѣ покажутъ, что мои предпосылки невѣрны.

Я пишу въ томъ же смыслѣ одному товарищу, держащемуся противоположнаго направленія, — или лучше я отправлю ему копію съ этого письма.

Съ товарищескимъ привѣтомъ, вашъ *К. Каутскій.*

КОНЕЦЪ Г. ШИПОВА.

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлаютъ робкіе зигзаги и безсмысленные выверты, „министръ борьбы“ неуклонно ведетъ свою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызваное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ Тверского и Новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія „мѣстныхъ людей“, мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что „фактъ необходимости, въ которую было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающійся дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской иниціативы“... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ „съ своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства, соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противудѣйствуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главаря московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи“. Такимъ образомъ, умерщвляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой „школы земской оппозиціи“. Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокого принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической „школы“, которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывшій предсѣдатель московкаго губ. земства занималъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и „школы“, и ея представителя. Г. Шиповъ никогда не чувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему населеніе. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Плеве въ „спасительную силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подножьи“, но ничего революціоннаго онъ въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Плеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрія къ демократіи. Во время нашумѣвшей агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его „школа“ вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ пріемомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проэктъ „экономическихъ попечительствъ“, въ которыхъ крестьянская самодѣятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ помѣщиковъ. Выступая за руководительство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о представленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ Шиповскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, они, однако, считали возможнымъ заключить съ нею договоръ самого сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ задушевнаго разговора съ Плеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основані[illegible] отказа отъ первоначальной программы онъ выставлялъ [illegible] Плеве, будто бы эта программа, при ея очевидной неосуществимости, раздражаетъ „извѣстныя сферы“ и препятствуетъ министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестрахованіи, когда Плеве арестовалъ участвовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ псковскаго и московскаго за нежеланіе подавать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ коммиссіи, распоряженіе министра, чтобы „третій элементъ“ разъѣзжался немедленно по домамъ. „Освобожденіе“, въ мельчайшемъ примѣчаніи, „совершенно не могло понять“ тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполнѣ вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевладѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишенная, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая яснаго представленія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользъ, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ что нибудь сохранить и даже что нибудь когда нибудь получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ „здравомыслящихъ“ обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта „школа земской оппозиціи“, таковы ея вожди и учители. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризуетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Одного онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступить: своей талантливости, своей работоспособности: ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумѣнію. Бюрократія не вынесла этого. Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности... Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо, — это его личное дѣло, но для его школы и, вообще, для русскаго либерализма „печальный фактъ необходимости“ неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лорисъ-Меликова, пассивная тактика — свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ „Освобожденія“. И та и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ. Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ „овецъ безъ стада“, россійскихъ интеллигентовъ — разночинцевъ. Въ результатѣ — то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: „зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?“ Н. Негоревъ.

ПЕРЕОЦѢНИВАЕМЪ ЛИ МЫ?

Со „свободной трибуны“, открытой редакціей „Освобожденія“ для „всѣхъ искреннихъ сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“ раздались ироническія слова „революціонера“ Дебагорія-Мокріевича: „Въ № 62 революціонной газеты „Искры“ — говоритъ онъ — неизвѣстный авторъ, нападая въ статьѣ на рекомендуемый Вами (П. Струве.) возгласъ: „да здравствуетъ армія“, просто на просто приравниваетъ его къ возгласу: „да здравствуетъ самодержавіе“. Переоцѣнивая силы своей россійской соц.-дем. рабочей партіи, онъ высказываетъ, между прочимъ, надежду на то, что русская соціальдемократія безъ ничьей помощи сама поидетъ на штурмъ „твердынь деспотизма“. Но какъ ни куражитъ самъ себя авторъ неоднократнымъ повтореніемъ словъ: „бой“, „бури революціи“ и пр., разсчитывая, повидимому, подбодрить этими словами и своихъ окружающихъ, всѣ эти воинственные возгласы указываютъ только на одну необдуманность.“

За этотъ скептическій окрикъ по адресу партіи пролетаріата въ отвѣтѣ — не „видный революціонеръ 70 хъ годовъ“ — нѣтъ: былое молодцу не укоръ! Достаточно и того, что это, по мнѣнію редакціи журнала, голосъ одного изъ „сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“. И надо сказать, что сейчасъ этотъ окрикъ пришелся какъ разъ къ моменту!

Мы только что слыхали призывъ къ благоразумію, обращенный группой изъ 42 „революціонеровъ“ къ нашимъ якутскимъ товарищамъ-борцамъ, которые все же, не внявъ укорамъ, готовы были „лучше умереть защищаясь, чѣмъ позволить издѣваться надъ собой и своими товарищами“.

Отовсюду—вопли о благоразуміи. И какое трогательное сближеніе мыслей у витій свободной либеральной трибуны со свободными отъ революціонной солидарности якутскими ссыльными!

Куда же, наконецъ, идетъ „революціонная Россія“? Гдѣ же дѣятели надвигающейся революціи?

Передъ нами судебная рѣчь одного изъ дѣйствительно самоотверженныхъ исполнителей „рѣшительныхъ боевыхъ дѣйствій“ — Гершуни. Онъ сегодня еще одинокимъ титаномъ, скрѣпя сердце, вершитъ самъ и зоветъ другихъ на геройскія дѣла, онъ еще далекъ отъ мысли сейчасъ расхолаживать чьи нибудь революціонные порывы, но — увы!.. — и онъ уже предрекаетъ близкое ихъ упраздненіе. Да! „не съ легкимъ сердцемъ“... оставлялъ онъ „мирныя поля“, но все же сталъ революціонеромъ-террористомъ, потому что для него „трудовой народъ — это единственная общественная святыня“. Но только сегодня онъ несетъ на алтарь этого бога—личную жизнь, рѣшимость на „*жестокія насилія*“[1], а завтра, вслѣдъ за водвореніемъ политической свободы, божеству будетъ посвящена борьба за экономическое и политическое освобожденіе „трудового народа“, ведомая „культурными средствами“, далекая отъ насилій. При этомъ чудномъ „завтра“ герой террора превратится въ „общепризнаннаго общественнаго дѣятеля“, разъ родная страна станетъ на уровень „любой страны цивилизованнаго міра“.

Эта рѣчь — талантливый окрикъ судьямъ, а въ лицѣ ихъ и обществу. На кого поднимаете руку! Сами же завтра признаете насъ!

Значитъ, и для этого героя трагедія въ томъ, что „своя своихъ не познаша“?.. Что же значатъ всѣ эти новые звуки?. Это крикъ журавлей буржуазной весны. Въ одну стройную стаю слетаются всѣ: либералы, радикалы и „революціонеры“. Либералы опьянены видимой близостью желаннаго переворота. Взглядомъ, не проникающимъ дальше кругозора ихъ класса, они не различаютъ тѣхъ силъ, которыя вызываютъ эту весну и, передъ картиной разрушительной работы потоковъ, мечтаютъ объ укатанныхъ дорожкахъ. „Да здравствуетъ самъ г. Витте, если онъ откажется отъ своихъ прежнихъ пріемовъ и станетъ искренно работать въ пользу освобожденія!“ „Да здравствуетъ Николай II, царь русскій, если только онъ добровольно отступится отъ своихъ самодержавныхъ правъ!“

Характеренъ для буржуазныхъ политиковъ этотъ фетишизмъ въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій, — это припаданіе либераловъ къ ногамъ тѣхъ, отъ кого они ждутъ магическаго разрѣшающаго слова! И они повергаются въ прахъ теперь, когда столько надежды быть „призванными“ съ высоты престола, когда счастье такъ близко, такъ возможно! А, между тѣмъ, лѣвое крыло буржуазнаго стана, которое въ періоды безнадежной реакціи устрашало фетишей государственной власти терроромъ, — теперь уступаетъ и „эксцитацію“ и „устрашенье“ японцамъ, а само отдается благоразумію. И „тигръ“ революціи, Гершуни, говоритъ о царствѣ мира, которое водворится съ приходомъ политической весны.

Но если окажется, что теперь то не весна, а оттепель, если Витте не „откажется отъ своихъ прежнихъ пріемовъ“, японцы не выручатъ, Николай II конституціонный отодвинется въ область несбыточныхъ мечтаній, тогда изъ штутгардскихъ архивовъ извлекутъ для второго изданія восемьнадцатый номеръ съ обѣщаніемъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Извлекутъ съ болью въ душѣ, но не видя другого исхода, и предъявятъ по той же системѣ выдачи политическихъ авансовъ, которая сейчасъ заставляетъ либераловъ кричать: „да здравствуетъ армія!“

А на лѣвомъ крылѣ вновь раздается набатъ, призывающій рабочихъ „къ кровавой борьбѣ“, а то и „къ мести“.

Но уроки исторіи полезны, и можно быть увѣреннымъ, что не пойдетъ пролетаріатъ на демагогическіе призывы... и все же, быть можетъ, не разъ еще станетъ беззавѣтно защищать баррикады, не идя на позоръ отступленія.

И оцѣнщикамъ силъ и стойкости соціальдемократіи пора бы понять, что классовое сознаніе пролетаріата и революціонность его психологіи не знаетъ возврата въ своемъ ростѣ, и что партія этого класса далека отъ политической растерянности либераловъ и радикаловъ. Она не переоцѣниваетъ своего значенія, разсчитывая только на пролетарскія силы — она сознаетъ свое историческое одиночество въ дѣлѣ защиты классовыхъ интересовъ пролетаріата. Передъ ней нѣтъ диллеммы: итти ли ей за буржуазіей или своей дорогой? Первый путь для нея — измѣна классовымъ интересамъ пролетаріата — извлеченіе каштановъ изъ революціоннаго огня для буржуазіи. Второй путь — тяжелый, но единственный путь къ ея цѣли.

Это путь ея партійной программы, съ котораго она не сойдетъ, въ угоду шатаніямъ либеральной мысли. Но ближайшіе шаги по тому же пути можетъ и должна сдѣлать буржуазія. — Не гора подойдетъ къ Магомету, а Магометъ — къ горѣ.

И кличъ „да здравствуетъ армія“ можетъ быть кличемъ рабочихъ — призывомъ солидарности къ солдатамъ, въ моменты, когда значеніе этого лозунга ни въ комъ не возбудитъ сомнѣній — въ часы революціонныхъ схватокъ. Но онъ не можетъ быть подхваченъ рабочими, когда съ этой фразой русская буржуазія кидается въ объятія арміи, мобилизуемой реакціей для націоналистической авантюры.

Пусть же органъ П. Струве, подслушавъ любовные намеки двухъ крайнихъ фракцій буржуазіи на противоположныхъ полюсахъ оппозиціи, спѣшитъ, какъ чеховская мамаша, впопыхахъ благословить ихъ на законный бракъ портретомъ Николая II, — вмѣсто скрижалей демократической конституціи, — этимъ онъ явитъ только міру лишній разъ всю политическую дряблость русскаго либерализма — либерализма, освободительныхъ силъ, энергія котораго мы уже конечно никогда не переоцѣнимъ!

П. С.

---

[1] Курсивъ рѣчи.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Народный трауръ и царскій праздникъ. Телеграфъ принесъ вѣсть о новой кровавой битвѣ подъ Портъ-Артуромъ, и, конечно,—извѣстіе о новой битвѣ, значитъ — извѣстіе о новомъ пораженіи царскихъ войскъ. Одну за другой, должны были покидать русскія войска „неприступныя“ позиціи подъ Портъ-Артуромъ, и, наконецъ, ничего больше не оставалось, какъ удалиться за крѣпостныя стѣны, оставивъ въ рукахъ японцевъ свыше 70 пушекъ. 70 пушекъ! Какого еще надо свидѣтельства полнѣйшей неспособности царскихъ военачальниковъ? Или, въ придачу къ 40 пушкамъ на Ялу, и эти 70 орудій должны служить вѣчнымъ напоминаніемъ японцамъ о „глубоко обдуманныхъ планахъ“ Куропаткина? Быть можетъ, японцы будутъ очень довольны этимъ царскимъ „сувениромъ“, но что скажетъ русскій народъ, дѣтей котораго будутъ теперь поражать бомбы этихъ самыхъ пушекъ? Каждая такая бомба будетъ служить кровавымъ напоминаніемъ преступленій самодержавія, „планы“ котораго только еще и еще разъ обнаруживаютъ, какимъ предательствомъ всѣхъ интересовъ народа является этотъ режимъ кнута и нагайки, режимъ, весь смыслъ существованія котораго сводится только къ высасыванію всѣхъ соковъ изъ народа на пользу кучки хищниковъ, впившихся въ его тѣло. А въ тотъ самый день, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о новой кровавой жертвѣ подъ Портъ-Артуромъ, столица „праздновала“ день „священнаго“ коронованія. Дома были „украшены флагами“, а вечеромъ снисходительное начальство „предоставило“ обывателямъ зажечь иллюминацію. И холопы обыватели покорно подчинились этимъ „праздничнымъ“ распоряженіямъ властей! Стыдъ и позоръ тѣмъ петербургскимъ домовладѣльцамъ, которые не нашли въ себѣ мужества хоть тутъ нарушить эти гнусныя „распоряженія“, которые осмѣлились вывѣшивать флаги и устраивать иллюминаціи въ тотъ день, когда тысячи русскихъ жизней гибли жертвой преступной дерзости и неспособности „коронованнаго“ недоросля и его правительства! Стыдъ и позоръ петербургскимъ гражданамъ, которые терпѣли это наглое издѣвательство надъ народомъ, которые десять лѣтъ тому назадъ находили въ порядкѣ вещей, что весь городъ облекается на нѣсколько дней въ трауръ по случаю смерти самодержца, а теперь допускаютъ „празднованіе“ въ день смерти тысячъ сыновей народа! Необходимо теперь же потребовать, что бы всякіе холопскіе, „вѣрноподданическіе“ праздники, всякіе украшенія и иллюминаціи въ честь вампировъ самодержавія были прекращены, когда весь городъ въ трауpѣ, благодаря преступленіямъ самодержавія.

Интендантскій патріотизмъ. Изумительный приказъ „командующаго войсками сибирскаго военнаго округа“ напечатанъ въ „Русскомъ инвалидѣ“.

Г. „командующій“ сообщаетъ, что „по наряду главнаго интенданта“ заготовлены большіе запасы провіанта и фуража по линіи сибирской дороги. „Командующій“ признается, что „запасы“ эти „не удовлетворяютъ нормальнымъ качествамъ, но (!) могутъ быть употреблены въ пищу безъ вреда для здоровья“; признается, что „продолжительнаго храненія они (запасы) выдержать не могутъ“; признается, наконецъ, что закуплены они по дорогой цѣнѣ, причемъ, будто бы, „съ окончаніемъ заготовокъ, цѣны пали и войска имѣютъ нерѣдко возможность купить дешевле цѣнъ заготовительныхъ интендантскихъ“. Какимъ образомъ „цѣны пали“ по линіи ж. д. послѣ того, какъ были скуплены огромные запасы, про то вѣдаютъ, вѣроятно, лишь „главный“ и не главные интенданты. Но вотъ что любопытно: проходящія войска отказываются получать эти великолѣпные „запасы“, ссылаясь именно на ихъ „неудовлетворительность“, на возможность „купить дешевле“ и на неудобство везти съ собою „непрессованное сѣно“. Но, господа, „командующій“ не можетъ допустить „подобнаго порядка уклоненій отъ получки“, такъ какъ де „казна понесла громадные убытки“, а посему „намѣренъ воспретить эшелонамъ покупку фуража и провіанта“. Что сказать объ этомъ покрытіи „громадныхъ убытковъ“, очевидно, вызванныхъ блистательными порядками въ интендантствѣ, насчетъ солдатскаго здоровья? Впрочемъ, справедливость обязываетъ добавить, что „командующій“ требуетъ употребленія въ пищу „неудовлетворяющихъ нормальнымъ качествамъ“ продуктовъ „безъ вреда для здоровья“. Конечно, строгая военная дисциплина подѣйствуетъ, и солдаты, питаясь гнилой мукой, будутъ здоровы... на бумагѣ, по крайней мѣрѣ.

Преступленія японцевъ и московская добродѣтель. „Московскія Вѣдомости“ негодуютъ на японцевъ. И такіе-то они, и сякіе, и „торговые пароходы наши захватываютъ“, и „мины по морю разбрасываютъ“, и „уничтожаютъ наши рыбные промыслы“, и „бомбардируютъ незащищенные города“, и пр. и пр. Словомъ, „своими преступленіями онъ (врагъ) поставилъ себя внѣ закона. Всякія репрессаліи противъ него были бы вполнѣ справедливы“. И затѣмъ, въ той же статьѣ, добродѣтельная газета набрасываетъ планъ „крейсерской войны“, очевидно ужъ безъ „преступленій“, приличныхъ „язычникамъ“, но недостойныхъ „христіанскаго“ народа. Но что же оказывается? Предполагаемый крейсерскій флотъ „дѣлаетъ внезапныя нападенія на берега, бомбардируетъ города, взимаетъ контрибуціи, захватываетъ и уничтожаетъ пароходы непріятеля десятками, а джонки сотнями, уничтожаетъ рыбные промыслы, распространяетъ страхъ и ужасъ по всей странѣ“. И далѣе: „наши крейсеры имѣли бы задачей нападеніе на многочисленный беззащитный торговый флотъ непріятеля, на его беззащитные рыбные промыслы и берега“, да притомъ еще на каждомъ такомъ крейсерѣ обязательно должны быть „дальнобойныя орудія и мины“. Очевидно, что разорять „беззащитные“ города и промыслы во имя отца и сына и святого духа и захватывать пароходы съ крикомъ „боже, царя храни“ — дѣло весьма почтенное и добродѣтельное, ничего общаго не имѣющее съ „преступленіями“ язычниковъ. И на какихъ простодушныхъ читателей разсчитываетъ наша изолгавшаяся „пресса“ (ибо отнюдь не одни „Московскія Вѣдомости“ морочатъ публику такими разсужденіями), сегодня требующая объявленія японцевъ „внѣ закона“ за „разбрасываніе минъ“, а завтра хвастающая, что японскій броненосецъ взлетѣлъ на воздухъ отъ минъ, „разбросанныхъ“ русскими?

Харьковъ. Недѣлю тому назадъ въ Харьковѣ появилось объявленіе о конской мобилизаціи, и черезъ день всѣ лошади города были собраны въ нѣсколькихъ мѣстахъ на сборныхъ пунктахъ. Что происходило при пріемахъ — трудно себѣ вообразить. Это былъ настоящій грабежъ среди бѣлаго дня! Дѣло въ томъ, что по закону во время мобилизаціи лошади принимаются по нѣсколькимъ разрядамъ, причемъ за каждый разрядъ установлена особая плата. Такъ, за лошадей перваго разряда правительство выдаетъ по 200 рублей, второго — по 170 и третьяго — по 120 рублей. Такимъ образомъ выходило, напримѣръ, что за тысячныхъ рысаковъ получали по 200 руб. Но это еще бы ничего, такъ какъ такіе рысаки принадлежатъ, вѣдь, настолько состоятельнымъ людямъ, что эта потеря для нихъ не особенно чувствительна. Но вотъ, напримѣръ, ломовымъ извозчикамъ, у которыхъ лошади нерѣдко стоятъ по 500-600 рублей, давали по 170-120. Многіе изъ нихъ прямо таки плакали при этомъ. Значительное количество извозчиковъ остались теперь безъ лошадей, а, слѣдовательно, и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Но это еще брали на войну лишь скотъ. Черезъ нѣсколько же дней всѣ заборы и столбы города украсились красными (какая иронія!) объявленіями. По высочайшему повелѣнію, запасные всѣхъ годовъ призывались въ 24 часа явиться въ участокъ. Однимъ почеркомъ пера нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ были призваны къ исполненію „священнаго долга“. Въ газетахъ уже появились сообщенія о „великой радости“, съ которой шли вѣрноподданные „положить свой животъ за царя и отечество“. Нечего и говорить, что все это наглая ложь.

Картины были ужасныя. Толпы воиновъ шли, сопровождаемые плачущими женами, дѣтьми, родственниками. На улицахъ появилась масса пьяныхъ.

Настроеніе толпы, стоявшей у квартиры воинскаго начальника, было далеко и далеко не патріотическое. Офицеры, проходившіе тутъ же по дѣламъ службы, пробирались сторонкой, такъ какъ по ихъ адресу сплошь и рядомъ отпускались очень рѣзкія и совсѣмъ не двусмысленныя замѣчанія.

Я спросилъ одного изъ призывавшихся: „А что, если бы отказаться итти?“ „Да что-жъ, отвѣтилъ онъ, кабы всѣмъ вмѣстѣ, такъ много можно бы надѣлать“... Однимъ словомъ, война становится все менѣе и менѣе популярной. Въ широкихъ массахъ народныхъ уже совершенно перестаютъ вѣрить оффиціальнымъ сообщеніямъ. За послѣднее, напримѣръ, время упорно распространился слухъ о томъ, что одинъ русскій генералъ, якобы, „продалъ“ японцамъ сраженіе... Когда я стоялъ передъ этой громадной толпой, въ которой одни суетливо торопились узнать что-нибудь о своей судьбѣ, а другіе стояли и совершенно безучастно и безстрашно смотрѣли на все происходившее, многое и многое приходило въ голову. Казалось, достаточно только бросить туда одну искру, — и все вспыхнуло бы страшнымъ пожаромъ.

Изъ **Харькова** же въ одномъ частномъ письмѣ, между прочимъ, сообщаютъ: У насъ теперь мобилизація. Почти въ каждой семьѣ стоны, слезы и горе. Изъ одной харьковской губерніи забрано до 40.000 мужей, отцовъ, братьевъ, оставляющихъ свои семьи на произволъ судьбы. Съ одного паровозостроительнаго завода у насъ взято на службу 1000 человѣкъ. *Трое повѣсилось.*

Приходится наблюдать картины, не поддающіяся описанію...

Харьковъ. (изъ частнаго письма). У насъ цѣлую недѣлю шла мобилизація. На площади сосредоточивались десятки тысячъ народу, хмураго, недовольнаго. Настроеніе у запасныхъ угнетенное. Идти помирать никому не хочется. Кромѣ плача и горя, можно еще было видѣть картины безшабашнаго веселья съ отчаянья, но желанія идти на войну, я, шляясь часами на площади, ни у кого не подмѣтилъ. Для поднятія „духа“ выписали на гастроли царя. Подъема и здѣсь не было. Встрѣча была до крайности жалкая. По улицамъ шпалерами вмѣсто войска, какъ прежде, теперь стояла народная охрана изъ мужиковъ, пригнанныхъ изъ уѣздовъ, дворниковъ и шпіоновъ. Въ ней принимали участіе и рабочіе изъ паровозостроительнаго завода, конечно, подонки. У всѣхъ на груди были „желтые“ билеты. Солдаты имѣютъ ужасный видъ: грязные, одѣтые положительно въ тряпье, голодные, они нерѣдко ходятъ по городу побираться. Возвращаясь съ ученья въ городъ въ полномъ вооруженіи, они отъ утомленія и голода иногда падаютъ.

Въ городѣ все это время была, положительно, паника. Не было семьи, которая такъ или иначе не пострадала бы. Чтобы ходить на вокзалъ и смотрѣть сцены прощанья, особенно крестьянскихъ семей, брошенныхъ на произволъ судьбы, нужно имѣть желѣзные нервы. А вѣдь это только частная мобилизація. 15-го предполагаютъ произвести общую, а затѣмъ возьмутъ и ополченіе. Врачей берутъ не всѣхъ, а по жребію. Изъ Харькова взято уже 35, да 20 ушли добровольно въ земскіе отряды.

О либералахъ и даже радикалахъ и говорить не хочется — тошно! Объ ихъ настроеніи можно судить по тому, какъ они стремились перещеголять другъ друга вчера въ припаданіи къ „стопамъ“.

Въ тюрьмѣ, послѣ цѣлаго ряда голодовокъ, теперь наступилъ попросту голодъ, потому что не кормятъ изъ экономіи.

Кременчугъ. (картина мобилизаціи). Получился приказъ временно распустить созванныхъ запасныхъ артиллеристовъ. Надолго ли? Это неизвѣстно. Пока они свободны, хотя книжекъ имъ не отдали. Пѣхотинцевъ же, какъ ихъ забрали и отправили въ казарму, такъ и не даютъ имъ возможности пойти даже съ семьей повидаться. Ихъ уже обмундировали и, должно быть, скоро отправятъ. Пока около казармъ очень оживлено. Къ каждому приходятъ жена, дѣти; иногородніе совсѣмъ тамъ поселились, изъ боязни, что вотъ вотъ ихъ мужей могутъ отправить безъ ихъ вѣдома. Наконецъ, имъ все равно дома ѣсть нечего.

У одного изъ запасныхъ умерла жена. Онъ еле отпросился пойти ее хоронить, а затѣмъ, забравъ своихъ шесть дѣтей, пошелъ съ ними въ казарму. Не думаю, однако, чтобы ему позволили держать ихъ при себѣ. Скорѣе всего помѣстятъ, куда попало, дѣтей, а отца пошлютъ на убой... Одинъ фабричный инспекторъ, когда его свидѣтельствовали, обратился къ врачу со слезами на глазахъ и умолялъ пощадить его, такъ какъ у него десять человѣкъ дѣтей, матери у нихъ нѣтъ, а онъ самъ бѣденъ и не можетъ ихъ обезпечить. Врачъ назначилъ его на испытаніе. А сегодня его приняли. Такихъ сценъ очень много.

Забираютъ и лошадей. У многихъ мужиковъ и горожанъ забрали по два-три сына, и къ тому же, и лошадей. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ забирали у одного мужика лошадей. Отнимали ихъ, конечно, не у него одного, а у многихъ, но этотъ одинъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Онъ стоялъ съ опустившимися руками, не спуская глазъ съ своихъ лошадей. По всей вѣроятности, онъ замѣтилъ мой пристальный взглядъ и обратился ко мнѣ со словами: „Вчера забрали моихъ сыновей, сегодня лошадей. Хоть не возвращайся назадъ домой“.

Предсѣдателемъ военно-конской коммиссіи былъ нашъ городской голова, который своихъ лошадей за нѣсколько дней до мобилизаціи сплавилъ, чтобы ихъ не забрали. Такъ же распорядились и многіе изъ дворянъ. А мужицкія и извозчичьи лошади забирались, конечно, „по закону“.

Ѳеодосія. Здѣсь флотскіе запасные отказались присягать. Такое положеніе продолжается уже почти двѣ недѣли. Они заявили, что не будутъ присягать до тѣхъ поръ, пока ихъ семейства не будутъ обезпечены. Недавно застрѣлился одинъ запасной флотскій, который просилъ вспомоществованія у воинскаго начальника, но получилъ отказъ. Онъ оставилъ дома шесть человѣкъ дѣтей и больную жену, вдобавокъ, онъ безземельный. Покончилъ онъ съ собой неожиданно, въ кругу товарищей, возлѣ казармы, выстрѣливъ себѣ въ ротъ.

У насъ въ городѣ были разбросаны прокламаціи (Крымскаго Союза), а наканунѣ, прокламаціи были разбросаны въ большомъ количествѣ по всѣмъ деревнямъ. Жандармерія сейчасъ же бросилась по горячимъ слѣдамъ. „Виновниковъ“ не нашли, но много крестьянъ арестовано. Терпеньскій священикъ и учитель вызвались помогать жандармамъ. Въ городѣ ждутъ обысковъ и арестовъ.

Послѣ побѣды японцевъ страшно какъ всѣ пріуныли и почти ужъ нѣтъ проявленій патріотизма, почти всѣ осуждаютъ дѣйствія правительства, даже прислуга — знаю изъ личныхъ разговоровъ — проклинаетъ Николая съ его присными. По уѣзду и въ городѣ все населеніе только и говоритъ о „письмахъ“. Вотъ вамъ картинка: одинъ рабочій утромъ шелъ на работу, нашелъ прокламацію и, остановившись, сталъ ее читать. Къ нему подошелъ ополченецъ, одинъ, другой... Мало-по-малу ихъ собралось человѣкъ 30, и рабочій продолжалъ свое чтеніе вслухъ, среди общаго вниманія, пока подоспѣвшій городовой не забралъ рабочаго въ полицію. Продержали его до полудня и выпустили.

Москва (изъ частнаго письма). Для характеристики отношенія кое-кого изъ публики къ военнымъ дѣйствіямъ на Дальнемъ Востокѣ, приведу мой разговоръ съ мелкимъ лавочникомъ послѣ гибели „Петропавловска“. *Онъ* — „и занесло же ихъ туда... черти!.. на что имъ Корея нужна? Мало своей Сибири — Сибирь непочатый край, а имъ въ Корею нужно! Только народъ губятъ!“ *Я* — „да еще народныя деньги въ море спускаютъ...“ *Онъ* — „шутка сказать! восемнадцать милліоновъ только постройка броненосца, а сколько на немъ орудій и проч. Городъ Клинъ того весь не стоитъ, что одинъ „Петропавловскъ“, а они его въ двѣ минуты ко дну пустили... черти!..“.

Знакомая намъ башмачница очень возмущалась застоемъ въ торговлѣ. Хотя и не ругалась такъ, какъ лавочникъ, но въ тонѣ слышалось раздраженіе, когда она передавала (циркулирующій въ народѣ) разсказъ о посѣщеніи царя десятью купцами. Купцы говорятъ, что торговля плохо идетъ. Онъ имъ отвѣчаетъ: „въ прежнія времена народъ терпѣлъ во время войны, и вы потерпите“. „Да, вѣдь, умирать придется, — заявляютъ купцы. — „Это уже дѣло ваше, — отвѣчаетъ царь, — хотите — живите; не хотите — помирайте“... „Хорошо ему такъ разсуждать, — закончила свой разсказъ башмачница, — а намъ то каково! Раньше мы 15 рабочихъ держали, а послѣ Пасхи пять только оставили, а то и совсѣмъ работу прикончимъ“...

Изъ Восточной Сибири. Всѣ страшно интересуются войной, а почта, какъ нарочно, ужасно неаккуратно доставляется. Приходится иногда читать солдатскія письма, очень неутѣшительнаго характера. Вотъ образчики:

„Выступили изъ Артура; куда, не знаемъ. Кормятъ скверно. Хлѣбъ плохой, мяса и не видишь. Хоть бы скорѣй напасть на японца; можетъ, кормить лучше будутъ“.

„Только и знаемъ, что могилы копать; ежедневно роемъ больше 20. Когда японецъ начинаетъ штурмовать, жутко становится: бомбы летятъ, а японца и не видишь“.

Баку. Со времени послѣдней трагикомедіи, разыгранной жандармами въ ночь на 31 марта, мы пережили еще кое какія сценки. Около 10 апр. арестованъ служащій въ гор. управѣ статистикъ Фонштейнъ. Обстоятельства ареста: является въ управу жандармъ (остальная компанія ждала у воротъ на улицѣ) и честью проситъ слѣдовать за собою. Приходитъ честная компанія на квартиру Фонштейна, производитъ обыскъ, ничего не находитъ, тѣмъ не менѣе, не смущается, а подъ конецъ даже торжествуетъ. Въ чемъ же дѣло? „Червонные валеты“ знаютъ секретъ. У нихъ есть рукопись, автора которой приказано найти. Отчего не попытать на Фонштейнѣ? — „спросъ не бѣда. „Ваша рукопись?“ — „Какая? въ чемъ дѣло?“ Извольте-ка написать“... пишетъ... „гмъ.... а все же, знаете, *б* какъ будто похоже... э, да тамъ разберутъ. Арестовать.“ И человѣка арестовали. За что? „Тамъ разберутъ.“ Слушаешь исторію такого ареста и не знаешь, что въ тебѣ беретъ верхъ: не то чувство возмущенія къ опричнинѣ, не то презрѣніе къ „*обществу*“, въ которомъ имѣютъ мѣсто подобныя сцены.

Въ ночь на 15 былъ арестованъ еще одинъ человѣкъ, нѣкто Кнуньянцъ (б. ст.). Одновременно произведенъ былъ обыскъ у его брата — вольноопредѣляющагося. Въ казенномъ помѣщеніи воен. вѣдомства найденъ былъ гектографъ, неизвѣстно кому принадлежащій. Обыскъ въ казенномъ помѣщеніи въ связи съ нахожденіемъ гектографа, постепенно разростаясь, превратился, наконецъ, въ слухѣ объ арестѣ типографіи и военныхъ... Въ ту же ночь были обыски въ Балаханахъ. Передъ первымъ мая жандармерія старается уловить корни. Тщетны старанія. Въ Баку они слишкомъ глубоко сидятъ, чтобы ихъ можно было поймать и вырвать.

Для полноты хроники арестовъ и обысковъ необходимо хоть заднимъ числомъ отмѣтить, что однодневная стачка коночниковъ (25 марта) стоила ареста пяти чел. Кромѣ того, у одного контролера на Пасхѣ былъ обыскъ. Слуги самодержавія усердствуютъ.

Послѣ Пасхи были обыски у флотскихъ солдатъ подъ лицемѣрнымъ предлогомъ розысканія какой-то пропавшей вещи, на самомъ же дѣлѣ, искали пасхальныхъ листковъ. Солдатскую казарму (что на Баиловѣ) охраняетъ теперь часовой съ ружьемъ.

Итакъ, на сценѣ снова жандармы. Что дѣлается въ партерѣ? Увы, тихо! Тамъ сидитъ прилизанное, приглаженное „общество“. Оно, правда, не рукоплещетъ актерамъ, но и не негодуетъ. Оно слишкомъ для этого благовоспитано — трусливо. Въ лучшемъ случаѣ благовоспитанная трусливость его позволяетъ ему пошептаться. Правда, нельзя отрицать, что взрывы японскихъ и русскихъ *минъ на Дальн. Вост.* отозвались... только не взрывомъ возмущенія противъ самодержавія — отозвались ерзаніемъ на мѣстѣ наиболѣе смирно сидящихъ на своихъ мѣстахъ въ обычное время.

То вы узнаете, что какой-нибудь попъ не радъ какъ будто спасенію Кирилла, считая его виновникомъ гибели „Петропавловска“. Макарову, молъ, нужно было прокатиться на броненосцѣ *во что бы то ни стало.* — То заскорузлый педагогъ, искренно всхлипнувъ по Макаровѣ, съ какой-то покорностью слушаетъ теперь ваши антисамодержавныя слова. Онъ еще не пришелъ въ себя, ему самому странно, какъ это съ нимъ произошелъ такой переворотъ, что *вотъ онъ* слушаетъ „*такія*“ слова, но, тѣмъ не менѣе, онъ слушаетъ. Онъ еще далекъ отъ того, чтобы самому закричать: „долой самодержавіе“, но онъ васъ уже понимаетъ.... Офицеры (говорю объ армейцахъ) также начинаютъ задумываться... На первое время *они* полагаютъ, что вина падаетъ на морскихъ офицеровъ. Привиллегированные морскіе корпуса выпускаютъ, молъ, круглыхъ невѣждъ, а попадаютъ туда круглые дураки... Отсюда первое ихъ требованіе: демократизація всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ въ народѣ, въ нихъ также нѣтъ патріотическаго энтузіазма, и на отправляющихся на Дальн. Вост. они смотрятъ не какъ на героевъ, а какъ на простыхъ искателей приключеній, чиновъ и пр., съ оттѣнкомъ легкаго презрѣнія.

Житоміръ, Волынской губ. Волна „патріотическихъ“ манифестацій, захвативъ и нашъ городъ, вылилась здѣсь въ своеобразныя формы. У насъ иниціаторомъ и вдохновителемъ манифестацій явился директоръ первой *гимназіи* г. Антонюкъ. Возбудивъ противъ себя своимъ грубо-полицейскимъ режимомъ всю гимназію (см. „Искра“ № 61), не будучи въ силахъ справиться съ „крамолой“, пустившей глубокіе корни среди учащихся, онъ вздумалъ „патріотизмомъ“ поднять свой престижъ и показать своему начальству, что вотъ-де, какъ его ученики благонадежны.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны, Антонюкъ обратился къ полиціймейстеру съ просьбой разрѣшить ему устроить манифестацію. Послѣдній сначала колебался,... но, въ концѣ концовъ, далъ свое согласіе. Ученики немедленно были освобождены отъ занятій, и директоръ занялся распредѣленіемъ ролей: „Вы, обращается онъ къ двумъ ученикамъ восьмого класса, несите портретъ государя императора: хоръ, становись сюда; патріоты, стройся въ колонну; оркестръ — впереди“,... и шествіе, „движимое патріотическимъ чувствомъ“, во главѣ съ директоромъ и полиціей, направилось къ соборной площади, оглашая улицы дѣтскимъ крикомъ „ура“ и „боже, царя храни“. Любопытныхъ собралось, конечно, очень много, но активнаго участія въ этой комедіи не принимали. Семинаристы же и гимназисты старшихъ классовъ, тѣ держались даже вызывающе, не снимая шапокъ при исполненіи гимна.

Вторую манифестацію директоръ уже устроилъ въ стѣнахъ гимназіи. Все было обставлено таинственно: до послѣдней минуты никто не зналъ, въ чемъ дѣло. Педели всѣ были налицо и разставлены въ боевомъ порядкѣ; учителя о чемъ-то перешептываются, видно, что готовится нѣчто торжественное... Наиболѣе сознательные ученики, понявъ, что дѣло не обойдется безъ „патріотизма“, пытались было уйти изъ гимназіи, но... двери повсюду оказались запертыми. Послѣ второго урока учениковъ стали сгонять въ актовый залъ: „хотятъ, молъ, прочесть что-то“. (Что именно, держалось въ секретѣ.) Педели вмѣстѣ съ оберъ-педелемъ г. Антонюкомъ весьма усердно разыскивали юныхъ „крамольниковъ“ въ клозетахъ и корридорахъ... Когда убѣдились, что всѣ „патріоты“ налицо, директоръ торжественно прочелъ высочайшую благодарность ученикамъ за выраженныя ими „вѣрноподданныя“ чувства (надо замѣтить, что „чувства“ эти были повергнуты къ стопамъ его величества безъ вѣдома и согласія учениковъ). „Подлинная телеграмма подписана самимъ государемъ императоромъ“, громко закончилъ директоръ и провозгласилъ „ура“. Малыши подхватили, откуда то взявшійся оркестръ заигралъ гимнъ, все, кажется, вышло, какъ слѣдуетъ, но вдругъ среди общаго шума начали раздаваться свистки. Начальство старалось этого не замѣтить и поспѣшило закончить представленіе. На сознательныхъ учениковъ эта принудительная манифестація произвела удручающее впечатлѣніе. Хороши также манифестаціи, которыя устраиваются „при закрытыхъ дверяхъ“ изъ боязни, чтобы патріоты не разбѣжались...

Въ ночь съ 10 на 11 апрѣля здѣсь были повальные обыски. Жандармы держали себя очень грубо и нахально. У бывш. студента Горскаго была выбита дверь, когда тотъ спросонья не открылъ послѣ перваго стука. Обыски были у многихъ лицъ и между прочимъ у Горскаго (б. ст.), Сидерчука (чин.), Коварскаго (б. ст.), Мощенка (гим.), Домбровской (учит.), Рашковича (зуб. вр.) и у нѣкоторыхъ рабочихъ. Въ эту же ночь на вокзалѣ былъ арестованъ б. ст. Гопникъ; продержали его ночь въ жан. упр. и на другой день выпустили. Это уже не первый случай, что жандармы забираютъ на вокзалѣ людей „на авось“, придерживаясь правила: лучше 10 разъ ошибиться, чѣмъ разъ пропустить.

За этотъ мѣсяцъ въ городѣ была распространена масса прокламацій редакціи „Искры“: „Война противъ войны“ (1000 ш.), „Въ ожиданіи успѣховъ“, „Искра“ о войнѣ“ и др; разбрасывались на улицахъ, бульварахъ, бросались въ ящики, раздавались въ видѣ прав. телеграммъ. Среди солдатъ былъ распространенъ листокъ ред. „Искры“: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“, вызвавшій много толковъ. Запасные бьютъ тревогу, боясь мобилизаціи. Настроеніе во всѣхъ слояхъ населенія подавленное. Войной интересуются, но относятся къ ней отрицательно. Самые благонамѣренные элементы жалуются на отсутствіе правдивыхъ свѣдѣній съ театра войны. Газетамъ не вѣрятъ и критикуютъ дѣйствія правительства. Пишущему эти строки приходилось слушать разсужденія простого люда: „если въ газетѣ напечатано: убито 30 чел., то считай самое меньшее 300“. Среди крестьянъ идутъ самые нелѣпые слухи, охотно поддерживаемые попами и полиціей, что „наши моряки уже захватили всю Японію, а царя японскаго въ плѣнъ взяли“. Правда о войнѣ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ больше чѣмъ необходима.

Новозыбковъ. *Нашъ бѣдный городъ такъ и остался безъ* модной комедіи, именуемой „патріотической манифестаціей“; не смотря на старанія мѣстной полиціи, какъ обыватели, такъ и учащаяся молодежь остались совершенно равнодушными какъ къ „исконному миролюбію“ царя, такъ и къ „коварному и дерзкому нападенію“ врага... Право, не знаю, чему приписать такое „непростительное“ равнодушіе: гражданскому ли индифферентизму нашего общества или его скептическому отношенію къ добродѣтелямъ всероссійскихъ самодержцевъ?

Не обошлось, однако, и у насъ безъ инцидентовъ. Въ реальномъ училищѣ (въ томъ же зданіи находится и сельскохозяйственное) на масляной былъ вечеръ въ пользу Крас. Крес. Какъ водится на всѣхъ благоустроенныхъ вечерахъ, хоръ пропѣлъ царскій гимнъ, послѣ чего жандармскій подполковникъ крикнулъ, какъ водится, „ура“! и, какъ откликъ на это патріотическое восклицаніе, онъ услышалъ, во первыхъ, свое собственное эхо, а затѣмъ, нѣсколько нерѣшительныхъ голосовъ. Начальство рѣшило еще разъ пропѣть, авось, удастся „получить еще нѣсколько голосовъ“. Перебаллотировка, однако, не удалась и окончилась скандаломъ: часть молодежи, которой, очевидно надоѣла эта комедія, стала кричать: „Не надо, не надо! Довольно!“ И вышла такимъ образомъ „*исторія*“, потребовавшая „*козлища отпущенія*“. Онъ былъ найденъ въ лицѣ ученика VI класса К. Цетлина, которому „предложили принять свои бумаги“.

Вообще, приходится констатировать „печальный“ фактъ, наша учащаяся молодежь не любитъ выражать „вѣрноподданническія“ чувства, въ чемъ могъ убѣдится на дняхъ нашъ директоръ обоихъ учебныхъ заведеній. Собравъ 21 сего мѣс. учениковъ сельскохозяйственнаго училища, директоръ „имѣлъ счастье объявить собравшимся царскую благодарность учащейся молодежи кіевскаго округа за выраженныя вѣрноподданическія чувства“. *Послѣдовало... краснорѣчивое молчаніе.* Директору, очевидно, стало не совсѣмъ ловко и онъ поспѣшилъ попрощаться и пожелать своимъ ученикамъ веселаго праздника, на что послѣдовало громогласное „спасибо, также и вамъ!“.

Вамъ уже извѣстно, что у насъ *были* аресты. *Прибавлю*, что арестованные были отправлены въ Новгородъ Сѣверскъ: этимъ путемъ предполагалось изолировать ихъ отъ всякаго сообщенія съ мѣстной группой. Одинъ изъ арестованныхъ Д. Приходько, къ сожалѣнію, указалъ на того, кто далъ ему листки, именно на Г. Аерова. Сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ, гдѣ послѣдній тогда случайно находился; его не нашли. Нѣсколько дней полиція, жандармерія и шпики бѣгали по платформѣ вокзала. Розыски не увѣнчались успѣхомъ. Арестованнаго В. К. Локшина держатъ въ Суражѣ въ тюрьмѣ съ тою же цѣлью. Туда же отправлена подъ надзоръ и сестра его, акушерка.

Смоленскъ. 20 Октября 1903 года на вокзалѣ въ Смоленскѣ былъ арестованъ воспитанникъ шестого класса В. В. Медвѣдковъ при получкѣ литературы (4 пуда).

По этому поводу въ семинарскомъ общежитіи былъ устроенъ поголовный обыскъ, который не далъ никакихъ результатовъ. Это событіе взволновало въ свое время весь городъ, особенно же семинарскихъ педагоговъ и начальство. Педагоги испугались „какъ бы чего не вышло“, пошли рѣчи о пріѣздѣ ревизора, о томъ, что вдругъ обнаружится, „что тотъ-то, тогда-то, сказалъ то-то“... Особенно же встревожилось начальство, которое до этого случая могло похвалиться благонравіемъ своихъ духовныхъ воспитанниковъ. Въ то время, когда гимназисты, реалисты, гимназистки то и дѣло попадали на *замѣчаніе* жандармовъ за обсужденіе наболѣвшихъ вопросовъ русской жизни, въ семинаріи было полнѣйшее спокойствіе. Если въ семинарское зданіе какой нибудь случай заносилъ „прокламацію“, то *обычно сами* воспитанники (и не риторъ, а часто богословъ) осторожно брали преступный листокъ кончиками двухъ пальцевъ, и несли его, не читая и не глядя, къ отцу инспектору. Повидимому семинарія, вообще, была равнодушна къ живой жизни: она не понимала, почему волнуются студенты, за какихъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ *томятся по тюрьмамъ*, изнываютъ въ ссылкахъ лучшіе люди страны, чего добивается русскій революціонеръ... Отецъ ректоръ, арх. Олимпій, объ Иркутскихъ подвигахъ котораго извѣстія проникли даже въ легальную печать (Русская Мысль 1900 г., авг.), искусной рукой отстранилъ отъ семинаристовъ всѣ эти жгучіе вопросы. Онъ постарался улучшить ихъ столъ, далъ имъ красивую форму по ихъ вкусу, устраивалъ имъ концерты и танцовальные вечера съ епархіалками. Семинаристы были довольны, веселы. Два-три года тому назадъ они и слышать не хотѣли о призывѣ студентовъ Московской и Казанской академій къ подачѣ петиціи объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній. Ликовалъ и ректоръ. Ему уже грезилась епископская кафедра. Случай съ Медвѣдковымъ разрушилъ иллюзію. Дѣйствительно, предъ рождествомъ пріѣхалъ ревизоръ Тихомировъ. Генералъ, — такъ онъ самъ величалъ себя. — открылъ при семинаріи *настоящее жандармское* отдѣленіе, обнаруживши недюжинныя способности сыщика. Чтобы укрѣпить колеблющихся семинаристовъ, онъ на прощаніе въ пятомъ и шестомъ классахъ для назиданія и руководства сказалъ рѣчь, въ полной увѣренности, что она съ корнемъ *вырветъ вкравшуюся* въ семинарію крамолу. Вышло какъ разъ наоборотъ. Надъ рѣчью его превосходительства смѣялись всѣ, едва сдерживаясь, благодаря присутствію ректора и инспектора.

Тогда появилось изданное Смоленскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. „открытое письмо къ генералу Тихомирову“.

Приводимъ *его въ сокращенномъ* видѣ:

„Ваше превосходительство! въ своемъ прощальномъ словѣ къ смоленскимъ семинаристамъ, вы, генералъ, попытались разъяснить смыслъ современныхъ „страшныхъ“ событій. Вы рекомендуете юношамъ отойти отъ общественной жизни, мотивируя это тѣмъ, что долгъ каждаго человѣка исполнить лишь свои обязанности... Вы выставляете *себя убѣжденнымъ* защитникомъ своей истины.

Но откуда же эта боязнь другой истины, отъ которой вы предостерегаете вашихъ учениковъ?... Вамъ отъ всего страшно. Вы всего боитесь... Боитесь всей литературы послѣ Гоголя, боитесь свѣтской школы, боитесь театра... Свобода совѣсти для васъ невыносима... Все же, вы совѣтуете обращаться въ затруднительныхъ вопросахъ жизни къ совѣсти... Что же должна говорить совѣсть тѣхъ, у которыхъ жизнь не отняла еще чуткости къ правдѣ? Много ли святой правды видитъ семинаристъ вокругъ себя?“

„Принудительная, по звонку, молитва,“ изученіе библіи — въ видѣ повинности чернорizцы, жаждущіе епископской кафедры, — въ роли руководителей школярами — вотъ обстановка школъ. Да и само управленіе церковью — сплошное лицемѣріе. „Вѣдь не тайна, что „святая церковь“ обратилась въ министерство, которое пытается жизнь духа направлять канцелярскими циркулярами,... что Владиміръ Московскій купилъ митрополію, что ярославская епископія продавалась чуть не съ публичнаго торга“...

„Что должна, наконецъ, говорить совѣсть о „благовѣрномъ“ государѣ, ханѣ манджурскомъ, благочестіе котораго такъ усердно демонстрируется генераломъ Богдановичемъ? Не гнусное ли лицемѣріе провозглашать Нику миротворцемъ за Гагскую конференцію мира, когда онъ не *хотѣлъ* отдать *на рѣшеніе* ея спора Россіи съ Японіей... Или объ этомъ истиннымъ христіанамъ не полагается разсуждать, такъ какъ религія любви повелѣваетъ идти съ радостью умирать за „вѣру, царя и отечество“? Какая горькая иронія звучитъ въ этихъ словахъ! Церковь... служитъ знатнымъ и богатымъ... Въ Россіи такъ часто за послѣднее время совершается избіеніе неповинной толпы, и ни одинъ пастырь не возвысилъ своего голоса на защиту поруганныхъ человѣческихъ правъ, не остановилъ ни одного выстрѣла противъ „труждающихся и обремененныхъ“...

„Легко и просто, до наивности просто, рѣшили вы соціальный вопросъ, сказавъ, что это все дѣло евреевъ... Вы говорите о вашемъ (духовнаго вѣдомства) могущественномъ значеніи въ государствѣ, и вы же не можете скрыть своей боязни, своего трепета! Я понимаю васъ: вы вѣрили въ ваше духовное вѣдомство, какъ въ крѣпость реакціи, вѣрили, что это надежный фундаментъ *великаго зданія насилія.* И вотъ это-то зданіе, эта цитадель разрушается. Разрушается и ваша вѣра, и вы дрожите. Я понимаю васъ: вамъ должно быть страшно.

И вотъ иронія грядущей жизни. Вы сказали рѣчь, *желая* укрѣпить эту крѣпость, и вы же пошатнули ее. Вы заставили юношей позадуматься надъ тѣмъ, надъ чѣмъ рано или поздно, какъ справедливо говорили вы, они должны *будутъ* позадуматься. Вы ускорили это и тѣмъ ускоряете вашу гибель. Въ вашей рѣчи сказались страхъ и смятеніе.

Гибнетъ, все гибнетъ... Гибнутъ ложь и насиліе, гибнетъ ваша вѣра въ неприступность вашихъ твердынь... Вамъ страшно... и въ этомъ, генералъ, вы правы“.

Письмо произвело должное впечатлѣніе на семинаристовъ, у которыхъ прошелъ страхъ предъ прокламаціями. Письмо читалось всѣми, даже первоклассниками, никто уже не думалъ относить его къ инспектору. — Въ первыхъ числахъ марта семинарія заволновалась. Началось дѣло съ того, что съ ужина страшнымъ крикомъ и свистомъ выгнали инспектора и его помощника. На другой день съ урока выгнали одного учителя и опять освистали помощника инспектора. Когда вечеромъ открылось педагогическое собраніе для обсужденія вопроса объ увольненіи нѣкоторыхъ воспитанниковъ, надъ *комнатой правленія* собралась вся семинарія, крикомъ и ревомъ протестуя противъ предполагавшагося увольненія. На третій день, въ шесть часовъ вечера, ректоръ рѣшился говорить съ семинаристами, выслушать ихъ требованія. Сходка открылась изгнаніемъ инспекціи. Ректору указывали, что въ семинаріи развито шпіонство, благодаря которому инспекція освѣдомлена о всемъ, что дѣлается въ семинаріи, говорили, что учитель *практическаго* руководства для пастырей (попъ) на урокахъ разсказываетъ только анекдоты (порой двусмысленные), совершенно не занимаясь дѣломъ, — что учитель нравственнаго богословія издѣвается надъ семинаристами, — называетъ ихъ кобелями и проч. Порядка на сходкѣ не было никакого, была страшная толкотня, говорили и кричали нѣсколько человѣкъ сразу, перебивали другъ друга, *говорили безъ заранѣе* обдуманнаго плана, говорили то, что кому вздумается или припомнится въ данную минуту, обращали вниманіе на мелочи, упуская изъ виду болѣе крупное. Со сходки ректора проводили съ такимъ свистомъ и гиканьемъ, что выбѣжали *изъ подваловъ всѣ семинарскіе* служители. Ректоръ, мечтая только о епископской митрѣ, постарался прежде всего выгородить себя. Начали обсуждать случившееся. Дали знать ревизору, который и поспѣшилъ снова пріѣхать въ Смоленскъ. На этотъ разъ *его превосходительство велъ себя* гораздо скромнѣе и отъ рѣчей *воздержался*. Пока дѣло ничѣмъ не кончилось. Можно только съ увѣренностью сказать, что самой сути дѣла — причинъ волненій, которыя скрыты въ строѣ учебнаго *заведенія, касаться не будутъ*. Семинарскому начальству дорого не исправленіе, не коренная реформа, а благовидная ложь, которая какъ можно ближе подходила бы къ правдѣ, но все таки не была бы самой правдой.

Петербургъ. 28 апрѣля въ петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсмотрѣно дѣло Е. В. Аничкова (проф.) и А. В. Борманъ (переводчица) по обвиненію въ храненіи и распространеніи нелегальной литературы (252 ст.). Аничковъ и Борманъ были арестованы въ половинѣ *ноября* прошлаго года на ст. Бѣлоостровъ Финл. ж. д. съ транспортомъ „Освобожденія“. Палата, признавъ обвиняемыхъ виновными, приговорила ихъ: Аничкова — къ заключенію въ *арестантскія роты* на 2½ года съ лишеніемъ особыхъ правъ. Борманъ — къ заключенію *въ тюрьмѣ* на 2½ года, также съ лишеніемъ особыхъ правъ.

Въ *Елизаветполѣ* арестованъ присяж. повѣрен. петербург. округа Н. Д. Соколовъ, поѣхавшій на защиту по армянскому дѣлу. Это — тотъ самый Н. Д. *Соколовъ, который* уже былъ арестованъ въ Кишиневѣ за слишкомъ энергичную, по мнѣнію Плеве, защиту жертвъ кишиневскаго погрома.

Слухъ ходитъ въ Петербургѣ, что въ Сибири повѣшенъ Левинтонъ (?) за рѣчь, обращенную къ солдатамъ.

Петербургъ. Вчера мы праздновали маевку. Человѣкъ около 100 одного района отправились за городъ въ лѣсъ, гдѣ надъ ними развѣвалось красное знамя, и нѣсколько ораторовъ произнесли (нельзя сказать чтобы очень блестяще) рѣчи, въ которыхъ выяснилось не только значеніе *перваго мая, но и роль* социальдемократіи, ея программа и настоящее положеніе рабочаго класса въ Россіи и на Западѣ. Говорили о войнѣ и очень подробно разсматривали ее со всѣхъ сторонъ. Говорили еще объ историческихъ взглядахъ Маркса и о роли IV сословія по „Программѣ работниковъ“ Лассаля и прочли описаніе Якутской драмы. Свойственная россійскимъ ораторамъ тяжеловѣсность рѣчей утомила публику, но послѣдняя очень оживилась, когда рѣчь зашла о томъ, чтобы отправиться въ одинъ изъ театровъ для того, чтобы разбросать тамъ прокламаціи. При пѣніи соотвѣтственныхъ пѣсенъ публика разошлась, чтобы собраться въ театрѣ. Прокламацій было разбросано и разсовано по карманамъ не очень много, но вполнѣ удачно: не арестовали никого, кромѣ одного, совсѣмъ посторонняго лица. Много и не хотѣли разбрасывать, ибо публика была „архи-подлая“: масса сыщиковъ, полиціи, остальные — больше все мелкіе лавочники. Полицейскіе, очевидно, были вполнѣ подготовлены къ празднику перваго мая, кулаки ихъ такъ и просили работы — да поставили ихъ неудачно. Отрядъ конныхъ ждалъ почтеннѣйшую публику у входа. Какой-то шпикъ попробовалъ потребовать прокламацію у схватившаго ее рабочаго, но тотъ прикрикнулъ на него съ такимъ боевымъ видомъ, что шпикъ поскорѣе ретировался. Раньше думали устроить разброску прокламацій по всѣмъ театрамъ, но передъ первымъ мая была взята типографія, 9000 прокламацій, отпечатанныхъ комитетомъ (редакціи „Искры“, первомайская), и 8 пудовъ литературы. Майскія же прокламаціи Ц. К. пришли благополучно и также благополучно распространены. Въ другихъ районахъ также состоялись собранія по 30 человѣкъ и болѣе — до 80-100. На одномъ изъ заводовъ была сдѣлана попытка устроить демонстрацію. Разсчитывали на 1000 человѣкъ (всего на заводѣ 5000), но полиція предупредила демонстрантовъ.

Кубанская область. Жандармы продолжаютъ проявлять въ Екатринодарѣ усиленную дѣятельность. Въ ночь на 16 апрѣля арестовали библіотекаря Пушкинской библіотеки В. Попова по обвиненію въ томъ, что онъ участвовалъ въ встрѣчѣ новаго года вмѣстѣ съ рабочими. Непосредственнымъ поводомъ ареста, кажется, послужилъ тотъ фактъ, что библіотекарь наканунѣ ареста побрился, жандармскій же полковникъ Соколовъ въ по слѣднее время сталъ относиться подозрительно ко всѣмъ бритымъ. Дѣло въ томъ, что на прошлой недѣлѣ въ Екатеринодарѣ произошелъ слѣдующій казусъ. На вокзалѣ была получена посылка съ типографскими принадлежностями. За полученіемъ ея явился молодой человѣкъ и, передавъ накладную артельщику и извозчику, поручилъ доставить ящикъ по указанному адресу. Какъ только извозчикъ предъявилъ накладную въ товарной конторѣ, тотчасъ дано было знать объ этомъ по телефону полиціи и жандармамъ. Посылку, наконецъ, выдали и извозчикъ поѣхалъ на указанную квартиру подъ конвоемъ шпіоновъ. Конечно, молодой человѣкъ, увидѣвъ такую процессію, не пожелалъ принять посылку и благополучно уѣхалъ изъ Екатеринодара. Послѣ этого случая подполковникъ Соколовъ на всѣхъ бритыхъ поглядывалъ подозрительно. Кромѣ библіотекаря, тогда же арестованы въ Екатеринодарѣ рабочіе Чечуга, грузинъ рабочій (фамилія неизвѣстна) и А. Щербининъ.

Всѣ аресты въ Екатеринодарѣ вызваны доносомъ портного Горлова-отца, котораго жандармы запугиваютъ на допросахъ. Относительно одного рабочаго грузина Горловъ самъ признался, что онъ его выдалъ. Кромѣ грузина, по желанію жандармовъ, Горловъ запуталъ въ дѣло и массу другихъ лицъ, совершенно непричастныхъ къ Екатеринодарской организаціи. Жандармы по желанію выжимаютъ изъ Горлова все, что имъ нужно для созданія дѣла. Горя желаніемъ отомстить на внутреннемъ врагѣ пораженія, претерпѣваемыя самодержавіемъ и военщиной отъ японцевъ, жандармскіе патріоты и шпіоны пускаются на всевозможныя провинціальныя хитрости. Подсылаютъ къ интеллигентамъ будто бы пріѣзжихъ рабочихъ съ просьбой отъ имени подозрѣваемыхъ снабдить ихъ нелегальными книгами, стараются натравить рабочихъ на интеллигенцію, распуская всевозможные слухи и пр. Шпіоны, почувствовавъ, что они въ настоящее патріотическое время сила — пишутъ угрожающія письма, выманиваютъ деньги и, вообще, ведутъ себя нахально, правда только съ женщинами.

Недавно организованный въ Кубанской области соціальдемократическій комитетъ началъ проявлять въ послѣднее время болѣе широкую дѣятельность. Комитетъ ставитъ себѣ задачей объединить и организовать рабочихъ такихъ центровъ, какъ ст. Тихорѣцкая, Армавиръ, Екатеринодаръ, Новороссійскъ, станица Кавказская и др. Благодаря экономическимъ особенностямъ Кубанской области, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и мелкихъ арендаторовъ, крестьянъ-переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ, страшно эксплуатируемыхъ существующимъ строемъ, Комитетъ можетъ найти здѣсь благодарную почву для широкой пропаганды и агитаціи. Кромѣ того, и среди казаковъ растетъ за послѣдне время недовольство, — правда, мало еще сознательное.

Этой темы мы коснемся въ спеціальной корреспонденціи. Кромѣ пропаганды среди рабочихъ комитетъ пока ограничивается распространеніемъ прокламацій „Искры“. Такъ, на прошлой недѣлѣ уже послѣ бывшихъ въ Екатеринодарѣ арестовъ организованными рабочими распространены по заводамъ и мастерскимъ Екатеринодара болѣе 500 экземп. „Война противъ Войны“, 300 въ Новороссійскѣ и 400 экземпляровъ въ другихъ рабочихъ центрахъ. Передъ первымъ мая распространено болѣе 1500 экземпляровъ майскихъ прокламацій.

Армавиръ. (Кубанской области). Кубанскій комитетъ Р. С. Д. Р. П. распространилъ здѣсь въ ночь на 27 и 28 апрѣля печатныя прокламаціи (140 экз.) двухъ родовъ: первомайскія и „Война противъ войны“. Прокламаціи были разбросаны въ незапечатанныхъ конвертахъ во дворы преимущественно неимущей части населенія и, очевидно, попали въ надлежащія руки. На другой же день по Армавиру стали циркулировать слухи о появленіи прокламацій, о готовящемся на первое мая „бунтѣ“ и пр. Въ слѣдующую же ночь переодѣтые городовые рыскали по улицамъ, отыскивая совѣщанія по поводу празднованія перваго мая, хотя въ прокламаціяхъ ни къ какой демонстраціи рабочіе не призывались. Смятеніе армавирскихъ властей было значительное.

Атаманъ отдѣла Воронянскій, типичный маленькій помпадуръ-самодержецъ, феноменальная глупость котораго начинаетъ входить въ Армовирѣ въ пословицу, усиленно волновался и принималъ несуразныя мѣры противъ „готовящагося бунта“. Чудовищные слухи и толки ходили въ городѣ. Стали поговаривать о погромѣ армянъ. Можно было опасаться погрома, тѣмъ болѣе, что организованныхъ рабочихъ, которые смогли противопоставить погрому противоправительственную демонстрацію, въ Армавирѣ нѣтъ, а взаимная вражда армянскаго и русскаго населенія существуетъ уже давно и погромъ армянъ уже имѣлъ мѣсто въ Армавирѣ въ прошлогоднюю Пасху. Къ несчастью въ эти же тревожные для Армавира дни повѣсилась, по неизвѣстнымъ причинамъ, русская дѣвушка — швейка Пелагея Кузнецова и, такъ какъ она жила въ армянской семьѣ, то слухи стали обвинять „армянъ“ въ повѣшеніи ея. Наканунѣ перваго мая толпа чел. въ 200, преимущественно рабочихъ завода Мисажникова, явилась въ ограду церкви, гдѣ находился трупъ самоубійцы, и заявила что не допуститъ хоронить Кузнецову, такъ какъ ее повѣсили. Явился атаманъ отдѣла и потомъ товарищъ прокурора, но всѣ ихъ доводы не привели ни къ чему. Когда прокуроръ прочелъ протоколъ осмотра трупа врачемъ отдѣла, то толпа отвѣтила, что она этому не вѣритъ, такъ какъ врачъ можетъ быть подкупленъ и потребовала вскрытія другимъ врачемъ, котораго укажетъ она. Власти пошли на встрѣчу требованіямъ толпы, опасаясь повторенія золотовской исторіи. Въ тотъ же день двумя врачами въ присутсвіи судебнаго слѣдователя и товарища прокурора прозведено было вскрытіе трупа во дворѣ волостного правленія, гдѣ присутствовала толпа человѣкъ въ сто. Нѣсколько рабочихъ, относясь вполнѣ сознательно къ вскрытію, все время задавали врачамъ вопросы, требуя разъясненій непонятныхъ имъ явленій, — о причинахъ появленія трупныхъ пятенъ, о возможности отличія ихъ отъ прижизненныхъ кровоподтековъ, входили въ споръ съ врачами по многимъ вопросамъ. Врачи предупредительно давали объясненія. Прокуроръ и судебный слѣдователь были также очень предупредительны и любезны съ толпой. Интересно, что рабочіе не просили, а вѣжливо, но настойчиво требовали разъясненій. Толпа держала себя очень серьезно, она какъ бы сознавала важность момента и находилась въ напряженномъ ожиданіи. Благодаря результатамъ вскрытія, толки объ убійствѣ какъ будто прекратились.

Власти подъ первое мая устроили военный совѣтъ, а перваго мая войска были готовы къ „бою“. Но первое мая прошло спокойно. Такой исходъ, при наличности цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, надо считать наилучшимъ. Толки о прокламаціяхъ не прекращаются. Броженіе идетъ. Требуется усиленная работа.

Тифлисъ. Тифлисскіе рабочіе 4 апрѣля хоронили умершаго товарища. День былъ пасмурный съ утра, а къ полудню падающій снѣгъ сдѣлалъ улицы невылазно грязными, но это не помѣшало рабочимъ, въ числѣ около пятисотъ, идти за гробомъ до далекаго кладбища. Ни полиціи, ни солдатъ почему-то не было... Настроеніе толпы вначалѣ мало чѣмъ отличалось отъ погоды, но тѣмъ отраднѣе вспоминать бодрыя и радостныя лица возвращавшихся съ похоронъ. Таково было вліяніе произнесенныхъ тамъ рѣчей на груз., армян. и русскомъ языкахъ. Великая картина предстала глазамъ: сотни тружениковъ, затая дыханіе, прислушиваются къ словамъ оратора, тѣснымъ кольцомъ обступивъ могилу. Всѣ ораторы были рабочіе. Жадно внимала толпа оратору, закончившему рѣчь надеждой на свѣтлую будущность рабочаго класса. А густой, тающій снѣгъ быстро падалъ съ туманнаго неба и тусклыми каплями дрожалъ на мозолистыхъ рукахъ, угрожающе поднятыхъ надъ головами; побѣдно звучалъ въ сыромъ воздухѣ въ отвѣтъ оратору единодушный кличъ толпы „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ свобода“. Привожу по возможности точно сказанное на русскомъ языкѣ: „Товарищи! не странно ли вамъ кажется, что, собравшись хоронить товарища, мы такъ мало говоримъ объ умершемъ и такъ много о безправномъ положеніе угнетенныхъ рабочихъ, о возможности выхода изъ этого положенія, о партіи соціальдемократовъ, взявшей на себя великую задачу, задачу завоеванія лучшей доли для рабочаго класса? Нѣтъ, товарищи, это не странно и не можетъ казаться страннымъ. Проклятый самодержавный строй обставилъ рабочій классъ Россіи такими каторжными условіями, что для того, чтобы услышать истину, мы принуждены отыскивать самые укромные уголки, ловить случайные моменты и, пользуясь ими, обмѣниваться мыслью и объединяться. Но какъ рѣдки могутъ быть такіе случаи! Пробуждающійся пролетаріатъ прорывается — гдѣ можно, силой, хитростью и хоть одно мгновеніе его разбитая напряженнымъ трудомъ грудь вздыхаетъ свободно и онъ внимаетъ вольному слову. Товарищи! Вы видите съ какимъ трудомъ, пока мы слабы, дается намъ возможность свободной рѣчи передъ болѣе или менѣе крупнымъ собраніемъ. Вы знаете, какъ расправляется „охранное отдѣленіе“ съ нашими борцами, осмѣлившимися заговорить о лучшей участи рабочаго. Помните же, что сказанное здѣсь вашими товарищами нельзя, придя домой, забыть, что все слышанное нужно, какъ лучшіе завѣты души, влагать въ жизнь и завѣщать другимъ. Взгляните, какъ много насъ здѣсь, а мы лишь маленькій отрядъ великой арміи, которая — и не далекъ ужъ тотъ день — сотретъ съ лица земли самодержавный строй, умѣющій лишь затѣвать войны, ненужныя и гибельныя для трудящихся массъ. Поклянитесь прахомъ товарища, безвременно погибшаго отъ каторжныхъ условій жизни, жизни одинаково тяжелой для всѣхъ рабочихъ, поклянитесь, что вы замѣните эти руки, когда то не разъ высоко надъ толпой державшія знамя правды и добра, красное знамя соціализма! Клянитесь, товарищи! и ваша клятва уже есть погибель для гнетущаго насъ самодержавія и шагъ впередъ къ завѣтной политической свободѣ!“

Рабочій.

Тифлисъ. Приводимъ разсказъ очевидца о кровавой рѣзнѣ 11 апрѣля. „Задолго до отхода поѣзда съ высылаемыми изъ предѣловъ Кавказа товарищами, три обширныхъ вокзальныхъ зала были биткомъ набиты рабочими. Когда открыли дверь на платформу, всѣ высыпали туда. На вокзалѣ шатались полиціймейстеръ, начальникъ охраны и еще нѣсколько оберъ-жандармовъ. Передъ вагонами стояли желѣзнодорожные жандармы. Раздался второй звонокъ. Возгласы „Долой самодержавіе!“ „Прощайте, товарищи!“ „До свиданія!“ заглушили звонокъ. Гулъ этихъ криковъ огромной толпы все нарасталъ и становился гуще и торжественнѣй. Наконецъ, грянуло могучее „ура“; тогда полиціймейстеръ бросился въ толпу, а за нимъ два взвода жандармовъ съ обнаженными шашками. На платформу въѣхали казаки, и прибѣжала полиція, спрятанная за вокзаломъ. Надъ головами толпы замелькали сабли, послышались вопли и отчаянные крики растерявшихся отъ неожиданности. Безоружная толпа попала въ западню: не было свободнаго выхода, кругомъ озвѣрѣвшіе палачи съ обнаженными саблями. Но рабочіе не пали духомъ: не прекращались проклятія самодержавію, и „ура“ смолкло не прежде, чѣмъ поѣздъ унесъ дорогихъ товарищей. На всемъ пути до пригородной станціи Навтлугъ встрѣчались группы рабочихъ, привѣтствовавшихъ товарищей криками: „Долой самодержавіе!“ Около арсенала остановилась даже похоронная процессія (хоронили, видимо, рабочаго) и долго, махая шапками и платками, провожала поѣздъ.

Раны, полученныя въ этой бойнѣ, всѣ, безъ исключенія, нанесены сзади. Жандармы рубили отступавшихъ, а такъ какъ, къ тому же, отступавшіе не оказывали сопротивленія, то, очевидно, примѣнять оружія не было никакой необходимости. Со стороны полиціи не было сдѣлано даже попытки предупредить безоружную толпу, что въ дѣло будетъ пущено оружіе. Преступленіе было заранѣе подготовлено. Толпѣ провожавшихъ безпрепятственно дали собраться на платформѣ. Казаки и полиція были спрятаны отъ взоровъ толпы, чтобы заманить ее на платформу въ возможно большемъ числѣ. Но когда шайка жандармовъ подъ предводительствомъ полиціймейстра Ковалева и другихъ набросились на толпу, двери во внутреннія помѣщенія вокзала и вагонныя дверцы были замкнуты, а съ двухъ свободныхъ концовъ платформы стояла вооруженная охрана.

Приводимъ изъ числа тридцати раненыхъ имена десяти, получившихъ тяжелыя поврежденія. 1) Голушковъ Николай, слесарь — рѣзанная рана на головѣ; 2) Ворминовъ Николай, 21 г. — прорублено плечо и перерублена ключица; 3) Сулашвили Іосифъ, 19 лѣтъ; 4) Кузановъ Александръ 17 лѣтъ, гимназистъ, — отхвачена часть височной кости; 5) Атомянцъ Арсен.; 6) Тевсадзе Порфирій, 23 лѣтъ; 7) Теръ-Мантсузовъ Арт.; 8) Ахметеловъ Захарій 15 лѣтъ; 9) Іосанъ-Рафи-Оглы, 30 лѣтъ — прорублена шея до позвонковъ; 10) Мнацаканянцъ Іосифъ. Всѣ десять человѣкъ находятся въ лазаретѣ.

Въ тотъ же день, 11 апрѣля, совершено въ городѣ еще одно гнусное преступленіе. Обстоятельства дѣла несложны. Вечеромъ возвращался домой съ своей бабушкой гимназистъ четвертаго класса Красновъ. Шедшій на встрѣчу имъ юнкеръ-казакъ остановилъ мальчика и нанесъ ему двѣ тяжелыхъ раны. Раненаго, едва живого, отправили въ городскую больницу, а убійца на вопросъ случайныхъ свидѣтелей расправы, почему онъ убилъ невиннаго ребенка, отвѣтилъ, что объяснитъ причину полиціи. Въ участкѣ онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что въ день пасхи видѣлъ, какъ гимназистъ распространялъ въ Квашветской Георгіевской церкви прокламаціи мѣстнаго комитета, и потому счелъ своимъ долгомъ передъ престоломъ пресѣчь крамолу личными средствами. Одновременность преступленія съ вокзальной рѣзней позволяетъ усмотрѣть между ними связь болѣе глубокую: „начальство поощряетъ!“, и льется невинная кровь во имя озвѣрѣвшаго правительства.

Ко всему сказанному прибавимъ, что въ городѣ идутъ непрерывные аресты и обыски. О нихъ — въ слѣдующемъ письмѣ.

Житомиръ. Пораженія царскаго правительства на Дальнемъ Востокѣ время отъ времени вознаграждаются „побѣдами“ надъ „внутреннимъ врагомъ“. Призракъ перваго мая поставилъ на ноги всю полицію, и еще задолго до нашего пролетарскаго праздника въ городѣ началась необыкновенная слѣжка. Улицы буквально кишатъ шпіонами и жандармами, которые нахально и безцеремонно преслѣдуютъ каждаго, кто хоть чѣмъ нибудь замѣченъ, или просто видомъ своимъ производитъ впечатлѣніе „неблагонадежнаго“. Наглость шпіоновъ доходитъ до того, что они, подъ разными предлогами, нахально врываются въ дома „заподозрѣнныхъ“ лицъ, или часами стоятъ подъ окнами, нисколько не стѣсняясь, что ихъ замѣчаютъ. Число городовыхъ на постахъ вездѣ удвоено. Масса полиціи разгуливаетъ по главнымъ улицамъ и на бульварахъ. Такъ царскіе опричники готовятся къ первому мая. Понятно, что однимъ наблюденіемъ они довольствоваться не могутъ, и въ ночь на 27 апрѣля совершили новый набѣгъ. Два дня полиція шарила по всему городу. Обыски производились днемъ и ночью. Хватали на улицахъ, врывались въ квартиры. Несмотря на это, 30 апрѣля ночью весьма удачно были распространены въ большомъ количествѣ первомайскія прокламаціи Центральнаго Комитета, „Пролетарскій праздникъ“ Мартова и листокъ мѣстной группы „Къ первому мая“.

Томскъ. Несмотря на огромный провалъ въ Томскѣ и Иркутскѣ въ Томскѣ взята союзная типографія, 16 пудовъ шрифта и 5000 экземпляровъ немного не доконченной брошюры Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ“. Завѣдующій успѣлъ бѣжать, 18 апрѣля было поддержано двумя прокламаціями №№ 23 и 24, распространенными по всему нашему району и прекрасно исполненными технически. Полиція, повидимому, окончательно растерялась. Вотъ уже двѣ большія типографіи Сиб. Союза были разрушены ею, а въ Иркутскѣ при послѣднемъ набѣгѣ взято много типографскихъ принадлежностей. Однако, нынѣшнее первое мая улицы сибирскихъ городовъ попрежнему были полны прокламацій, исполненныхъ лучше, чѣмъ когда либо.

Въ нынѣшнемъ году ничего не ожидалось. Въ Томскѣ 18 апрѣля прошло тихо. Публика боялась выходить на улицу. Казаки и солдаты были спрятаны подъ соборомъ и въ другихъ мѣстахъ. Нѣсколько человѣкъ засажены по участкамъ. Отъ Томскаго Комитета вышелъ майскій листокъ № 48, напечатанный въ союзной типографіи.

Изъ другихъ городовъ извѣстій пока не получено.

Наши соц.-революціонеры послѣ упорнаго годового молчанія разразились 18 апрѣля длиннѣйшимъ (и скучнѣйшимъ) листкомъ „По поводу войны съ Японіей“[1]). Сіе произведеніе нашихъ соціаль-реакціонеровъ доказываетъ только то, что авторъ прекрасной статьи: „Двуликая демократія“ (№ 35 „Искры“) былъ тысячу разъ правъ. Огромными шагами, такъ называемая, партія шествуетъ въ сторону идей „Освобожденія“. Листокъ полонъ водяными разсужденіями о войнѣ. О соціализмѣ (и даже терроризмѣ) здѣсь нѣтъ ужъ и рѣчи. Но за то отъ этихъ пространныхъ разсужденій сильно попахиваетъ... чисто русскимъ патріотизмомъ. Тутъ всего много: и о томъ, чья мина взорвалась подъ „Петропавловскомъ“, и о способностяхъ утопленнаго Макарова, и о геройствѣ русскихъ офицеровъ, глубокая скорбь о погибели геніальнаго адмирала и т. п. Радикальный обыватель, — и тотъ, читая сіе длинное произведеніе, зѣваетъ и говоритъ: „да вѣдь это же всякому извѣстно изъ газетъ“... Ну что-жъ? Скатертью дорога, гг. реакціонеры... Васъ ждутъ жаркія объятія раскаявшагося „марксиста“.

Архангельскъ. (Изъ ссылки). Въ февралѣ и въ мартѣ въ средѣ здѣшнихъ „политиковъ“ произошли слѣдующіе два инцидента.

1) товарищамъ, служащимъ въ казенной палатѣ, было объявлено администраціей палаты объ обязательномъ отчисленіи на нужды флота 2 % жалованья. Когда это заявленіе встрѣтило нѣкоторый протестъ съ ихъ стороны, завѣдующій палатой предложилъ имъ, „во избѣжаніе скандала“, такое же отчисленіе дѣлать не на нужды флота, а въ пользу Кр. Креста („семьямъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ“). Послѣднее предложеніе всѣми десятью товарищами было принято и отчисленіе сдѣлали.

2) Въ мартѣ одинъ изъ товарищей получилъ приглашеніе занять мѣсто врача въ санитарномъ отрядѣ, организованномъ харьковскимъ земствомъ для отправленія на дальній Востокъ. Это предложеніе товарищъ принялъ, отстранивъ лишь отъ себя всякую активную роль, т. е. отказавшись подать заявленіе отъ себя лично и предоставивъ земству самому хлопотать о назначеніи его на эту должность.

По поводу этихъ двухъ фактовъ состоялось собраніе политическихъ ссыльныхъ г. Архангельска. Собраніе большинствомъ 23 голосовъ противъ десяти при 13 воздержавшихся приняло слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе, что:

1) Затѣянная царскимъ правительствомъ манчжурская авантюра идетъ въ разрѣзъ съ интересами россійскихъ трудящихся массъ и имѣетъ цѣлью задержать ростъ политическаго сознанія во всѣхъ слояхъ населенія Россіи.

2) Всякая помощь правительству, хотя бы направленная на облегченіе ужасовъ войны (Кр. Крестъ, зем. санит. отр. и пр.) поддерживаетъ матерьяльно и нравственно силу правительства, прикрываетъ его полную беззаботность о благѣ народа и, такимъ образомъ, является вредной для дѣла политическаго освобожденія Россіи,

3) такая помощь со стороны революціонеровъ и даже оппозиціонеровъ затемняетъ въ глазахъ полусознательной части общества истинный смыслъ Русско-Японской войны, окружая ее чуждымъ ей ореоломъ общественнаго дѣла и 4) всякій, кому дорого политическое освобожденіе Россіи, обязанъ разоблачать истинный смыслъ русско-японской войны — мы, политическіе ссыльные г. Архангельска, безъ различія партій[2]), выражаемъ глубокое сожалѣніе, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей упустили случай подчеркнуть анти-народный характеръ русско-японской войны и тѣмъ совершили поступокъ, расходящійся съ интересами политическаго освобожденія Россіи.

Въ мѣстной тюрьмѣ въ одиночн. закл. находятся сейчасъ слѣдующія лица: 1) Шиловскій, бѣж. отсюда и вновь пойманный. 2) Проколовъ, раб. изъ Златоуста. Въ ноябрѣ 1903 г. былъ этапомъ отправленъ въ Ижму (зырянское село на р. Ижмѣ), а мѣсяца два тому назадъ, по распоряженію уфимскаго губернатора, арестованъ и привезенъ сюда въ тюрьму. Свиданій и передачи не допускаютъ, можно передавать, и то съ трудомъ, только деньги. 3) К. И Покровскій. Арестованный здѣсь (полит. ссыльный). Свиданій тоже не даютъ. — Вообще, условія жизни въ одиночныхъ камерахъ въ здѣшней тюрьмѣ плохи; между прочимъ, оконъ въ нихъ нѣтъ, а свѣтъ проходитъ изъ корридора. Съ послѣднимъ этапомъ пришло 30 человѣкъ. Всѣхъ ихъ разсылаютъ по уѣздамъ, и, вообще, замѣчается тенденція послѣднее время разсылать по деревнямъ и селамъ въ глухія мѣста — по одному, по два человѣка. Говорятъ, что сюда назначено еще 200 чел., изъ которыхъ 67 сидятъ въ Московской пересыльной тюрьмѣ. — Н. Ф. Насимовичъ, по прежнему, сидитъ въ темномъ карцерѣ, и смотрятъ за нимъ самымъ тщательнымъ образомъ.

17 го апрѣля въ часъ дня полит. ссыльн. М. А. Дулина (бывшая слуш. курсовъ Лесгафта) была вызвана въ полицію, а во время ея отсутствія у нея былъ произведенъ обыскъ, къ концу котораго ее привезли домой. Взяли у нея только одну картину съ подписью „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, изд. „Vorwärts“.

18-го апрѣля въ 11 часовъ вечера полиція вмѣстѣ съ жандармеріей, въ количествѣ чел. 15, нагрянули къ М. А. Смирновой (за короткое время уже третій разъ). М. А. Смирнова, возвращавшаяся домой, столкнулась съ этой компаніей у дверей и на требованіе открыть двери отвѣчала отказомъ, такъ какъ предписанія объ обыскѣ ей не предъявили. Жандармы тогда выломали дверь и произвели обыскъ (часа три-четыре). Нашли такую же картину, да взяли порошки финацетина (какъ и у Дулиной), считая ихъ, вѣроятно, новымъ взрывчатымъ веществомъ. Кромѣ этого, какъ вещественное доказательство, взяли деревянную чашку, стоявшую на дворѣ подъ окномъ, въ которую бросали изъ форточки окурки и соръ; въ протоколъ занесли, что въ ней нашли жженую бумагу. Рыскали также по всему двору, но ничего не нашли.

18 го апрѣля вышли двѣ прокламаціи (гектографированныхъ): 1) за подписью ссыльныхъ дальняго сѣвера; 2) группы сознательныхъ рабочихъ. — Составлены не блестяще, распространялись очень неумѣло, хотя, кажется, никто не попался. — Одинъ экземпляръ попалъ въ руки здѣшняго лѣсопильнаго заводчика Шольца, который немедленно отвезъ его губернатору.

Въ Пинегѣ полит. ссыльные выпустили прокламацію по поводу войны, которую жители встрѣтили довольно недружелюбно и, какъ говорятъ, хотѣли даже бить политиковъ и нѣкоторымъ отказали отъ квартиры. А здѣшній жандармскій полковникъ въ разговорѣ съ однимъ изъ политиковъ сказалъ, что должны были даже арестовать одного изъ буяновъ, чтобы предотвратить избіеніе ссыльныхъ. Послѣ того политики въ Пинегѣ выпустили вторую прокламацію: „Кто такіе политики, и за что ихъ гонятъ въ ссылку“, за подписью „группа ссыльныхъ“.

Патріоты самодержавія и рабочій вопросъ. „Московскія Вѣдомости“ очень озабочены замѣной китайскихъ рабочихъ въ Приамурьѣ русскими. Причина, побуждающая газету такъ хлопотать о „русскихъ“, та, что съ наступленіемъ политическихъ осложненій — а имъ, благодаря авантюрамъ нашихъ „самовластительныхъ злодѣевъ“, к конца-краю не видно — китайцы массами уходятъ на родину, и тогда не только приходится „останавливать золотые промыслы, всѣ казенныя работы и частныя постройки“, но не откуда бываетъ взять „ни ремесленниковъ, ни прислуги“. Между тѣмъ *для сколько-нибудь правильной жизни* капиталистическаго общества необходимъ непрерывный, ни на минуту не останавливающійся ходъ эксплуатаціи наемныхъ рабовъ. Отсюда заботливость объ „обезпеченіи“ края наемными „руками“, а такое „обезпеченіе“ можетъ дать только русскій народъ, которому некуда „бѣжать“. „Московскія Вѣдомости“ впрочемъ и не скрываютъ, что ихъ „патріотическія мечтанія“ сводятся цѣликомъ къ желанію имѣть всегда подъ рукою рабочій скотъ, не больше, ибо, перечисляя „мнимыя“ выгоды отъ найма китайскихъ рабочихъ и подойдя къ аргументу, что „у китайцевъ нѣтъ стачекъ и мало неповиновенія“, газета — вѣрная выразительница сокровенныхъ думъ россійскаго самодержавія — пишетъ слѣдующія, поразительныя по своему безстыдству, строки: „У китайскихъ подрядчиковъ существуетъ кабала, о которой мы даже и приблизительнаго понятія составить себѣ не можемъ, а между тѣмъ... китайскій рабочій бѣжать до разсчета не можетъ, такъ какъ при поимкѣ подвергается самой жестокой карѣ по закону Линча. Вотъ объясненіе: страхъ наказанія удерживаетъ китайскаго рабочаго отъ нарушенія заключеннаго договора! Слѣдовательно, не русскій рабочій виновенъ въ самовольныхъ уходахъ съ работъ, не онъ является *отвѣтственнымъ* за неповиновеніе, а то законодательство, которое мало принуждаетъ его къ этому повиновенію, которое не даетъ достаточныхъ гарантій къ исполненію наемнаго договора со стороны рабочаго. Измѣнится законодательство, отпадетъ и этотъ доводъ въ пользу преимущества желтолицыхъ рабочихъ передъ русскими.“

---

[1] Исполненный на ремингтонѣ.

[2] Мотивировка резолюціи была предложена соціальдемократами.

Эти строки долженъ прочесть каждый русскій рабочій, ибо нельзя лучше, чѣмъ онѣ это дѣлаютъ, показать истинную цѣну „народолюбію“ патріотовъ самодержавія. Ихъ „патріотизмъ“ состоитъ въ томъ, чтобы не только завидовать той „кабалѣ“, которая существуетъ у китайцевъ и о которой „мы“ будто-бы и „приблизительнаго понятія“ не имѣемъ (вотъ горе-то!), но и требовать измѣненія и безъ того драконовскаго законодательства о стачкахъ въ сторону полнаго простора для „суда Линча“! Кажется, ихъ „патріотическое“ сердце могло бы быть довольно: „судъ Линча“, массовое убійство стачечниковъ, за всѣ послѣдніе годы практиковалось царскимъ правительствомъ съ такимъ усердіемъ, о которомъ, навѣрное, даже китайцы „приблизительнаго понятія“ не имѣютъ. Но этого мало. Россійская „самобытность“ требуетъ, чтобы — для счастья русскаго народа — правительство собрало со всего свѣта все варварство, всю дикость, весь произволъ, всѣ насилія, какія оно до сихъ поръ, по оплошности оставляло безъ вниманія. Тогда только „интересы Россіи“ — Россіи, грабящей, насильничающей, эксплуатирующей — будутъ „обезпечены“ въ достаточной мѣрѣ, и „православіе, самодержавіе и народность“ возсіяютъ въ полномъ блескѣ.

Пусть прочтутъ всѣ русскіе рабочіе эти строки московской газеты, пусть вникнутъ они въ тотъ людоѣдскій смыслъ, который таится въ нихъ, и тогда всѣ поймутъ, чего имъ можно ждать отъ самодержавной Россіи, и какъ безсмысленны мечты о возможности для рабочаго класса хоть сколько-нибудь обезпечить свои интересы, завоевать хоть сколько-нибудь прочную свободу союзовъ и стачекъ, не раздѣлавшись самымъ радикальнымъ образомъ съ самодержавнымъ варварствомъ.

Самодержавіе можетъ терпѣть нѣкоторое подобіе, фальсификацію рабочихъ союзовъ, но только до той минуты, когда эти „союзы“ не становятся ему поперекъ дороги; а это случается всякій разъ, какъ рабочіе захотятъ сколько-нибудь серьезно оградить свои интересы, потому что интересы рабочаго класса непримиримо сталкиваются съ интересами самодержавія, живущаго только насиліемъ и угнетеніемъ и потому вынужденнаго поддерживать всякое насиліе и угнетеніе. А лишь только „союзы“ станутъ хотя бы на минуту препятствіемъ для самодержавія, оно не постѣснится расправиться съ ними такимъ „судомъ Линча“, что всѣ китайскіе подрядчики съ зависти лопнутъ!

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Ростъ профессіональныхъ рабочихъ организацій въ Германіи.

Изъ опубликованнаго на дняхъ отчета Генеральной Коммиссіи централизованныхъ профессіональныхъ федерацій за 1903 г. видно, какой громадный шагъ впередъ сдѣлали въ отчетномъ году эти организаціи. Какъ извѣстно, профессіональныя организаціи германскихъ рабочихъ существуютъ отдѣльно отъ соціальдемократической партіи, но это не мѣшаетъ имъ сознавать единство преслѣдуемой обоими движеніями цѣли. Это сознаніе спасло германское профессіональное движеніе отъ двухъ крайностей — отъ англійскаго тредъ-юніонизма, не идущаго далѣе вопросовъ, выдвигаемыхъ практикой сегодняшняго дня, и отъ анархизма нѣкоторыхъ французскихъ, голландскихъ и такъ далѣе организацій, мечтающихъ о томъ, чтобы путемъ всеобщей стачки вызвать соціальную революцію. Германскіе профессіональные союзы сразу приняли характеръ боевыхъ организацій, ведущихъ въ опредѣленной области, въ области непосредственной борьбы съ отдѣльными предпринимателями, ту же работу организаціи силъ пролетаріата, развитія и роста его классоваго сознанія, какую на болѣе обширной аренѣ ведетъ соціальдемократическая партія. Если, поэтому, между обѣими организаціями нѣтъ связи формальной, то существуетъ связь личная, такъ какъ почти всѣ члены профессіональныхъ организацій принимаютъ также то или иное участіе въ политическомъ движеніи пролетаріата, и, что еще болѣе важно, связь идейная, такъ какъ оба движенія совершаются подъ руководствомъ тѣхъ же взглядовъ на современное соціальное развитіе и на вытекающія отсюда задачи рабочаго класса. И историческія судьбы также крѣпко связали обѣ организаціи: одни и тѣ же гоненія обрушивались на головы обѣихъ, и побѣды одной становились, благодаря этому, побѣдами другой. Когда исключительный законъ противъ соціалистовъ уничтожилъ политическія организаціи рабочаго класса, онъ разрушилъ также его профессіональные союзы. Но какъ политическая партія успѣла приспособиться къ исключительному закону, такъ приспособились и профессіональные союзы. Когда въ 1890 году палъ соціалистическій законъ, въ Германіи существовало 58 профессіональныхъ федерацій съ 301200 членовъ. Въ періодъ съ 1891 по 1893 годъ, время кризиса, число членовъ нѣсколько уменьшилось, но съ тѣхъ поръ продолжаетъ рости постоянно изъ году въ годъ. Въ 1898 году число членовъ перевалило за $^1/_2$ милліона, въ 1899 г. всѣхъ членовъ было 596419, а въ 1900 г. — уже 690000, т. е. за одинъ годъ число членовъ увеличилось на 100000 рабочихъ, ростъ еще до тѣхъ поръ неслыханный. Однако, 1903 годъ оказался въ этомъ отношеніи еще болѣе счастливымъ: въ концѣ этого года во всѣхъ централизованныхъ федераціяхъ насчитывалось 938776 членовъ, вмѣсто 746225 въ концѣ 1902 г., т. е. увеличеніе на 192551. Конечно, значительны тѣ непосредственныя выгоды, которыя представляютъ эти организаціи своимъ членамъ: тутъ и поддержка безработныхъ, и помощь больнымъ и неспособнымъ къ труду и т. д. Но какъ разъ въ отношеніи стачечной борьбы отчетный годъ оказался не очень счастливымъ. И если, тѣмъ не менѣе, мы видимъ этотъ огромный ростъ организацій, то его надо приписать росту сознанія рабочаго класса, умѣющаго цѣнить боевой характеръ своихъ организацій, являющихся самой надежной его опорой въ борьбѣ съ окружающими его враждебными силами за соціалистическій идеалъ.

Замѣтимъ, что кромѣ централизованныхъ профессіональныхъ федерацій, во главѣ которыхъ стоитъ Генеральная Коммиссія, въ Германіи существуютъ еще профессіональныя организаціи, находящіяся подъ вліяніемъ буржуазіи и придерживающіяся буржуазныхъ взглядовъ на вопросы о борьбѣ труда съ капиталомъ. Таковы Гиршъ-Дункеровскіе союзы, насчитывающіе, несмотря на свое 35-лѣтнее существованіе, около 100000 членовъ, и христіанскіе союзы, руководимые, главнымъ образомъ, католическимъ духовенствомъ и насчитывающіе около 200000 членовъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Рабочіе въ г. Дерптѣ (Юрьевѣ). Въ хроникѣ рабочаго движенія въ Россіи г. Дерптъ не фигурируетъ до сихъ поръ. Въ то время, какъ движеніе охватило почти всѣ захолустья, рабочіе этого стараго нѣмецкаго города остаются пока нетронутыми революціонной пропагандой.

Чѣмъ это объяснить? Развѣ здѣсь нѣтъ эксплуатаціи труда? Развѣ здѣсь нѣтъ классовыхъ противорѣчій? Развѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ патріархальныя? — Посмотримъ!...

Вотъ довольно крупный пивоваренный заводъ „Tivoli“. Здѣсь работа непрерывная, днемъ и ночью; работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ. Рабочіе обязаны жить въ помѣщеніи завода, въ подвалѣ, гдѣ температура зимой не превышаетъ 5°. Понятно, почему между ними такъ широко распространенъ алкоголизмъ. Отлучаться отъ завода рабочіе не имѣютъ права позже 10 часовъ зимой и позже 11 лѣтомъ. Это нарочно, чтобы лишить ихъ возможности посѣщать вечера, собранія, библіотеки. Заработная плата не превышаетъ 50 коп. въ день и то лишь для опытныхъ рабочихъ. Система штрафовъ такъ развита, что не найдете ни одной разсчетной книжки, гдѣ бы не были отмѣчены вычеты.

Фабрика сельскохозяйственныхъ машинъ *Фауре*. Рабочій день 10 часовъ, работникъ въ первый годъ ничего не получаетъ; на второй годъ ему назначается двѣ коп. въ часъ, на третій — 3 коп., а на четвертый — 4 коп. Всѣ рабочіе имѣютъ жалкій видъ, ходятъ оборванные и голодные. Серьезно больные обыкновенно разсчитываются. Такія печальныя условія труда мы наблюдаемъ и на заводахъ дрожжевомъ, мыловаренномъ и лѣсопильномъ. Мелкихъ мастерскихъ съ гнусными видами эксплуатаціи труда безчисленное множество.

Почва для пропаганды значитъ есть, а самой пропаганды нѣтъ. Препятствіе въ томъ, что мѣстные рабочіе не владѣютъ русскимъ языкомъ. Они почти всѣ эстонцы, а на эстонскомъ языкѣ нѣтъ ни пропагандистовъ, ни нелегальной литературы. Мѣстная эстонская интеллигенція не способна вести пропаганду. Она пропитана узко-національными интересами и считаетъ всю Россію и всѣхъ русскихъ своими врагами. Наши предложенія объ организаціи кружковъ изъ русскихъ и эстонцевъ въ цѣляхъ пропаганды встрѣчали здѣсь всегда отпоръ. Опасаются руссификаціи. Часто приходилось спорить съ здѣшними интеллигентами и доказывать имъ, что интересы русскихъ и эстонскихъ рабочихъ одинаковы, что они вмѣстѣ должны бороться съ правительствомъ, и что политическая свобода одинаково необходима для всѣхъ національностей. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ интеллигентной эстонской молодежи изъявили согласіе на учрежденіе революціонныхъ русско-эстонскихъ кружковъ.

До сихъ поръ же мѣстный Союзный Совѣтъ объединенныхъ землячествъ и организацій бралъ на себя пропаганду среди рабочихъ. Но можете себѣ представить всю трудность этого. Приходилось писать прокламаціи на русскомъ языкѣ, потомъ искать переводчика и, наконецъ, *раздавать ихъ рабочимъ прямо на улицѣ по выходѣ изъ фабрикъ.* Такъ были распространены первыя прокламаціи перваго мая 1901 года. Выясняя положеніе рабочихъ вообще въ Россіи и значеніе перваго мая, эти прокламаціи призывали ихъ къ празднованію этого дня. Еще не подготовленные рабочіе, конечно, не могли возвыситься надъ буквальнымъ пониманіемъ празднованія: нѣкоторые изъ нихъ бросили работу въ этотъ день и пошли пьянствовать. Было арестовано нѣсколько рабочихъ, допрашивали ихъ о сношеніяхъ со студентами, объ агитаціи противъ правительства и т. д. Съ тѣхъ поръ стало пробуждаться самосознаніе среди мѣстныхъ рабочихъ; они съ нетерпѣніемъ ждали послѣ этого новыхъ прокламацій и съ жадностью хватали ихъ изъ рукъ во второй и третій разъ (6 ноября 1901 года и 18 апрѣля 1903 года). Повторяю, почва для пропаганды есть, а самой пропаганды все еще нѣтъ.

Денъ.

Тифлисъ. Перваго января телеграфъ принесъ поздравленіе министра путей сообщенія: „Мною получена, пишетъ начальникъ зак. дор. въ „Вѣстникѣ“, телеграмма отъ Его Сіятельства слѣдующаго содержанія: Благодарю Васъ и служащихъ за привѣтъ по случаю новаго года. Отъ души желаю и надѣюсь, что предстоящій годъ пройдетъ въ полномъ спокойствіи безъ нарушеній правильности движенія, бывшихъ въ 1903 г.“ Объявляя таковую для всеобщаго свѣдѣнія, выражаю надежду, что служащіе не огорчатъ своего главнаго начальника участіемъ въ тѣхъ печальныхъ событіяхъ, которыя, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто лѣтомъ прошедшаго года, и тѣмъ докажутъ, что они цѣнятъ постоянныя заботы Его Сіятельства объ ихъ бытѣ“.

Странное совпаденіе, но очень характерное для нашего правительства; агентъ его говоритъ о „непрестанныхъ заботахъ“ именно въ то время, когда наступаетъ срокъ (1 января) введенія у насъ желѣзнодорожнаго баталіона и правилъ набора линейныхъ служащихъ. Объ этихъ новоявленныхъ дѣтищахъ мы говорили осенью (см. „Искра“ № 54) — тогда же смыслъ этихъ „заботъ о бытѣ“ былъ разъясненъ въ мѣстныхъ прокламаціяхъ — здѣсь замѣтимъ только, что правительство, испытавъ безуспѣшно всѣ орудія своей тяжелой артиллеріи отъ „братскихъ“ словоизверженій въ духѣ Богдановичей, до заточенія включительно, пришло, наконецъ, къ попыткѣ явнаго развращенія массы. Попытка не нова: вся политика правительства на окраинахъ всегда опиралась на болото человѣконенавистничества. Каждому кавказцу извѣстно, что при поступленіи на дорогу, напр., отдается предпочтеніе русскимъ. Но безсильное провести въ жизнь свои националистическія тенденціи въ полномъ объемѣ, за недостаткомъ русскаго элемента, правительство бросаетъ въ разноплеменную семью рабочихъ зерно человѣконенавистничества, увеличивая плату русскимъ рабочимъ и русскимъ служащимъ. Такъ, повышены въ мартѣ оклады жалованія русскимъ кондукторамъ и путевымъ сторожамъ. Вотъ этотъ денежный подкупъ, открытый, наглый, — есть нѣчто новое для окраинной политики.

А вотъ образчики распоряженій желѣзнодорожнаго начальства. Циркуляръ № 22. „Безплатный проѣздъ допущенъ для няни, сопровождающей дѣтей служащихъ (изъ „семьи высшихъ“, пояснимъ мы). Слѣдовательно няня при дѣтяхъ мастеровыхъ или рабочаго безплатнымъ проѣздомъ не пользуется“. Но, вѣдь, у рабочаго и няни-то нѣтъ, стало быть, начальство, исчерпавъ всѣ практически возможные случаи лишенія рабочихъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, беретъ случай только теоретически мыслимый: что дѣлать, если у рабочаго будетъ няня? — и отвѣчаетъ упомянутымъ циркуляромъ. Ужъ дальше этого итти въ своихъ „непрестанныхъ заботахъ“ некуда. Этими же „заботами его сіятельства“ надо, повидимому, объяснить вопль одного изъ корреспондентовъ „Вѣстника“: „Вѣчно жаловаться, вѣчно уповать на помощь со стороны (начальства) — это противно и недостойно человѣка“ (рѣчь идетъ объ устройствѣ просвѣтительнаго учрежденія для рабочихъ). Ясно, что, помѣщая этотъ вопль въ своемъ органѣ, начальство какъ бы циркулярно подтверждаетъ мысль корреспондента, чтобы рабочіе не ждали себѣ отъ нашего правительства никакихъ благъ. А вотъ еще циркуляръ: „По своему семейному положенію и матеріальной необезпеченности, лишающей ученицъ желѣзнодорожнаго училища возможности удѣлять дома достаточное время на упражненіе въ музыкѣ, упразднить преподаваніе музыки, инструменты изъять изъ школы, а сумму, ассигнованную на этотъ предметъ, расходовать на постановку . . . церковнаго пѣнія“. Чего стоитъ одинъ слогъ этого циркуляра! — Снесясь съ его сіятельствомъ, начальникъ дорогъ закрѣпостилъ низшихъ служащихъ. Чтобы удержать подчиненныхъ, диктовать имъ свои условія и быть полнымъ ихъ хозяиномъ, Ивановскій исходатайствовалъ правило, въ силу котораго служащіе на зак. жел. дор. не будутъ приниматься на другія дороги, прежде чѣмъ не будетъ получено разрѣшеніе отъ него, Ивановскаго.

Баку. Въ среду 7-го апр. рабочіе завода Хатисова узнали, что обычной 8-го числа получки не будетъ; заработную плату обѣщаютъ выдать 10-го. Съ 8 час. утра 8-го 250 чел. изъ 450 прекратили работу впредь до получки заработной платы. Въ этотъ день продолжали работать котельщики, литейщики, модельщики, но на слѣдующій — послѣ того, какъ тремъ изъ нихъ идея солидарности въ борьбѣ съ врагами была внушена... дѣйствіемъ — никто уже не работалъ. Въ этотъ же день въ заводъ къ Хатисову явились вице-губернаторъ и полиціймейстеръ. Послѣ того, какъ за стаканомъ хорошаго вина „*либералъ*“ Хатисовъ посовѣщался съ вице-губ. и полиційм., а вице-губ. и полиційм. съ „*либераломъ*“ Хатисовымъ, рабочимъ было заявлено: „когда станете на работу, тогда получите заработную плату“. Уже въ такомъ заявленіи скрывалась уступка. Рабочіе могли стать на работу въ пятницу и въ пятницу получить деньги — (а не въ субботу, какъ было объявлено первоначально) — но рабочіе хотѣли заставить „либерала“ признать свое пораженіе. Невыгодность стачки въ данное время для Хатисова рабочимъ была ясна, и въ его упорствѣ они видѣли лапу самодержавія.

Стражникъ Мин. Вн. Дѣлъ — фабричный инспекторъ, вмѣсто того, чтобы настоять на удовлетвореніи даже по закону законнаго требованія рабочихъ, старался отвертѣться тѣмъ, что рекомендовалъ наиболѣе нуждающимся авансы. Старался, но изъ его стараній ничего не вышло, какъ не вышло и изъ стараній управляющаго зав., пригласившаго къ себѣ для переговоровъ однихъ рабочихъ — армянъ, — ходъ, который рабочіе безхитростно отпарировали: „при чемъ тутъ армяне? Если онъ честный человѣкъ, пускай зоветъ всѣхъ рабочихъ...“ Наступила суббота. Положеніе становилось напряженнымъ. Рабочіе завода Левенсона предлагали хатисовцамъ явиться только къ ихъ заводу, а ужъ они бросятъ работу. Стачка, такимъ образомъ, могла разростись, но, во всякомъ случаѣ, не могла бы стать всеобщей, ибо настроеніе не было для этого достаточно подготовлено. Задача Бак. Ком. состояла въ томъ, чтобы локализировать стачку, такъ не кстати подвернувшуюся. И на совѣщаніи съ представителями завода было рѣшено не упорствовать въ своемъ требованіи теперь, а напомнить о себѣ съ перваго мая.

Намѣченнаго плана дѣйствія не пришлось осуществить, т. к., явившись въ субботу въ два часа дня къ заводу, рабочіе получили зараб. деньги.

Иркутскъ. На дняхъ въ Черемховѣ (каменно-угольныя копи Иркутской губ.) была стачка на копяхъ. Дѣло было такъ. Работающіе тамъ крестьяне лѣтомъ обычно уходятъ домой и потому заработная плата тамъ лѣтомъ повышается. Чтобы предупредить это явленіе въ нынѣшнемъ году, предприниматели выписали изъ Уфимской губ. партію татаръ въ 300 человѣкъ. Эти послѣдніе ѣхали въ увѣренности получать по 15 руб. за выработанный кубъ угля; но на мѣстѣ они узнали, что они законтрактованы по 15 руб. за погонную сажень, которая больше кубической, такъ какъ разрѣзъ штольни больше квадратной сажени. Татары потребовали или 15 руб. за куб. сажень, или 18 р. за погонную сажень. Администрація телеграфировала о бунтѣ; тотчасъ пріѣхали жандармы и рота солдатъ. Татары требовали паспорта; имъ отказали, такъ какъ они забрали задатки (по 50 руб.). Но тутъ ихъ солидарность заразила и русскихъ (которые, кстати сказать, настроены были враждебно къ своимъ конкуррентамъ), русскіе потребовали повышенія платы до обычнаго лѣтняго уровня. Администрація уступила: татарамъ возвратили паспорта, а русскимъ обѣщали прибавить плату. Теперь все спокойно.

Въ борьбѣ съ штрейкбрехерствомъ.

Копія.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

1903 года, марта 8 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Виленская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ засѣданіи, въ которомъ присутствовали:

Предсѣдательствующій Я. Я. Прокоповичъ. Члены Палаты: Д. Н. Бычковъ и М. Ф. Сытинъ. Прокуроръ Судебной Палаты Н. М. Демчинскій и И. об. помощ. секретаря В. Л. Даниловичъ, СЛУШАЛА: дѣло о крестьянинѣ мѣстечка Радунь, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, Владиславѣ Матвѣевѣ Валюкевичѣ, 29 лѣтъ, обвиняемомъ въ причиненіи легкихъ ранъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ порядкѣ, установленномъ 540 ст. уст. угол. суд., Судебная Палата находитъ, что заявленіе крестьянина Осипа Казимирова Шинкевича о томъ, что означенный крестьянинъ Владиславъ Матвѣевъ Валюкевичъ въ ночь на 24 ноября 1902 года, на Херсонской улицѣ гор. Вильны, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, нанесъ ему ударами какого-либо тупого твердаго орудія двѣ легкихъ раны на волосистой части головы изъ чувства мести за то, что Шинкевичъ поступилъ работникомъ на кожевенный заводъ Викера, несмотря на устроенную прочими рабочими стачку, подтвердилось на предварительномъ по сему дѣлу слѣдствіи судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ потерпѣвшаго (л. д. 18 и 19), и показаніями свидѣтелей: крестьянина Устина Леонова Бурневича (л. д. 20), городового Александра Викентьева Кузьмицкаго (л. д. 20 об.), и мѣщанина Мордуха Менделева Викера (л. д. 23), изъ коихъ первый былъ очевидцемъ событія, второй подтвердилъ показанія Шинкевича и Бурневича о неудавшемся нападеніи на нихъ рабочими въ ресторанѣ Липскаго, а Викеръ удостовѣрилъ стачку на его заводѣ и враждебное настроеніе бывшихъ рабочихъ противъ Шинкевича, котораго онъ нѣсколько разъ предостерегалъ противъ хорошо извѣстнаго ему Владислава Валюкевича, также уволеннаго имъ за участіе въ стачкѣ рабочихъ.

Въ виду этого и усматривая изъ дѣла, что примиреніе между сторонами не состоялось (л. д. 17), Виленская Судебная Палата, руководствуясь 201 ст. уст. угол. судоп., ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) означеннаго крестьянина Владислава Матвѣева Валюкевича, 27 лѣтъ, предать въ порядкѣ частнаго обвиненія суду Виленскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1482 ст. улож. о наказ., 2) въ судебное засѣданіе по настоящему дѣлу Окружнаго Суда вызвать обвиняемаго, частнаго обвинителя и поименованныхъ трехъ свидѣтелей и 3) копію сего опредѣленія, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, передать Прокурору Виленской Судебной Палаты. Подлинное за надлежащими подписями.

Вѣрно: за Секретаря (подпись не разборчива).

Съ подлиннымъ свѣрялъ: И. д. Пом. Секретаря В. Даниловъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: за И. д. Секретаря П. Яновъ.

* * *

Обвиняемый — тов. Валюкевичъ — нынѣ находится въ административной ссылкѣ (на три года) въ Арханг. губ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА БЕРЛИНСКИХЪ БУЛОЧНИКОВЪ.

Причины этой интересной стачки лежатъ въ тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя сохранились еще между хозяевами-мастерами и булочниками-подмастерьями. Эти отношенія представляютъ собою пережитокъ изъ временъ средневѣковья, когда подмастерье считался членомъ семьи мастера, когда общественной грани между первымъ и вторымъ не существовало.

Но достаточно взглянуть на толстаго и упитаннаго мастера и на блѣднаго, худосочнаго подмастерья, чтобы увидѣть, что отъ того „добраго, стараго времени“ не осталось и помину. Пощенія, предоставляемыя рабочимъ для жилья, ниже всякой критики. Зачастую безъ оконъ, съ покрытымъ грязной мучной пылью поломъ, онѣ такъ малы, что на каждаго рабочаго приходится меньше воздуха, чѣмъ на арестанта въ тюремныхъ камерахъ. Постельное бѣлье рѣдко мѣняется. Очень часто рабочіе спятъ вдвоемъ на одной постели. Бываетъ и такъ, что на одной и той же постели днемъ спятъ булочники, а ночью — кондиторы. Не лучше дѣло обстоитъ и съ питаніемъ. Обыкновенно пища чрезвычайно плоха и не съѣдобна. Опредѣленныхъ часовъ для принятія пищи нѣтъ. Во время наибольшаго напряженія силъ — отъ 10 часовъ вечера до 7-8 часовъ утра — пекарь ничего не ѣстъ.

Послѣдствія всего этого сказываются въ цѣломъ рядѣ вредныхъ явленій. Начать съ того, что для булочниковъ не существуетъ опредѣленнаго рабочаго дня. Постановленія устава о промышленности сплошь и рядомъ не соблюдаются, а нарушеніе ихъ не поддается контролю. Далѣе, среди пекарей часты случаи заразительныхъ болѣзней. Статистикой доказано, что процентъ заболѣваній среди нихъ выше средняго уровня заболѣваній въ городѣ. Вслѣдствіе плохого и нерегулярнаго питанія, болѣзни желудка стали профессіональной болѣзнью булочниковъ. Даже ихъ семейная жизнь находится подъ вліяніемъ этихъ условій: чтобы жениться и завести семью, булочники бываютъ вынуждены выбрать себѣ другую профессію.

Естественно, если они, наконецъ, возстали противъ этихъ, поистинѣ, рабскихъ условій жизни. Они поняли, что для болѣе или менѣе человѣческаго существованія имъ прежде всего необходимо отдѣлиться отъ своихъ хозяевъ—жить самостоятельно. Центральнымъ пунктомъ начавшагося среди нихъ движенія было требованіе отмѣны патріархальныхъ отношеній и установленія минимальной заработной платы въ 21 марку (одна марка около 50 коп.) для мелкихъ, 23 — для среднихъ и 25—для крупныхъ пекаренъ.

Союзъ булочниковъ всячески старался провести это требованіе путемъ мирнаго соглашенія. Но хозяева, не желая его признать, заявили, что вступятъ въ переговоры только съ представительствомъ тѣхъ подмастерьевъ, которые числятся членами цеха пекарей. Совѣщаніе между хозяевами и ихъ подмастерьями не дало, однако, никакого результата, такъ какъ главное требованіе послѣднихъ было отклонено. Тогда булочники рѣшили начать стачку. Въ большомъ собраніи организованныхъ и въ, состоявшемся отдѣльно отъ него, собраніи неорганизованныхъ рабочихъ стачка была рѣшена 2863 голосами противъ 102. Около 3000 рабочихъ вступили, такимъ образомъ, въ ожесточенную борьбу за элементарное улучшеніе своего положенія.

Небольшое количество булочныхъ заведеній — между ними самыя крупныя — на требованіе рабочихъ сразу отвѣтило согласіемъ. Большая же часть мастеровъ съ ремесленными управами во главѣ повели упорную агитацію противъ пекарей и всѣми силами противились удовлетворенію ихъ требованій. Хозяева отлично понимали, что самостоятельная жизнь дастъ ихъ рабочимъ матеріальную возможность оглянуться и задуматься надъ своимъ положеніемъ, сдѣлаетъ ихъ болѣе доступными вліянію соціальдемократіи. Чтобы этому помѣшать, они ни предъ чѣмъ не останавливались. Требованіе булочниковъ — не жить и не ѣсть въ домѣ ихъ хозяевъ — отклонялись на томъ основаніи, что, живя внѣ благодѣтельнаго вліянія хозяйской семьи и хозяйскаго надзора, они-де поведутъ безпутный и безнравственный образъ жизни. Но какъ дики нравы, господствующіе въ кругахъ берлинскихъ мастеровъ, можно судить по тѣмъ грубымъ ругательствамъ, вздорнымъ и непристойнымъ выходкамъ, которыми нѣкоторые изъ нихъ отвѣчали на корректно обставленное требованіе рабочихъ. Въ самомъ началѣ стачки хозяева поторопились выписать себѣ рабочихъ изъ восточныхъ провинцій Пруссіи. И вотъ на вокзалахъ можно было видѣть такія сцены. Подходитъ поѣздъ. Съ нимъ пріѣзжаетъ нѣсколько выписанныхъ пекарей, незнакомыхъ съ тѣмъ, что происходитъ на мѣстѣ. Ихъ встрѣчаютъ мастера и бастующіе рабочіе. Хозяева приглашаютъ пріѣзжихъ идти съ ними, но нѣсколько словъ со стороны стачечниковъ: „здѣсь стачка, васъ хотятъ употребить, какъ штрейкбрехеровъ!“ — и пріѣзжіе, вмѣсто того, чтобы пойти на работу, отправляются съ рабочими въ стачечное бюро, гдѣ они получаютъ билетъ на обратную дорогу. Столь же безуспѣшны были попытки со стороны ремесленныхъ управъ штрафами въ 300, 500 и даже 1000 марокъ терроризировать тѣхъ мастеровъ, которые уступали требованіямъ своихъ рабочихъ.

Сила стачечниковъ заключалась здѣсь въ томъ, что рабочему-производителю, пришелъ на помощь рабочій-потребитель. Правленіе профессіональныхъ союзовъ Германіи устроило семь большихъ народныхъ собраній, на которыхъ булочники разсказывали берлинскимъ рабочимъ о своемъ положеніи и разъясняли справедливость своихъ требованій. На всѣхъ собраніяхъ была принята резолюція, которая признавала обязанностью рабочаго населенія покупать хлѣбъ лишь въ тѣхъ пекарняхъ, которыя удовлетворили требованія булочниковъ.

Предъ этимъ двойнымъ натискомъ хозяева не въ состояніи были удержаться. Одинъ за другимъ, они приходили въ стачечное бюро съ заявленіемъ, что они согласны выполнить выставленныя стачечниками требованія. Въ нѣсколько дней сдались, такимъ образомъ, почти всѣ мастера.

Объявляя стачку благополучно оконченной, стачечный комитетъ могъ констатировать, наряду съ уменьшеніемъ безработныхъ, сильный ростъ сознательности, выразившейся въ увеличеніи организаціи булочниковъ.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВЪ КОЛОРАДО (Америка).

Могучій ростъ капиталистическаго развитія неуклонно толкаетъ одну страну за другой на путь колоніальнаго разбоя, на поиски за новыми рынками для сбыта, новымъ поприщемъ для примѣненія капитала. Чѣмъ больше развивается это стремленіе распространить область капиталистической эксплуатаціи на новыя страны, тѣмъ ярче проявляются хищническіе инстинкты правящихъ классовъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ наружу классовый характеръ современнаго государства. Америка одною изъ послѣднихъ выступила на путь колоніальной политики. Всего лишь съ 98 года, послѣ испано-американской войны, она вошла въ ряды „міровыхъ“ державъ и въ этотъ короткій срокъ успѣла ясно показать, куда ведетъ подобнаго рода политика, и каково ея значеніе для широкихъ слоевъ народа. Кажется, никогда еще не проявлялось съ такой беззастѣнчивостью стремленіе централизовать государственную власть въ рукахъ президента, умножить военныя силы и ограничить роль демократическихъ учрежденій, служившихъ охраной исконныхъ правъ и привилегій народа. Этотъ новый поворотъ во внутренней политикѣ Соед. Штатовъ тщательно замалчивается буржуазной прессой, и лишь немногія соціалистическія газеты ведутъ отчаянный походъ противъ все усиливающейся реакціи. Не малую роль въ этомъ ростѣ реакціи сыграла соціальдемократія, страхъ передъ которой гонитъ пугливую буржуазію всѣхъ оттѣнковъ на путь регресса и даже заставляетъ ее бросаться въ объятія услужливой церкви, до сей поры находившейся въ полнѣйшемъ загонѣ. Со всѣхъ концовъ Европы стекаются католическіе попы, и особенно іезуиты, для проповѣди крестоваго похода противъ соціализма. Во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни сказывается этотъ потокъ реакціи, грозящій серьезными опасностями нарождающемуся движенію. Годъ тому назадъ нынѣшнему президенту Рузвельту удалось провести въ конгрессѣ (парламентъ) законъ, по которому президентъ получаетъ право призвать въ войска всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, если, по его мнѣнію, отечеству грозитъ опасность. Законъ этотъ вошелъ въ силу, не взирая на полное противорѣчіе съ конституціей страны, и некогда свободные отъ милитаризма граждане Америки каждую минуту могутъ быть превращены въ пушечное мясо, если того потребуютъ интересы картелей и трестовъ, все болѣе чувствующихъ тѣсноту американскаго материка. Понятно, что этотъ законъ, какъ и большинство послѣднихъ нововведеній, всей своей тяжестью ложится на плечи рабочаго класса.

Особенно ясно проявился рѣзко классовый характеръ высшихъ государственныхъ учрежденій Америки въ 1901 г., когда верховный судъ отвергъ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, принятый ландтагомъ въ Колорадо. По мнѣнію суда, подобнаго рода законъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, вслѣдствіе несоотвѣтствія его съ основными законами Америки. Всеобщее голосованіе отвергло такого рода мотивировку, и члены вновь избраннаго ландтага обязались провести означенный законъ въ жизнь. Но, благодаря составу ландтага, въ которомъ, какъ и въ большинствѣ избирательныхъ учрежденій Соед. Штат., преобладаютъ представители капитала и крупные собственники, ему не удалось увидѣть свѣта. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ ожиданій рабочіе вынуждены были сами выступить активной силой и вырвать собственными руками то, чего не хотѣли имъ дать законодательныя учрежденія, всецѣло находящіяся въ рукахъ правящихъ классовъ. Осенью 1903 года около 10.000 рудокоповъ бросили работу, требуя введенія восьмичасоваго рабочаго дня и исполненія цѣлаго ряда болѣе мелкихъ требованій. Вотъ уже болѣе восьми мѣсяцевъ тянется эта требующая громадныхъ жертвъ стачка, переставшая быть мѣстнымъ явленіемъ и разросшаяся въ форменную битву между трудомъ и капиталомъ. Cripple Creek и Telluride — два крупныхъ центра — служатъ сейчасъ театромъ военныхъ дѣйствій. Чтобы создать себѣ удобный предлогъ для вызова войскъ, капиталисты приказали взорвать одну изъ шахтъ, и затѣмъ, якобы, для усмиренія безчинствующихъ стачечниковъ, была вызвана милиція. Губернаторъ объявилъ мѣстность на „положеніи усиленной охраны“ и опубликовалъ постановленіе, которымъ всѣ жители призывались сдать находящееся въ ихъ распоряженіи оружіе. Одинъ изъ бывшихъ депутатовъ конгресса, опираясь на параграфъ конституціи, которымъ всякому гражданину Соед. Штатовъ обезпечивается право имѣть оружіе въ какомъ угодно количествѣ, заявилъ въ письмѣ на имя губернатора, что имѣющееся у него оружіе правительственной власти сдать не намѣренъ, а употребитъ его на защиту своихъ правъ. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ, и лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія съ двумя тяжелыми ранами былъ доставленъ въ тюрьму. Капиталисты, со своей стороны, сдѣлали все возможное, чтобы сломить упорство стачечниковъ, и первымъ долгомъ выбросили ихъ на улицу, изгнавъ изъ домовъ, принадлежащихъ владѣльцамъ копей. Изъ Чикаго и Нью-Іорка были вызваны союзы „штрейкбрехеровъ“. Даже торговцы, и тѣ должны были выступить подъ давленіемъ организованныхъ капиталистовъ противъ сплоченныхъ рядовъ борющагося пролетаріата. Въ организаціи этой стачки большое участіе принимала „Западная Федерація рудокоповъ“, одинъ изъ немногихъ рабочихъ союзовъ Америки, открыто перешедшихъ на сторону соціальдемократіи и принявшихъ ея программу. Въ теченіе трехъ лѣтъ вожаки федераціи подготовляли эту стачку, неутомимо организуя рудокоповъ Колорадо и въ настоящее время находясь во главѣ ихъ движенія. Въ особомъ манифестѣ, изданномъ въ началѣ стачки, капиталисты подчеркиваютъ соціалистическій характеръ этой организаціи и призываютъ на борьбу съ ней, чтобы совершенно уничтожить начинающую дѣлаться опасной соціальдемократію. Какого рода средства примѣняются въ этой борьбѣ, можно судить хотя бы по тому, что организованная капиталистами банда силою усадила вожаковъ стачки въ экстренный поѣздъ, унесшій ихъ за нѣсколько сотъ километровъ отъ мѣста дѣйствія, грозя пустить въ ходъ оружіе въ случаѣ ихъ возвращенія. Нѣкоторые изъ стачечниковъ были арестованы по приказанію губернатора и до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ несмотря на habeas corpus'актъ, гарантирующій личную неприкосновенность, и на требованія судовъ, признавшихъ подобное лишеніе свободы противозаконнымъ. Демократическая газета „The Public“ приводитъ переписку судовъ съ военными властями и съ негодованіемъ обсуждаетъ этотъ эпизодъ, грозящій гибелью всѣмъ демократическимъ учрежденіямъ Америки отъ произвола военщины, попирающей ногами основные законы страны. Соціалистическій журналъ „The Camrad“ клеймитъ воцарившіеся порядки, сравнивая ихъ съ безпардоннымъ произволомъ въ Россіи, и протестуетъ противъ беззаконныхъ дѣйствій капиталистовъ и правительства. Рабочіе съ необыкновеннымъ мужествомъ вступили въ эту борьбу, терпѣливо перенося лишенія и невзгоды, и вотъ уже восьмой мѣсяцъ стоятъ на своемъ посту, борясь за дѣло всего рабочаго класса, за восьмичасовый рабочій день. Побѣдятъ ли они или сдадутся — сознаніе, что всѣ буржуазныя партіи, и республиканцы и демократы, — враги рабочаго класса, будетъ лишь рости въ виду тѣхъ возмутительныхъ средствъ, которыхъ не гнушаются представители капитала. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше приходится убѣждаться и американскому рабочему, что всѣ другія партіи — защитницы капиталистическаго строя, и его мѣсто лишь въ сплоченныхъ рядахъ единственной партіи пролетаріата — соціальдемократіи.

РАБОЧЕЕ МИНИСТЕРСТВО ВЪ АВСТРАЛІИ.

Консервативное правительство въ Австраліи смѣнилось рабочимъ министерствомъ. Значеніе этого событія выясняется Каутскимъ въ № 98 „Leipziger Volkszeitung“. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, многаго ждать отъ этой смѣны правительствъ. Прежде всего необходимо принять во вниманіе ограниченность сферъ компетенціи австралійскаго союзнаго правительства. Лишь вопросы таможенной политики, защита страны, банкъ и почта находятся въ сферѣ его управленія. Такъ какъ, однако, милитаризма въ Австраліи нѣтъ, то таможенная политика является той главной областью, гдѣ должна будетъ развернуться дѣятельность новаго правительства. А это не есть благопріятная позиція для борьбы съ капиталомъ.

Позиція эта ослабляется еще благодаря тому, что австралійская рабочая партія состоитъ изъ сторонниковъ „чисто-профессіональнаго“ движенія. Болѣе того, профессіональные союзы являются для нихъ не средствомъ къ цѣли, а цѣлью самой по себѣ, такъ какъ тяжбы рабочихъ съ капиталомъ партія склонна разрѣшать не борьбой, не стачками, а рѣшеніями третейскихъ судовъ.

Но тѣ надежды, которыя могутъ связываться съ новымъ министерствомъ, низводятся до минимума, если вспомнить, что, соотвѣтственно „промышленной молодости“ Австраліи, рабочая партія въ союзномъ парламентѣ находится въ меньшинствѣ. Три партіи, составляющія этотъ парламентъ, представлены въ немъ слѣдующимъ образомъ: либералы-фритрэдеры — 27 голосовъ, консерваторы — 26, рабочая партія — 22 голоса. Рабочая партія должна, такимъ образомъ, опираться на либеральную фракцію. Между тѣмъ, длительное совмѣстное съ ней управленіе заранѣе невозможно въ виду того, что рабочая партія — сторонница „охранительныхъ пошлинъ“.

Лишь одного результата — положительнаго въ его отрицательномъ значеніи — можно ожидать отъ завоеванія министерства рабочей партіей. Требованія, которыя предъявятъ ему рабочіе, колоссально возрастутъ. Министерство же не сумѣетъ эти требованія удовлетворить; во первыхъ, потому, что оно не располагаетъ необходимымъ для этого парламентскимъ большинствомъ, во вторыхъ, — оно, вообще, ограничено въ своей дѣятельности опредѣленными вопросами внутренней политики, которые, какъ указано, мало или вовсе не соприкасаются съ положеніемъ рабочаго класса. Масса рабочихъ неизбѣжно должна будетъ разочароваться, ибо ясно увидитъ, что правительство рабочей партіи ничего реальнаго имъ не приноситъ. Съ другой стороны, каждый шагъ рабочаго министерства будетъ естественно встрѣчать недовѣріе либеральной и консервативной фракцій. Между разочарованіемъ рабочихъ массъ и недовѣріемъ буржуазныхъ партій министерство не въ состояніи будетъ сколько-нибудь долгое время держаться.

Эту, весьма вѣроятную, неудачу рабочаго министерства буржуазная пресса попытается эксплуатировать, какъ доказательство неосуществимости соціализма. Однако, выводъ отсюда будетъ лишь тотъ, что „вредна тактика тѣхъ пролетарскихъ политиковъ, которые стремятся къ призраку политической власти прежде, чѣмъ пролетаріатъ ее самъ себѣ не завоевалъ“. Требованія, предъявляемыя пролетарскому правительству, идутъ такъ далеко, удовлетвореніе ихъ обусловливается такой безпощадной борьбой съ капиталомъ, что оно сможетъ успѣшно держаться лишь въ томъ случаѣ, если въ его распоряженіи будетъ находиться подавляющая политическая власть, фактически равная диктатурѣ пролетаріата. А до тѣхъ поръ — „пораженіе или развратъ“ будетъ всегда результатомъ стремленій меньшинства соціалистовъ къ правительственной власти, безразлично, „вступаетъ ли отдѣльный соціалистъ въ буржуазное министерство, или цѣлое рабочее министерство управляетъ съ помощью буржуазныхъ парламентаріевъ“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ТЕПЕРЬ МОЛЧАНІЕ НЕВОЗМОЖНО!

(Открытое письмо къ Центральному Комитету Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.)

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ простые...
Гейне.

Товарищи!

По поводу моего фельетона: „*Централизмъ или бонапартизмъ?*“, напечатаннаго въ № 65 „Искры“, одинъ изъ моихъ читателей, принадлежащій къ числу дѣятельнѣйшихъ членовъ нашей партіи, пишетъ мнѣ, что *я* былъ не правъ, когда характеризовалъ Вашу политику, какъ политику „бонапартизма“, недостойную сознательнаго и развивающагося пролетаріата. Изъ его словъ можно заключить, что Ваша коллегія живо сознаетъ всю громадность задачи, возложенной на нее нашимъ вторымъ съѣздомъ, и хорошо понимаетъ, что для рѣшенія этой трудной задачи необходимо объединить на живомъ, для всѣхъ насъ общемъ и для всѣхъ насъ одинаково дорогомъ дѣлѣ всѣ живыя силы нашей партіи. Наконецъ, его письмо даетъ мнѣ поводъ думать, что Вы рѣшительно отвергаете ту нелѣпую идею дважды-нелѣпой диктатуры, которую трижды-нелѣпые „представители“ уфимскіе и проч. и проч. и проч. провозглашаютъ плодотворнѣйшимъ открытіемъ нашей революціонной мысли, способнымъ затмить величайшія открытія соціалистической мысли Запада.

Это письмо заставило меня задуматься. Если товарищъ, написавшій мнѣ его, не ошибся; если Ваша коллегія, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго съ „бонапартизмомъ“, то *я*, въ самомъ дѣлѣ, неправъ передъ Вами, и мой фельетонъ долженъ былъ вызвать въ Васъ сознаніе большой несправедливости и чувство глубокой обиды. И въ такомъ случаѣ *я* первый готовъ искренно пожалѣть объ этомъ. Но чѣмъ болѣе *я* останавливаюсь мыслью на своей *возможной* ошибкѣ, тѣмъ неотвязчивѣе встаетъ передо мною вопросъ: кого же нужно винить въ ней? И на этотъ неотвязчивый вопросъ *я*, — при всемъ своемъ желаніи быть безпристрастнымъ, — могу отвѣтить лишь слѣдующимъ образомъ:

Если бы я, въ самомъ дѣлѣ, совершилъ ту ошибку, въ которой меня дружески упрекаетъ мой корреспондентъ, то вина за нее цѣликомъ падала бы не на меня, а именно на Васъ, товарищи изъ Центральнаго Комитета.

Я очень хорошо понимаю, что такой отвѣтъ опять можетъ вызвать въ Васъ непріятное удивленіе и способенъ показаться Вамъ чѣмъ-то въ родѣ адвокатской уловки. Но прошу Васъ вѣрить, товарищи, что *я* написалъ и подчеркнулъ здѣсь этотъ отвѣтъ не затѣмъ, чтобы „вывертываться“, — *я* вообще не имѣю жалкой привычки „вывертываться“ и прямо признаюсь въ своей ошибкѣ, когда *я* вижу, что *я* ошибся, — а затѣмъ, чтобы обратить Ваше вниманіе на ту особенность Вашей тактики, которую Вы сами должны признать неумѣстной и ненужной, если только правду сказалъ мой корреспондентъ, приписавшій Вамъ отрицательное отношеніе къ „бонапартизму“.

Если онъ говоритъ правду, — а *я* какъ нельзя болѣе хотѣлъ бы вѣрить этому, потому что такая вѣра дала бы мнѣ новую и чрезвычайно отрадную надежду на счастливое улаженіе всѣхъ нашихъ усобицъ, — то скажите, товарищи, зачѣмъ же Вы молчите въ такое время, когда Вамъ достаточно было бы возвысить свой голосъ, чтобы сразу положить конецъ печальному и, — главное, — опасному недоразумѣнію? Зачѣмъ вы молчите тогда, когда одно Ваше энергичное „*нѣтъ!*“ вырвало бы почву изъ подъ ногъ нашихъ „бонапартистовъ“ и тѣмъ много содѣйствовало *бы* торжеству политики внутренняго мира и фактическаго объединенія всѣхъ силъ нашей партіи? Зачѣмъ Вы молчите теперь, когда Вамъ слѣдовало бы не только говорить, а прямо гремѣть, трубить во всѣ трубы, кричать со всѣхъ крышъ о Вашемъ отрицательномъ отношеніи къ „*бонапартизму*“?

О томъ, какой „внутренней политики“ придерживались Вы въ Россіи, я не могу судить на основаніи непосредственнаго наблюденія. Временами до меня доходили и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не перестали доходить извѣстія, рисовавшія и рисующія эту политику въ довольно неблагопріятномъ свѣтѣ. Да и само нежеланіе Ваше кооптировать представителей „меньшинства“ заставляетъ предполагать, что Ваше миролюбіе, — если Вы дѣйствительно миролюбивы, — заключено въ очень узкія границы. Товарищъ, написавшій мнѣ письмо, старается оправдать это Ваше нежеланіе соображеніями, кажущимися мнѣ очень неосновательными. Изъ его объясненій выходитъ, что Вы слишкомъ внимательно и боязливо прислушиваетесь къ тому, что скажетъ Марья Алексѣевна, принявшая нынѣ у насъ видъ микроскопическаго совѣтника Иванова. Но этой почтенной особы Вамъ въ дѣйствительности нечего опасаться, ибо по своей ограниченности она, — несмотря на всю свою крикливость, — не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Изъ объясненій моего корреспондента выходитъ также, что произвести кооптацію препятствуетъ Вамъ невѣрное представленіе о достоинствѣ Вашей коллегіи, какъ одного изъ центральныхъ учрежденій партіи: вы думаете, что Вамъ не слѣдуетъ уступать „*требованію*“, не имѣющему за себя формальной законности. Если это такъ, то Вы опять ошибаетесь. Я понимаю, что соображеніе, подобное только что указанному, можетъ остановить *мандарина*, для котораго форма — первое дѣло; но *я* отказываюсь понять, почему останавливаетъ оно *революціонера*, для котораго *цѣлесообразность* — *все*, а *формальность* — *ничто*. Но это — мимоходомъ. Разсужденія объ этомъ предметѣ завели бы меня слишкомъ далеко отъ моей темы, и потому *я* перехожу къ тому, что *я* узналъ своимъ собственнымъ опытомъ, что *я* видѣлъ своими собственными глазами здѣсь, *заграницей*.

Дѣятельность вашихъ заграничныхъ представителей была до сихъ поръ насквозь пропитана духомъ той политики, которую *я* назвалъ въ своемъ фельетонѣ политикой бонапартизма, политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шеѣ нашей партіи. Наиболѣе виднымъ и послѣдовательнымъ носителемъ принциповъ этой политики являлся и является Ленинъ, энергичные, но неразумные подвиги котораго не разъ заставляли меня вспоминать сказанныя „кому-то въ догонку“ слова князя Ивана въ „Современникахъ“ Некрасова:

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглупилъ на всю Россію!

Вы помните, конечно, что *я* когда-то обращалъ вниманіе Вашей коллегіи на неудобства ленинской политики, но, къ сожалѣнію, *я* не получилъ отъ Васъ такого отвѣта, который могъ бы убѣдить меня въ томъ, что Вы сами видите эти неудобства: Вы не отняли у Ленина его полномочій, а онъ, пользуясь ими, продолжалъ дѣлать все отъ него зависѣвшее для того, чтобы толкать нашу партію прямо къ расколу. У него былъ для этого свой и совершенно понятный разсчетъ. Но что же мнѣ оставалось думать? *Только то, что вы одобряете дѣйствія Ленина* и, слѣдовательно, раздѣляете тѣ претензіи, которыя я назвалъ нелѣпыми и смѣха достойными. Товарищъ, написавшій мнѣ письмо, утверждаетъ, что этотъ выводъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можетъ быть. Я самъ былъ бы въ этомъ случаѣ очень и очень радъ ошибиться, но если бы я ошибся, то причиной этого было бы именно то обстоятельство, что Вы молчали и что, благодаря этому молчанію, *политика Ленина и мною и, насколько я знаю, всѣми другими принималась за политику Центральнаго Комитета*. Прервите же Вы ваше молчаніе. Скажите намъ прямо и рѣшительно: какъ понимаете Вы централизмъ, что думаете Вы о „бонапартизмѣ", или, — короче, — одобряете ли Вы политику Ленина?

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ простые...

Это тѣмъ болѣе умѣстно, нужно и полезно сдѣлать теперь, что, — какъ Вы, конечно, знаете, — Ленинъ выпустилъ брошюру, которая въ исторіи нашихъ внутреннихъ распрей будетъ играть роль масла, подлитаго въ огонь. Огромное большинство читателей, навѣрно, вынесетъ изъ нея убѣжденіе въ томъ, что она выражаетъ Ваши общіе взгляды и что само ея изданіе является Вашимъ общимъ дѣломъ. Если Вы несогласны съ Ленинымъ, если его брошюра не выражаетъ Вашихъ взглядовъ, то Вамъ слѣдуетъ высказаться какъ можно скорѣе и какъ можно опредѣленнѣе.

Предлагая Вамъ это, я прошу Васъ, товарищи, замѣтить вотъ что.

Во-первыхъ, когда я прошу Васъ высказаться по поводу брошюры Ленина, я имѣю въ виду не тѣ обвиненія, которыя онъ выставляетъ противъ всей вообще нынѣшней редакціи центральнаго органа или противъ ея отдѣльныхъ членовъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы сами, — всѣ вообще и каждый въ частности, — съумѣемъ достойнымъ образомъ отвѣтить на эти обвиненія. Съ *этой* стороны Ленинъ принадлежитъ намъ, и мы не хотимъ, чтобы кто нибудь посягнулъ на нашу литературную собственность. Я прошу Васъ высказаться о брошюрѣ Ленина лишь съ той ея стороны, которая могла бы подать поводъ къ неправильнымъ сужденіямъ *о политикѣ Центральнаго Комитета*. Если Вы промолчите объ этой сторонѣ, то *всѣ примутъ Ваше молчаніе за знакъ согласія*.

Во-вторыхъ, не думайте, товарищи, что я задаю Вамъ эти вопросы съ какой-нибудь полемической цѣлью. Увѣряю Васъ честью революціонера, что отъ меня какъ нельзя болѣе далека всякая мысль о полемикѣ съ Вами. Я просто хочу объясниться. Въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ накопилось, — главнымъ образомъ, по винѣ тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ представляли Васъ заграницей, — очень много недоразумѣній. А эти недоразумѣнія являются источникомъ *слабости* для нашей партіи. А въ политической борьбѣ слабость есть *преступленіе* очень тяжелое вообще, и совершенно непростительное теперь, когда историческія событія предъявляютъ къ намъ въ высшей степени серьезныя требованія. Теперь мы *обязаны* быть *сильными*. А для того, чтобы мы были сильными, намъ необходимо упрочить наше *единство*. А для того, чтобы мы могли упрочить наше единство, намъ надо устранить нарушающія его *недоразумѣнія*. Пусть плодитъ ихъ Ленинъ: это въ *его* интересахъ; а въ интересахъ *нашего дѣла*, слѣдуетъ поступать какъ разъ наоборотъ.

Постарайтесь же разсѣять эти недоразумѣнія. Поддержите насъ въ нашемъ стремленіи создать почву для прочнаго мира внутри нашей партіи. Помогите намъ обезпечить ея единство и тѣмъ пріобрѣсти для нея то вліяніе на событія, которое принадлежитъ по праву ей — выразительницѣ революціонныхъ стремленій сознательнаго пролетаріата. Много разъ цитированное мною письмо товарища даетъ мнѣ право думать, что здѣсь наши стремленія въ значительной степени совпадаютъ съ Вашими. Тѣмъ лучше; тѣмъ легче Вамъ показать мнѣ, что я ошибся, приписавъ Вамъ нелѣпыя и смѣха достойныя претензіи. Опровергайте же меня, опровергайте безъ малѣйшаго снисхожденія: чѣмъ убѣдительнѣе будутъ Ваши доводы, чѣмъ рѣшительнѣе разобьете Вы меня, тѣмъ громче и продолжительнѣе буду я рукоплескать Вамъ. Но говорите же, говорите. Теперь молчаніе невозможно: оно становится теперь нарушеніемъ партійнаго долга

Съ товарищескимъ привѣтомъ
Г. Плехановъ.

Резолюція Тверского Комитета.

По поводу „новаго курса", принятаго Ц. О., начиная съ № 52, Тверской Комитетъ считаетъ необходимымъ заявить слѣдующее:

Съ формальной стороны Тверской Комитетъ не склоненъ былъ бы придавать особаго значенія тому факту, что Ц. О. сталъ въ дѣйствительности органомъ „меньшинства" партіи, если бы только идейная жизнь партіи была вообще представлена въ Ц. О. достаточно полно. Но за послѣдніе мѣсяцы воззрѣнія „большинства" партіи находятъ себѣ мѣсто на страницахъ Ц. О. почти исключительно въ формѣ резолюцій комитетовъ. Но комитеты не литераторы, а резолюціи не статьи, и сжатая формулировка тѣхъ или иныхъ руководящихъ принциповъ не можетъ замѣнить ихъ систематическаго развитія и освѣщенія, хотя, можетъ быть, и представляетъ очень благодарный объектъ для литераторской полемики; и потому нельзя не признать нынѣшній способъ веденія Ц. О. слишкомъ одностороннимъ. Редакція Ц. О., повидимому, слишкомъ „централистически" поняла свою задачу идейнаго руководства, полагая, что можетъ „вести" всю партію, куда захочетъ, не считаясь съ господствующимъ партійнымъ теченіемъ даже въ такой степени, чтобы дать ему возможность законченно высказаться. Особенно неестественнымъ, съ формальной точки зрѣнія, кажется тотъ фактъ, что органъ, издающійся на средства *всей* партіи, становится органомъ систематической борьбы ея „меньшинства" противъ ея „*большинства*".

Что касается самаго содержанія полемики Ц. О. противъ „большинства" партіи, то Тверской Комитетъ полагаетъ, что полемика эта съ самаго начала стоитъ на ложной почвѣ. Въ основѣ полемики положены безспорныя мысли, что централизація не есть благо само по себѣ, и что партійная дисциплина есть средство, а не цѣль нашей борьбы. Но, держась въ предѣлахъ этихъ общихъ мыслей, полемика безплодна и безсодержательна. Вопросъ заключается именно въ томъ, *какая степень* централизаціи и партійной дисциплины необходима при современныхъ условіяхъ, чтобы достигнуть цѣли, т. е. побѣды надъ врагами. Вопросъ этотъ можно рѣшить только сопоставленіемъ нашихъ силъ и силъ противниковъ, нашихъ формъ организаціи и ихъ формъ организаціи, нашей партійной дисциплины и ихъ партійной дисциплины въ связи со всей исторической обстановкой момента. Этого мы до сихъ поръ не находимъ въ полемическихъ статьяхъ Ц. О. Въ частности же Тв. Ком. полагаетъ, что по отношенію къ идеѣ партійной дисциплины редакція Ц. О. заняла особенно ошибочную позицію. Слабость этой дисциплины есть, правда, неизбѣжное зло въ молодыхъ партіяхъ — но тѣмъ важнѣе бороться съ этимъ зломъ, а не заниматься его оправданіемъ, и едва ли не возведеніемъ его въ принципъ. Требуя уваженія къ „анархическимъ склонностямъ" отдѣльныхъ членовъ партіи, редакція и „меньшинство" становятся на тотъ путь, который долженъ въ дальнѣйшемъ привести ихъ къ разрыву съ рабочими массами. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни былъ по своимъ талантамъ цѣненъ отдѣльный интеллигентъ-революціонеръ, рабочій всегда будетъ склоненъ разсматривать проявленіе его „анархическихъ склонностей", нарушающихъ „партійную дисциплину", какъ своего рода „штрейкбрехерство". А съ принципіальной пролетарской точки зрѣнія „анархически" дѣйствующій революціонеръ настолько же вреднѣе простого нарушителя стачки, насколько партійная организація для общаго рабочаго дѣла важнѣе случайной и временной стачечной организаціи.

На основаніи всего изложеннаго, Тверской Комитетъ полагаетъ, что современное положеніе дѣлъ въ партіи крайне неестественно, и что съ нимъ необходимо такъ или иначе покончить. Въ виду безрезультатности попытокъ высшихъ учрежденій партіи ввести борьбу „меньшинства" съ „большинствомъ" въ рамки устава, Тверской Комитетъ считаетъ необходимымъ вмѣшательство партіи, требуетъ немедленнаго созыва третьяго съѣзда и приглашаетъ остальные Комитеты присоединиться къ этому требованію.

Тверской Комитетъ проситъ напечатать эту резолюцію въ ближайшемъ номерѣ Ц. О.

Эта резолюція была принята на общемъ собраніи Тверского Комитета 19 апрѣля четырьмя голосами противъ одного. Товарищъ, голосовавшій противъ съѣзда, мотивировалъ свой протестъ исключительностью положенія, созданнаго Русско-Японской войной. Остальные же товарищи полагали, что эта исключительность положенія является лишь однимъ изъ мотивовъ необходимости возможно скорѣйшаго упорядоченія партійныхъ дѣлъ.

Тверской Комитетъ
Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

* * *

Отъ редакціи. Тверской Комитетъ жестоко ошибается, если думаетъ, что редакція „Искры" „не даетъ возможности законченно выразиться" на столбцахъ Ц. О. направленію партійнаго „большинства". Начиная съ № 53, намъ только *одинъ* разъ была доставлена статья, посвященная освѣщенію „нашихъ разногласій" съ точки зрѣнія „большинства" (статья тов. Александрова). Эта статья была немедленно помѣщена въ „Искрѣ". Больше ни одной статьи того же направленія къ намъ не поступало. Въ частности, тов. Ленинъ съ № 54 „Искры" въ ней не сотрудничаетъ. Такимъ образомъ, обвиненіе брошенное намъ Тверскимъ Комитетомъ, оказывается брошеннымъ совершенно легкомысленно. Тверскимъ товарищамъ остается только подумать надъ вопросомъ: почему точка зрѣнія „большинства" не порождаетъ никакихъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ" резолюцій, которыя вполнѣ достаточно освѣщаютъ всю безсодержательность „твердаго" направленія въ нашей партіи?

Резолюція Кіевскаго Комитета.

Принимая во вниманіе, что до сихъ поръ организаціямъ не удалось еще въ достаточной степени ознакомиться съ организаціонными разногласіями „меньшинства" и „большинства";

Принимая, далѣе, во вниманіе, что настоящій моментъ, переживаемый Россіей, слишкомъ важенъ, чтобы можно было отвлекать опытныхъ лицъ отъ непосредственной руководящей работы на мѣстахъ, а между тѣмъ, только такія лица (а не эмигранты) въ состояніи отдать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о правильности одного изъ организаціонныхъ принциповъ, которые легли въ основу дѣятельности „большинства" и „меньшинства", присоединяясь также и къ другимъ мотивамъ редакціи Ц. О. о трудности съѣзда въ виду матеріальной и конспиративной стороны дѣла организаціи съѣзда, — Кіевскій Комитетъ вполнѣ откликнулся на призывъ ред. Ц. О. и вотируетъ противъ съѣзда въ настоящее время.

Агитація противъ войны:

Воронежскимъ Ком. изд. листокъ противъ войны съ перепечаткой прокламаціи „Война противъ войны (изданіе „Искры"). — **Кіевск. Среднеучебн. Орган. Ком.** переизданъ листокъ „Жертвуйте, русскіе люди!". — **Томскимъ Ком.** изд. листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ г. Томска" (№ 48). — **Полѣсскимъ Ком.** — „Къ рабочимъ". — **Московскимъ Ком.** — „Красное знамя или красный крестъ". — **Елизаветградской Организаціей Партіи** изд. „Къ обществу" (400 э.). — **Бакинскимъ Ком.** изд. „Къ солдатамъ". — **Астраханской Группой** переизданъ листокъ „Искры": „Кризисъ, безработица, война". — **Сибирскимъ Союзомъ** перепечатана статья „Въ тискахъ".

Комитетами Партіи изданы листки:

Сибирскимъ Союзомъ изд. „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Сибири (1 мая)", „Первое мая" (№ 24). — **Бакинск. Ком.** изд. „Ко всему рабочему населенію Баку" (о 1 мая) и „Ко всѣмъ гражданамъ" (послѣ перваго мая). — **Кіевскимъ Ком.** изд. „Первое мая 1904 г.". — **Харьковской Группой Учащихся Соц.-Дем.** изд. „Ко всѣмъ учащимся въ средне учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова". — **Полѣсскимъ Ком.** изд. „*Люби ближняго*, какъ самого себя" (о международной солидарности пролетаріата) и листокъ о праздновани перваго мая въ Гомелѣ. Сверхъ того Комитетъ переиздалъ въ 6000 экз. майское воззваніе Ц. К. и Ц. О. — **Рижскимъ Ком.** — (въ 900 экз.) листокъ „Ко всѣмъ табачницамъ". — **Бобруйской Группой Рос. С.-Д. Р. П.** (основанной рабочими, перешедшими отъ Бунда къ Партіи) изд. „Къ рабочимъ завода Свенторжицкаго и Смѣцюшевскаго" и листокъ ко всѣмъ рабочимъ о той же стачкѣ (1000 экз.). — **Житомірской Группой Партіи** изд. „Къ первому мая".— Согласно сообщеннымъ намъ **Центральнымъ Комитетомъ** даннымъ, имъ выпущены слѣдующія изданія: 1. Ленинъ, „Къ деревенской бѣднотѣ" (10000 экз.). 2. Мартовъ, „Пролетарскій праздникъ" (45000 экз.). 3. Майскій листокъ — въ 250000 экз. 4. Рѣчь Л. Гольдмана (20000 экз.). 5. Отдѣльныя статьи изъ „Искры": „Самодержавіе на скамьѣ подсудимыхъ", „Лѣтнія забастовки на югѣ", „Сердечный циркуляръ" — всѣ въ 20000 экз. 6. Листокъ „Искры" „Война противъ войны" (20000 экз.) и 7. „Коммунистическій Манифестъ въ 1000 экз.

Коммиссіей по изданію партійной соц.-дем. литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ выпущены слѣдующія изданія:

На армянскомъ языкѣ: 1. Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. 2. Программа Р. С.-Д. Р. П.

Печатается: Л. Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи.

На грузинскомъ языкѣ: 1. Грузинскіе націоналисты.

Согласно постановленію второго очередного съѣзда, редакціи Ц. О. поручено возобновить изданіе „Зари", какъ научнаго органа Партіи.

До сихъ поръ редакція Ц. О., въ силу цѣлаго ряда причинъ, не могла приступить къ исполненію рѣшенія съѣзда, несмотря на то, что необходимость подъема теоретическаго уровня въ нашей все расширяющейся партіи была ей совершенно ясна. Въ настоящее время, какъ мы надѣемся, регулярный выходъ изданія, посвященнаго разработкѣ и развитію соціалистической теоріи, не встрѣтитъ никакихъ непреодолимыхъ затрудненій. Для редакціоннаго веденія „Зари" редакціей Ц. О. уполномоченъ Г. В. Плехановъ, на правахъ единоличнаго редактора.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Архангельская губ. Прибываютъ ссыльные, которые назначены въ Сибирь и которыхъ, въ виду войны, направляютъ въ губерніи Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую. Разсылать ихъ, повидимому, будутъ въ отдаленныя села и деревни по одиночкѣ; такъ недавно одного еврея — къ тому же больного — отправили въ деревню Несь — верстъ сто сѣвернѣе Мезени — на берегу Ледовитаго океана, гдѣ уже начинается тундра и гдѣ питаться придется чуть ли не одной рыбой. Другого — студента Вертячихъ — въ село Красноборское (Печорскаго уѣзда), сравнительно хорошее. Въ субботу, 3 апрѣля, пришло этапомъ девять человѣкъ, всѣ назначенные въ Сибирь, а со слѣдующимъ этапомъ ждутъ 20 человѣкъ бундовцевъ, назначенныхъ также въ Сибирь. Вообще число ссыльныхъ въ Архангельской губерніи быстро увеличивается, и въ самомъ Архангельскѣ достигаетъ уже почтенной цифры — 100 чел. — **Астрахань.** Кромѣ упомянутыхъ уже, ар. въ ночь съ 9 на 10 марта М. А. Бендерскій, А. Л. Ершовъ (раб.), А Костинъ. Арестованные сидятъ до сихъ поръ. — **Орелъ.** Передъ пасхой были арестованы присяжн. повѣр. Рейнгардъ (по предписанію изъ Петербурга) и служащій въ орловскомъ земствѣ Цадиковъ. Послѣдній былъ взятъ въ Москвѣ. Къ соціальдемократической организаціи оба не имѣли никакого отношенія. Недавно взятъ бывшій студентъ Шмидтъ, семья столяра Шишкова и нѣсколько солдатъ, двое изъ которыхъ вольноопредѣляющіеся. — **Ростовъ на Дону.** Съ 15 по 18 апрѣля здѣсь было произведено громадное количество обысковъ и арестовъ. Пока извѣстны слѣдующіе результаты „нашествія вандаловъ"; арестованы: І. Мошинскій и Егоровъ (присяжные повѣренные), Д. и М. Ширманъ, Е. М. Богуцкая, А. С. Райхъ, Хацманъ, Птуха (бывшій ср.-техникъ) и Климовъ (ученикъ средне-техническаго училища), Н. Шнейдеръ, Сегель, Орловъ, Косовская, Гулькевичъ и др. Кромѣ того арестовано много рабочихъ, фамиліи еще не извѣстны. Обыски были у слѣдующихъ лицъ: К. Скрынниковъ, М. Горховская, магаз. Басъ, Плехановъ (раб.), Оже и у многихъ другихъ. Аресты и обыски были также въ Юзовкѣ, Маріуполѣ, Таганрогѣ и другихъ городахъ. — **Воронежъ.** Арестованъ и посаженъ въ мѣстную тюрьму докторъ-медицины Василій Ивановичъ Колюбакинъ. Онъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Воронежской губерніи. Онъ долго былъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы, а затѣмъ и губернской. Его обвиняютъ въ распространеніи нелегальной литературы. Колюбакинъ, хотя и былъ всегда либеральнымъ земцемъ, но никогда не имѣлъ никакого касанія къ революціонной дѣятельности. Былъ обыскъ у извѣстнаго всему городу купца Ширяева (взята литература).

Красноярскъ. 27 апрѣля были обыски у слѣдующихъ лицъ: у ссыльныхъ С. Персона (ничего не нашли), Ф. Романова (ничего, взяли два письма и возвратили обратно), у поднадзорной Л. Качиной (ничего), у бывшаго гимназиста А. Барышникова (ничего), у учениц фельдшерской школы О. Прейсъ, П. Калико, Б. Бродской (ничего). При обыскахъ у всѣхъ отбирали револьверы. На дняхъ исключили, по тайному распоряженію генералъ-губернатора, изъ фельдшерской школы ученицу В. Шуваеву. Незадолго до этого она была арестована по подозрѣнію и сидѣла нѣсколько дней въ тюрьмѣ: это и послужило причиной ея исключенія. Среди ссыльныхъ Енисейской губерніи большая нужда: особенно по Ангарѣ. — **Бобруйскъ.** На дняхъ арестована тайная типографія и слѣдующія лица: Н. Файнштейнъ, Б. Лозинскій, Іуда (вся вина котораго заключается въ томъ, что онъ захаживалъ къ Лозинскому), Л. Лекумовичъ, Н. Фридляндъ и нѣкоторые другіе. Ищутъ: А. Вайраха, Г. Пружинина, Мейера (наборщики) и Л. Лозинскаго (интеллигентъ). На квартирѣ никого не нашли, но хозяинъ указалъ на всѣхъ обитателей типографіи. Какъ говорятъ, въ послѣднее время они работали крайне неосторожно. Для обыска пріѣхалъ изъ Минска Васильевъ. — **Кіевъ.** 28 апр. арестована державшаяся пять лѣтъ типографія Комитета Партіи. Кромѣ того, были многочисленные аресты: взяты Рыбаковъ, Немолякинъ, Я. Г. Френкель, Серг. Бердяевъ, Поповъ, Л. Н. Леонтьева и другіе. Былъ обыскъ въ редакціи „Кіевскихъ Откликовъ". — **Житомиръ.** До сихъ поръ извѣстны имена слѣдующ. арестованныхъ 27-28 апрѣля: Константинъ Рикъ (бывшій студентъ, третій разъ), Розалія Моргулисъ (интеллигентка, выпущена), рабочіе: Вольфъ Быкъ, Андрей Скрыпниковъ, Антонъ Невѣсткинъ, Волковъ, Сеня (фамилія неизвѣстна), В. Дыхне (освобожденъ), Лифшицъ (экст.), Старецъ (интеллигентка), Яполуторъ (интеллигентка). Имена многихъ арестованныхъ еще не установлены.

Бѣжали: Р. Горовицъ и А. Хлыновъ, сосланные до приговора въ Восточную Сибирь. Первая арестована въ 1902 году *по дѣлу* „Искры" и Кіевскаго Комитета. Второй арестованъ въ 1902 г. по дѣлу „Искры" и Кіевскаго Комитета, Петербургскаго „Рабочаго Знамени", по дѣлу пропаганды и распространенія литературы среди учителей и рабочихъ въ Муромскомъ и Мелековскомъ уѣзд., Владим. губ. — **Бѣжали** благополучно въ ночь на 29 марта изъ Виленской губ. тюрьмы: 1. Михаилъ Даргольцъ (нелег., скрывшійся ранѣе изъ Восточной Сибири и арестованный въ августѣ 1903 года въ Вильнѣ по дѣлу нашей Партіи). 2. А. Дымшицъ (нелегальный, соц.-дем.). 3. Ш. Шлиферъ (по виленскому дѣлу Бунда). Бѣжавшіе вмѣстѣ съ ними Кацъ, Даукша и М. Фрейнкель снова арестованы.

Некрологъ: 16 февраля въ красноярской тюрьмѣ умеръ Борисъ Осташинскій, 30 лѣтъ отъ роду. Еврей по національности, онъ не послѣдовалъ за родными въ Америку, желая принимать участіе въ освободительной борьбѣ. Сапожникъ по ремеслу, Осташинскій работалъ въ Симферопольской организаціи Р. С.-Д. Р. Партіи почти съ ея возникновенія; во время уличной демонстраціи 5 мая 1901 года несъ знамя. Арестованный 8 авг. 1902 года, онъ не выходилъ уже изъ тюрьмы, постепенно разрушившей его и безъ того слабый организмъ. Роковое значеніе для Осташинскаго имѣлъ отказъ генералъ-губернатора Кутайсова поселить его въ какой-нибудь здоровой мѣстности на югѣ Иркутской губерніи (онъ былъ сосланъ только на три года). Назначенный въ село даже безъ фельдшера, онъ вынужденъ былъ просидѣть въ тюрьмѣ почти полгода лишнихъ, чтобы не лишиться хоть медицинской помощи. Тюрьма, болѣзнь легкихъ и Кутайсовъ добили его, до послѣднихъ дней не терявшаго надежды на возвращеніе въ ряды активныхъ борцовъ. Покойный былъ добросовѣстнымъ революціонеромъ, преданнымъ товарищемъ и пользовался общей симпатіей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ „Кассы помощи эмигрантамъ въ Цюрихѣ" съ 1 іюня 1903 г. по 20 февраля 1904 года.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ съ іюня 1903 г. 122 фр. 90 с. Единовременныя пожертвованія: изъ Берлина 5 фр.; отъ NN 20 фр.; отъ проѣзжаго 66 фр. 25 с. (25 рублей); отъ N. 62 фр.; отъ сочувствующаго изъ Антверпена 3 фр. 30 с.; отъ D. 5 фр. 15 с.; изъ Берлина черезъ П. Б. Аксельрода 10 фр.; отъ N. 4 ф.; изъ Невшателя 40 с.; отъ проѣзжей 10 фр.; отъ нижегородца 27 фр.; отъ четырехъ сочувствующихъ изъ Россіи 23 фр. 85 с. (9 рублей); отъ „филантроповъ" 25 фр.; изъ Дармштадта чрезъ „Искру" 117 фр. 60 с.; изъ Давоса чрезъ „Искру" 26 фр.; отъ кишиневки 10 фр.; отъ проѣзжей 3 фр. 75 с.; изъ Карлсруэ 2 фр.; изъ Дармштадта чрезъ Г. 98 фр. 30 с.; Итого пожертвованій 524 фр. 60 с. Ежемѣсячныхъ взносовъ 171 фр. 40 с. Съ бала 27 фр. 50 сант. Изъ Мюнхена съ литературнаго вечера 46 фр. Съ лоттереи 105 фр. 39 с. По подписнымъ листамъ: изъ Цюриха 106 ф. 85 с.; изъ Штуттгардта 143 фр. 46 с.; изъ Сизикона 18 ф.; изъ Женевы 37 ф. 70 с.; изъ Фрейбурга 33 фр. 45 с.; изъ Брюсселя 9 фр. 50 с.; изъ Берлина 28 фр.; изъ Гейдельберга 40 фр. 2 с.; итого 416 фр. 98 с. Всего прихода 1414 фр. 77 с.

РАСХОДЪ.

Единовременно эмигрантамъ: 36, 10, 5, 10, 20, 25, 20, 10, 20, 20, 20, 20, 35, 18, 25, 25, 25, 28, 50, 25, 20, 35, 25, 50, 25, 9.50, 5.50, 15, 20, 35, 30, 20, 20, 15, 46, 15, 25, 50, 30; итого 938 фр. Больнымъ эмигрантамъ: 40, 60, 25, 15, 50, 55, 30, 30, 25; итого 330 фр. Заимообразно эмигрантамъ: 30, 10, 7, 20, 20, 15; итого 102 фр. Почтовые и разные другіе расходы 22 фр. 30 с. Всего израсходовано 1392 фр. 30 с. Наличными въ кассѣ 22 фр. 47 с. Итого 1414 фр. 77 с.

Комитетъ.

Печатая этотъ отчетъ, обращаемъ вниманіе читателей на настоятельную необходимость поддержать эмигрантскія кассы. Съ ростомъ революціоннаго движенія въ Россіи неизбѣжно растетъ и число лицъ, для которыхъ временное пребываніе заграницей — въ силу тѣхъ или другихъ причинъ — является необходимымъ условіемъ возможнаго продолженія ихъ революціонной дѣятельности. А между тѣмъ, какъ показываетъ намъ тотъ же отчетъ, средствъ тамъ немного. Призываемъ читателей оказать посильную помощь.

Адресъ: Herrn Otto Lang. Hegelbacutstrasse, 22. Zürich.

Отчетъ Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ отъ 23 февраля по 13 мая 1904 года.

Въ грузинскую кассу поступило: Изъ Лейпцига по подписному листу для грузинской типографіи — 29 фр. Съ вечера изъ Женевы — 130 фр.; изъ Мюнхена — 10 фр.; изъ Парижа — 20 фр. Отъ y — 20 фр.; отъ x — 150 фр.; отъ № 2 — 9 фр. Итого: 368 фр.

Въ Армянскую кассу поступило: Отъ № 1 — 220 фр.; отъ А — 20 фр. Изъ Берлина — 56 фр. Итого: 296 фр.

Отъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ черезъ представителя Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи переслано арестованнымъ въ Якутскѣ товарищамъ — 32 фр. и 30 фр.

Типографія Партіи. Genéve, Rue de la Coulouvrenière, 27.